

А. Авторханов

ЗАГАДКА
СМЕРТИ
СТАЛИНА

А. Авторханов

Загадка смерти Сталина

(Заговор Берия)

ПОСЕВ

Обложка работы художника М. Мартина

Ч е т в е р т о е издание. 1981 г.

World © Abdurakhman Avtorkhanov, 1976

All rights reserved

© for Russian Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1976

Frankfurt/Main

Printed in Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ

На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Берия. Рано или поздно один должен был уступить место другому, или оба погибнуть во взаимной борьбе. То и другое случилось почти одновременно. Данное произведение и посвящено реконструкции исторического процесса последних пяти лет сталинского правления (1948—1953 гг.), приведшего к этому.

При тиранических режимах политика есть искусство чередующихся интриг. Придворные интригуют, чтобы оказаться поближе к тирану, а тиран — чтобы натравливать их друг на друга: ведь придворные, постоянно соперничающие между собой, не способны организовать заговор против своего владыки. В подобного рода интригах Сталин и его клика не имели себе равных.

Сталин окружил себя людьми, преданность которых обуславливалась не общественными идеалами, а лишь соображениями карьеры. Каждый из них боролся за Сталина, ибо Сталин — это власть, но чтобы они не объединились против него в борьбе за эту власть, Сталин разжигал среди них взаимную ненависть. Эта тактика имела и еще одно преимущество: когда Сталину было нужно «пустить в расход» кого-нибудь из своей клики, он делал это по доносам одних, при энтузиазме других и при молчаливом согласии остальных.

У большевистской правящей элиты было атрофировано самое элементарное чувство коллегиальной солидарности для спасения своих отдельных представителей — хотя бы ради своего собственного спасения. Этим воспользовался Сталин до войны, на пути к единоличной тирании. Этим Сталин продолжал пользоваться и после войны, пока самый способный из его учеников — Берия — не превзошел своего учителя.

Если каждый из членов последнего сталинского Политбюро умер или умрет своей смертью, то это — благодаря тому, кого они убили: Берия. Если не состоялась вторая, куда более грозная, чем в ежовщину, «Великая чистка», если сотни тысяч людей были спасены от чекистских пуль, а миллионы — от концлагерей, то этим, вероятнее всего, страна обязана тоже

Берия. Это не было его целью, но это было его невольной заслугой.

Когда Сталин решил ликвидировать свою «старую гвардию» (молотовцев), апеллируя к «молодой гвардии» (маленковцам), Берия первый разгадал его стратегический план — уничтожить всех членов Политбюро по шаблону 20-х и 30-х годов: «старую гвардию» — при помощи «молодой гвардии», «молодую гвардию» — при помощи «выдвиженцев». Но Сталин просчитался: его окружали теперь не идейные простофили двадцатых годов, не политические евнухи тридцатых годов, а его же духовные двойники, выпестованные им самим, по его собственному криминальному образу мышления и действия. Но на высоте криминального искусства самого Сталина стоял среди них только один Берия. К счастью народов СССР, Бог лишил Сталина разума в тот самый момент, когда он направил его гнев в сторону Берия.

С уму непостижимой оплошностью Сталин выдал себя, сформулировав обвинение кремлевских «врачей-заговорщиков»: ведь обвинение всей сети верховных органов госбезопасности в попустительстве «заговорщикам» было прямо направлено против Берия. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь нужна была его голова. У Берия не было никаких других средств спасти ее, кроме того как лишить самого Сталина его собственной головы.

Вот так и был организован беспремерный по трудности, но и блестящий по технике исполнения заговор Берия против Сталина. Организатор заговора доказал, что он превзошел Сталина в том, в чем последний считался корифеем: в искусстве организации политических убийств!

Естественно, в результате власть Сталина оказалась у Берия. Члены Политбюро, судьбой которых Берия теперь мог распоряжаться, решили отнять у него власть. Возглавленный Хрущевым, был создан второй, беспремерный по трусости заговор — против Берия, заговор, который по существу был убийством из-за угла. Впрочем, таким же был и организованный впоследствии заговор против самого Хрущева — с той лишь разницей, что его оставили в живых.

Все три заговора: против Сталина, против Берия и против

Хрущева — свидетельствуют об одном: советский режим не может менять своих правителей легальными методами. Так было всегда. Так будет и дальше.

Не абстрактные спекуляции, не искусственные конструкции, а логика целой цепи косвенных доказательств, называемых в юриспруденции уликами, привели меня к окончательному выводу: Сталин умер в результате заговора. Заговор этот не был импровизацией. Он был лишь последним актом той продолжительной послевоенной трагедии, в которой актеры как бы поменялись ролями: предназначенные к гибели герои умертвили «бессмертного», чтобы самим остаться в живых. С такой же уверенностью я не могу этого утверждать о втором аспекте моей темы: как был умерщвлен Сталин? Коллапс как последствие шока от заседания Политбюро с последующим вредительским лечением или яд замедленного действия, полученный от Берия? Впрочем, собранные мною улики для того или другого случая я предоставляю на суд самого читателя.

Я не буду останавливаться на характеристике использованных мною советских и западных источников, но скажу несколько слов о книге «Хрущев вспоминает» (Khrushchev Remembers), изданной на английском языке. Подлинность этих мемуаров Хрущева подвергалась в печати сомнению. Я не разделяю такой оценки. Около 80-85% фактов, приведенных в книге, мы знаем из многих других высказываний Хрущева в беседах с разными лицами или из его официальных речей, а остальной текст мемуаров никаких сенсационных разоблачений не содержит.

Немного надо сказать и о моих частных источниках информации из СССР. В этом отношении я оказался в несколько более выгодном положении, чем другие историки на Западе. Объясняется это тем, что КГБ широко разрекламировал мою книгу «Технология власти» (1959 г.): на многих политических процессах в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах она фигурировала — в издании Самиздата — как вещественное доказательство против подсудимых (за нее мастера фальсификации из ЦК сочинили мне биографию, в которой нет ни одного слова правды, кроме моего имени). Уже в той книге я написал, что загадочная смерть Сталина последовала, вероятно, в результате заговора «четверки»

(Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина) и что подозрительно само это подчеркивание в официальном сообщении о месте смерти Сталина: «Сталин умер в Москве на своей квартире» (А. Авторханов. Технология власти. 1959, стр. 282, 285). Все мои дальнейшие поиски за истекшие 15 лет и были посвящены этой «загадке смерти Сталина». Но так как «Технологию власти» переиздал не только Самиздат, но и ЦК КПСС — для партийной элиты, в издательстве «Мысль», с грифом «запрещенная литература», — то у нее оказался относительно широкий круг читателей. Отсюда и приток ко мне по разным каналам дополнительных сведений о том, как происходили некоторые из описываемых мною послевоенных событий. К сожалению, я лишен возможности использовать их полностью. Для этого еще не наступило время. Исключение сделано только в тех случаях, когда аутентичность материала кажется бесспорной или поддается объективной проверке.

1975 г.

А. Авторханов

Примечание. При цитировании высказываний Ленина автор пользовался двумя изданиями: 1) Ленин, ПСС и 2) Ленин, Сочинения, 3-е изд.

Если нет специальных оговорок, то напечатанные курсивом места в цитатах выделены автором. — Ред.

Глава I

«ВЕРХОВНЫЙ» ДЕЗЕРТИР

Когда большевистского завоевателя Грузии, соратника Ленина и врага Сталина — Буду Мдивани — вели в 1937 году на расстрел, то он крикнул на весь коридор Метехского замка: «Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном последовала очередь Робеспьера!» Сталин делал в дальнейшем всё, чтобы грузинский Дантон не оказался пророком.

До войны с этой задачей он, не без учета урока Робеспьера, справился блестяще. Робеспьер посылал на эшафот лишь отдельные группы из Конвента, великодушно оберегая сам Конвент, но тогда Конвент послал его туда же. Сталин, как диктатор, поступил более разумно: разделившись со своими ультраревOLUTIONными гебертистами (троцкистами) и правооппортунистическими дантонистами (бухаринцами) при помощи большевистского Конвента, Сталин послал, под конец, на эшафот и этот слепо преданный ему Конвент — ЦК 1934 года. Сталин, если речь шла о его личной безопасности, не искал врагов — он уничтожал потенциальных врагов: группами, классами и даже целыми народами, считая, что уничтожить их, когда они станут действительными вра-

гами, будет трудно, а может быть, и невозможно.

Но после второй мировой войны Сталин вновь увидел сгущающиеся грозовые тучи на партийном небе. Везде мерещились предатели и заговорщики в масках верных лакеев. И на одном из приемов в честь своего семидесятилетия — в декабре 1949 года, когда ему была представлена делегация его земляков, — Сталин вновь вспомнил слова Мдивани. Он вообще не любил баловать своих земляков вниманием, а это навязанное ему представление особенно расстроило его.

Повод был пустяковый. Сталин, ставший с годами не только мнительным, но и суеверным, увидел зловещее предзнаменование в том, что среди земляков, приехавших приветствовать его из Грузии, был и один — не то танцор, не то писатель — по фамилии Мдивани, родственник или однофамилец Буду Мдивани. «Этот бес Берия нарочно выискал его, чтобы испортить мне настроение призраком Буду», — решил Сталин.

Не потому ли он был в тот день особенно холоден с грузинами? Ведь все заметили, как невежливо Сталин отозвался на восторженную оду одного тбилисского поэта. Приветствуя Сталина в стихах на грузинском языке, поэт пожелал ему жить так долго, как живут многие кавказцы — 100 лет! Легенда утверждает, что Сталин сделал поэту выговор, повторив слова одного римского кардинала, сказанные в аналогичной ситуации: «Зачем такие ограничения?»

В реплике Сталина чувствовался явный упрек

— его давно объявили богом, боги же бессмертны, а тут ему напоминают, что он когда-то умрет. Догадливый поэт исправил свою ошибку в следующем году, в день выборов в Советы, поместив под большим портретом Сталина в «Правде» новые стихи:

*На радость нам, на страх врагам
Живи, отец, всегда.*

Это тоже была одна из странностей стареющего Сталина, по приказу которого умерщвляли миллионы людей, но в присутствии которого вообще нельзя было говорить о смерти. Даже о своих врагах, расстрелянных им еще до войны, он любил говорить древнеримской формулой о казненном: «Он жил!» — Зиновьев жил, Бухарин жил, Троцкий жил, даже Ленин жил, но он, Сталин, живёт и будет жить долго, долго... Хотя Сталин ни в какого Бога не верил, но библейские сказания о долголетию людей в ту древнейшую эпоху наводили его на фантастические размышления, граничащие с верою в чудо.

Нашумевший в свое время на весь мир академик Александр Богомолец однажды похвалился, что Сталин — самый компетентный читатель его книги «Продление жизни». Своей внутренней вере в собственное долголетие Сталин нашел у Богомольца научное обоснование. Это и было причиною того, что Сталин не только предоставил в распоряжение академика почти неограниченные средства для дальнейших исследований по продлению жизни человека, но и сделал его Героем

Социалистического Труда и членом Верховного Совета СССР. Однако бедный академик, который обещал продлить жизнь Сталина за сотню лет, сам едва прожил 65 лет. Вероятно, Богомолец был единственным человеком, смерть которого повергла Сталина в глубокую меланхолию. То была тоска по потерянной вере в чудо-долголетие.

Чем мрачнее становился Сталин, тем ненавистнее ему делались люди — безразлично, ближние или дальние, друзья или враги. Впрочем, друзей у него никогда и не было, были только — люди полезные, бесполезные и вредные. Полезных он эксплуатировал, бесполезных гнал в шею, а вредных ликвидировал без малейшего проявления личной ненависти.

Конечно, Сталин думал о смерти, но удивительно — он всегда думал о насильственной смерти и один раз даже решил напугать этой смертью своих «друзей», каждый из которых был в его глазах кандидатом в убийцы. Со слов Хрущева, мы знаем о его грозном предупреждении по адресу потенциальных бротов из Политбюро: «Вы слепы, как новорожденные котята, что вы будете делать без меня?» — спрашивал их Сталин.

Партийная пропаганда с конца двадцатых годов постоянно утверждала: Сталин не только корифей всех наук, не только ясновидец в политике, он — и непревзойденный полководец всех времен и народов. Но под тяжестью вести о падении Гитлера на СССР Сталин, потерявший

всякую волю к действию, оказался не только паникёром, но и дезертиром в прямом смысле этого слова.

Гитлеровское нападение было спровоцировано самим Сталиным. Организовав великую инквизицию против народов, уничтожив весь руководящий состав партии, государства и Красной армии, заключив антизападный пакт с Гитлером, Сталин прямо-таки пригласил его к нападению на СССР. В кругах партийного актива Сталин оправдывал пакт «политикой дальнего прицела»: дадим, мол, Гитлеру и Западу истощиться во взаимной драке, пока они оба не станут на колени, а вот тогда не Гитлер, а мы продиктуем «новый порядок» Европе. Но эти расчеты не оправдались и Гитлер широким фронтом двинулся на Россию.

22 июня 1941 года, вечером, Сталин ворвался в здание Министерства обороны СССР и начал разносить площадной бранью всю Красную армию как армию предателей и трусов. После этого краткого «налета» на Министерство обороны он в панике удрал в свою подмосковную крепость, которая почему-то называлась дачей. На экстренное совместное заседание Политбюро, Совета министров и Верховного Совета 22 июня 1941 года, созванное через несколько часов после начала войны, он явиться отказался.

Целой толпе «верных соратников и учеников Сталина» ничего не оставалось как вместе с Генеральным штабом отправиться на его дачу, в Кунцево. Тут же, на импровизированном

заседании Политбюро и правительства, Сталину предложили выступить с обращением к народу, партии, армии об организации обороны против гитлеровских агрессоров. Сталин наотрез отказался (тогда это обращение поручили Молотову). Сталину предложили, как председателю правительства, возглавить Главное командование Красной армии. Сталин наотрез отказался (тогда это поручили маршалу Тимошенко).

Когда члены Политбюро начали напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в контрнаступление и обвинил Молотова в предательстве за подписание пакта с Риббентропом, а Ворошилова и Жданова назвал саботажниками соглашения с англо-французской военной миссией, приехавшей в Москву еще до Риббентропа. На возражение, что всё это делалось ведь по прямому предложению самого Сталина, Сталин с несвойственной ему горячностью вскочил с места, обложил всех матом и исчез в один из своих тайников, точные входы и выходы из которых не знала даже его личная охрана. «Соратники» не осмелились его разыскивать, не дождавшись его возвращения, вернулись в Москву и приступили к принятию только самых неотложных мер.

Советские послы в столицах будущих союзных государств не получали никаких директив, а послов этих государств в Москве никто не принимал. Майский, советский посол в Лондоне, уже после свержения Хрущева писал в своих мемуарах:

«Наступил второй день войны — из Москвы не было ни звука, наступил третий, четвертый день войны — Москва продолжала молчать. Я с нетерпением ожидал каких-либо указаний от советского правительства и прежде всего о том, готовить ли мне в Лондоне почву для заключения формального англо-советского военного союза. Но ни Молотов, ни Сталин не подавали никаких признаков жизни. Тогда я не знал, что с момента нападения Германии Сталин заперся, никого не видел и не принимал никакого участия в решении государственных дел. Именно в силу этого 22 июня по радио выступил Молотов, а не Сталин, и советские послы за границей в столь критический момент не получили никаких директив из центра» («Новый мир», № 2, 1965).

По законам военного времени Сталин заслуживал, как дезертир и предатель родины, расстрела.

Когда дела на фронтах приняли более благоприятный оборот, Сталин начал разыгрывать из себя героя, но Хрущев говорит:

«Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом. На первом этапе войны, когда дела шли для нас скверно, я не видел ни одного документа или приказа, подписанных Сталиным: «Верховное главнокомандование», «Генеральный штаб», — таковы были подписи под документами и приказами, но никогда не было там имени самого Сталина. Даже и после того, как мы отбросили нем-

цев от Москвы и Сталин начал постепенно приходить в себя, не произошло изменения в этой практике подписывания. Это не было случайно...» (Khrushchev Remembers. Little, Brown & Co., 1971, pp. 180-181).

В докладе на XX съезде КПСС Хрущев от имени ЦК засвидетельствовал:

«Было бы неправильно забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: «Всё, что создал Ленин, мы потеряли навсегда».

После этого в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 35-36)*.

Убедить Сталина, что гитлеровская тактика «блицкрига» хороша в странах без тыла, но не в

* Что Сталин был в панике, свидетельствует и семейная хроника. Так, тётка Светланы Аллилуевой, Евгения Аллилуева, рассказала о своей встрече со Сталиным в августе 1941 г. (через два месяца после начала войны): «Я никогда не видела Иосифа таким подавленным и растерянным. Я приехала к нему, думая найти поддержку, надеясь, что он подбодрит меня... Каков же был мой ужас, когда я нашла его самого в состоянии близком к панике» (Светлана Аллилуева. Только один год. Harper & Row, 1969, стр. 324).

такой гигантской стране, как СССР, было невозможно.

Удивительная метаморфоза произошла у советских маршалов и генералов в оценке поведения Сталина в начале войны. При Хрущеве они единодушно писали о дутым военном «гении» Сталина и его паническом поведении. Эти же маршалы и генералы, однако, возносят Сталина до небес при Брежневле. Но иногда и при новом генсеке сквозь густой дым фимиама, который курят Верховному, всё же сверкают искры правды. Вот сцена из «Блокады» А. Чаковского, большого приверженца Сталина:

«Сдавленным голосом Молотов произнес: — Германское правительство объявило нам войну. Эти слова застали Сталина на его пути в дальний угол комнаты. Услышав их, он круто повернулся. И именно в этот момент все увидели, что в нем произошла какая-то неуловимая, но несомненная перемена. Казалось, что Сталин сбился с пути, заблудился, потерял зрение... Наконец, Сталин сказал (военным): — Дайте директивы, чтобы наши войска отбили атаки врага, прикажите пока не переходить границу... Все (члены Политбюро. — А. А.) с горечью и даже со страхом ощутили, что на этот раз его голос прозвучал как-то ненатурально. Сталин был подавлен, угнетен, и это поняли все» («Знамя», № 11, 1968, стр. 48).

По рассказу Чаковского, когда накануне нападения Гитлера нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал

Жуков явились к Сталину с докладом и доложили ему, что по всем данным предстоит нападение Германии, Сталин обвинил их, что они поддаются провокационным донесениям и сеют панику. После этого он их не очень вежливо выставил из своего кабинета и запретил им перевод армии на «оперативную готовность № 1» (это означало перевод армии в состояние высшей боевой готовности). Но вот теперь, когда подтвердилось то, что предсказывали Тимошенко и Жуков,

«...поздним вечером Сталин и несколько членов Политбюро неожиданно появились в здании Наркомата обороны... Обычно внешне спокойный, медлительный в разговорах и движении Сталин на этот раз не смог сдержаться. Он обрушился гневными, обидными упреками на руководителей Наркомата обороны и Генштаба. Потом поникший, ссутулившийся, вышел из здания и уехал в свой кунцевский дом... Никто его не видел. Он не появлялся в Кремле. Никто не слышал его голоса в телефонных трубках. Он никого не звал. И никто из тех, кто в эти дни ежечасно ожидал его вызова, не решался ехать к нему незванным. На членов Политбюро, наркомов, руководителей Наркомата обороны, Генштаба и Политуправления армии сразу же обрушились тысячи дел, больших и малых, связанных с осуществлением военных мероприятий в стране и на фронтах. Однако с утра и до глубокой ночи занятые этими делами, они не раз спрашивали себя: где же Сталин?» (там же, стр. 51).

Сталин бежал с поста, оставив страну и армию

без руководства, на произвол Гитлера. Однако, если бы Чаковский был до конца верен исторической правде, он добавил бы: единственный человек, который осмелился поехать к Сталину и предложил ему вернуться из своего кошмарного состояния к реальной жизни, а значит и к руководству войной, был Берия. Если даже Берия это не удалось, то можно себе представить глубину ужаса, который овладел Сталиным. Хрущев сообщил, что ему рассказал Берия после визита к Сталину. На настойчивый призыв Берия взять руль войны в свои руки Сталин ответил: «Всё потеряно. Я сдаюсь» (Khrushchev Remembers, vol. II, p. 7).

Настолько Сталин потерял голову. Если Сталин не потерял ее и физически, то лишь потому, что во главе армии не оказалось людей, ставивших интересы страны выше своей карьеры. Молодые же командиры, как Жуков, Говоров, Ерёменко, Чуйков и даже те, которые были направлены в действующую армию прямо из концлагерей, как Горбатов, Мерецков, Рокоссовский, были настолько загипнотизированы мифом о величии Сталина, что в их головы не приходила мысль о наказании первого дезертира страны. К тому же, они мало знали о том, как функционирует преступная машина власти Сталина, и отгораживались от «высокой политики» традиционной формулой: «Мы — солдаты, а не политики».

Бои, битвы, сражения и войну выиграли они, а не Сталин, но обратите внимание: сразу же после победы все успехи своего стратегического и

даже оперативного искусства они приписывают «Верховному» (легенда о «десяти сталинских ударах»). Однако сам начальник Генерального штаба времен войны маршал Василевский засвидетельствовал (уже при Брежневе), что более или менее квалифицированно руководить войной Сталин стал только с весны 1943 года, в ходе сражения под Курском. Стало быть, его руководство «Сталинградской битвой» — легенда кинорежиссеров. Вот это свидетельство: «Пожалуй, в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбой по-новому Сталин стал лишь в ходе сражения на Курской дуге» («Комсомольская правда», 17. 9. 1974, статья доцента В. Барабанова).

Народы СССР, несмотря на Сталина, войну выиграли, но какой ценой? К 70-летию Сталина Микоян писал: «Руководство т. Сталина обеспечило народам нашей страны завоевание великих побед *с наименьшими потерями*» («Правда», 21. 12. 1949). «Наименьшие потери» свелись к тому, что Россия потеряла в этой войне 20 миллионов человек только одними убитыми, а инвалидами вернулось еще столько же.

Сталин понимал, что, принеся такие жертвы, народ захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. Сталин понимал, что война отучила людей бояться смерти. В течение четырех лет каждый советский солдат много раз встречался с нею лицом к лицу. Двадцать миллионов не вернулось с этой встречи, а те, кто уцелел, вернулись с физическими и духовными травмами. И

вернувшиеся были грозны в своем молчаливом ожидании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат Гитлера в начале войны. «Эти люди взяли Берлин, они могут взять и Москву», — эта мысль не покидала его до последнего вздоха в Кунцеве.

Во время войны неимоверно выросло влияние на Сталина и на судьбу страны двух (из пяти) членов Государственного комитета обороны — Маленкова и Берия. Они стали фактическими руководителями Политбюро, хотя формально и не входили в его состав (ГКО был создан 30 июня 1941 года и поставлен над Политбюро, Советом министров и Президиумом Верховного Совета СССР. Первоначально в него входили: Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов). Не только судьба войны, но и судьба самого Сталина оказалась в их руках.

Да это и понятно. Когда под влиянием катастрофы на всех фронтах против немцев паника Сталина переросла в безнадежное отчаяние и он прямо признался, что гибель СССР уже предрешена, эти два человека проявили не только присутствие духа, но и колоссальные организаторские способности. Они восстановили оборону при помощи политической полиции (Берия) и партаппарата (Маленков). По их предложению была создана Ставка Верховного главнокомандования.

Формально Верховным главнокомандующим был Сталин, фактически — его первые заместители: по армии — Жуков, по войскам НКВД — Берия. Политически Ставка находилась в руках

Берия и Маленкова. Без их разрешения не только главнокомандующие фронтами, но и члены Политбюро, входившие в состав военных советов фронтов (Хрущев, Жданов, Булганин), не имели права непосредственно связываться со Сталиным.

Надо хорошо знать психологию Сталина, чтобы понять, почему после победоносного окончания войны свои первые удары он нанес как раз этим трем организаторам победы — Берия (освобожден от непосредственного руководства НКВД), Маленкову (отправлен в Туркестан), Жукову (отправлен командовать округом). Их присутствие около Сталина после того, что они видели и узнали о нем во время войны, было постоянным вызовом его нечистой совести.

Были, однако, соображения и более веские: судьба Сталина и в послевоенное время находилась бы в руках «триумвирата» (Берия — Маленков — Жуков) времен войны, если бы он их не отстранил от непосредственного оперативного руководства полицией, партией, армией. Разматывать весь сложный клубок последующих событий мы можем только при учете этого обстоятельства.

Глава II

«ВНУТРЕННИЙ КАБИНЕТ» СТАЛИНА

Одной из основ тирании Сталина был его необыкновенный инстинкт самосохранения, выразившийся в безошибочном подборе личных сотрудников и личной охраны. Если Сталину рекомендовали со стороны кого-нибудь в сотрудники, то Сталин никогда этой рекомендации не следовал, даже если за ней стояли органы политической полиции или аппарата ЦК. Сталин самолично комплектовал свой штаб. Работник, подобранный по признакам, только одному Сталину ведомым, проходил свой испытательный стаж по заданиям Сталина и под его непосредственным наблюдением. Тот, кто выдерживал это испытание, навсегда входил в «живой инвентарь» «Внутреннего кабинета» Сталина. Опираясь на этот «кабинет», Сталин и захватил «необъятную власть», о которой Ленин пишет в своем «Завещании».

«Внутренний кабинет», названный во внутрипартийных документах «Секретариатом т. Сталина», поначалу возглавлял старый революционер Иван Петрович Товстуха. До революции 1905 года он вращался в разных, между собою соперничавших социал-демократических группах, преимущественно меньшевистских, а после пора-

жения революции, отбыв ссылку в Сибири, сделал резкий поворот влево. Эмигрировав во Францию, Товстуха записался в 1913 г. в парижскую «группу ленинцев» РСДРП. Человеку проворному, смелому и не признававшему «рыцарских предрассудков» в политической борьбе, линия Ленина на Пражской конференции (1912 г.) — окончательный разрыв с меньшевиками — пришлась по душе. Товстуха связал свою революционную карьеру с делом Ленина, сотрудничал в различных ленинских изданиях, проявляя весьма похвальные, с точки зрения Ленина, «сыскные» способности не только в политике, но и в литературе. Товстуха принял деятельное участие в Октябрьском перевороте в Москве, сделался видным советским работником, а в 1919 году Сталин забрал его в Наркомнац — начальником своей канцелярии, членом Коллегии Наркомата.

На X съезде партии (март 1921 г.) Ленин ввел «осадное положение» (запрещение групп или фракций, запрещение критики аппарата ЦК и линии Политбюро) и весь старый секретариат ЦК (Крестинский, Преображенский, Серебряков), поддержавший во время профсоюзной дискуссии Троцкого и Бухарина против Ленина, Зиновьева, Сталина, был смещен. Секретариат возглавил сталинский выдвиженец Молотов, а его помощником Сталин рекомендовал своего секретаря Товстуху. Так Молотов и Товстуха оказались во главе аппарата ЦК за год до «генсекства» Сталина, вроде как бы сталинской «дозорной команды».

О Товстухе шла слава, что он произведения

Ленина знает лучше, чем сам Ленин. Поэтому его назначили помощником Л. Б. Каменева по подготовке издания Собрания сочинений Ленина (согласно решению IX съезда в 1920 г.). Не только все опубликованные произведения, но и весь личный архив Ленина оказался в руках Товстухи, как бы по праву «партийной национализации». Но что было в руках Товстухи, оказалось и в руках Сталина, когда через год он стал генсеком.

Пользуясь своим положением, Сталин спровоцировал Товстуху на партийно-государственное преступление, которое бы привело к суду над ними обоими, если бы Ленин был здоров. Дело касается истории получения Лениным немецких денег во время первой мировой войны. Когда Временное правительство обвинило Ленина в получении этих денег через Я. С. Ганецкого за шпионаж в пользу Германии, то Ленин уклонился от суда, заявляя, что он ничего общего не имел и не имеет с Я. С. Ганецким, который назван в сообщении прокуратуры связным между ним и немецким главным агентом в Стокгольме — доктором Парвусом. В своем ответе прокурору от 22-26 июля 1917 г. Ленин писал: «Прокурор играет на том, что Парвус был связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким *никаких*» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 31). Вся партия тоже стояла на точке зрения Ленина, что Временное правительство просто в политических целях клеветает на Ленина. Правда, узкая вер-

хушка партии знала то, что теперь знает весь мир из-за публикации архива немецкого министерства иностранных дел издательством «Oxford University Press» (Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, ed. Z.A.Zeman), а именно: Ленин действительно получал многомиллионные суммы денег на организацию революции в России, чтобы тем самым выключить ее из войны. Этот вопрос разбирался на VI съезде партии (август 1917 г.): явиться ли Ленину и Зиновьеву на суд, чтобы опровергнуть «клевету»?

Сталин был за явку Ленина. Сталин внес резолюцию, в которой говорилось, что Ленин и Зиновьев «явятся, если суд будет демократический, честный» (Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. 1958, стр. 27-28). Но Бухарин, знающий, почему Ленин уклоняется от суда, категорически отвел резолюцию Сталина на съезде: «Что значит честный буржуазный суд? На этом суде будет ряд документов, устанавливающих связь (конечно, Ленина. — А.А.) с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус не шпион» (там же, стр.34). Таким образом, партия считала, что Ленин был прав, отрицая всякую связь с Ганецким, хотя верхушка партии (Зиновьев, Радек, Ганецкий, Бухарин — за границей, Сталин и Каменев — в России, как редакторы «Правды», издаваемой на эти деньги) точно знала об этой связи.

Но вот с конца 1922 г. Сталин начал получать от больного Ленина плохие вести: статью об «автономизации» национальных республик, в ко-

торой он Сталина называет «великорусским держимордой», «Завещание» Ленина, в котором констатируется, что, став генсеком, Сталин «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и что он способен ею злоупотреблять, и приписка 4 января 1923 года, как предложение предстоящему XII съезду снять Сталина с поста «генсека», наконец, личное письмо к Сталину (март 1923 г.) о разрыве с ним личных отношений (все эти документы после XX съезда напечатаны в ПСС Ленина, т.45). Теперь Сталин точно знал, что первый день выздоровления Ленина будет последним днем его пребывания на посту генсека. Однако Сталин совсем не думает капитулировать перед Лениным. Сталин решил обороняться, наступая. Здесь как раз и пригодился Товстуха. Товстуха разыскал в личном архиве Ленина документы, которые дискредитировали лидера большевиков как немецкого агента. Таких, оказалось, вероятно, много, но Сталин решил использовать именно те документы, которые разоблачают ложь Ленина, что он не только никаких денег не получал от Ганецкого, но даже и никаких связей с ним не имел. По заданию Сталина Товстуха опубликовал следующие два письма: 1) 12 апреля 1917 г. Ленин пишет из Петрограда в Стокгольм Ганецкому и Радеку: «Дорогие друзья! До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили... Будьте архи-аккуратны и осторожны в отношениях»; 2) 21 апреля 1917 г. Ленин пишет Ганецкому: «Деньги от Козловского получены (Козловский — петроград-

ский адвокат-большевик, связной между фирмами-разведками Стокгольм-Петроград. — А. А.)... В общем выходит около 15 большевистских газет» (это отчет деньгодателю. — А. А.). Эти два письма были опубликованы, конечно, без ведома Ленина, в журнале «Пролетарская революция» (№9, сентябрь 1923 г.), который редактировал сам Товстуха. Мораль публикации: вечный эмигрант, немецкий агент и лжец Ленин, который получал немецкие деньги без ведома партии и ее ЦК в России, хочет ликвидировать постоянного организатора и руководителя подпольного большевистского ЦК в России, Коба-Сталина. Разумеется, публикация вызвала бурю негодования Ленина и близких к Ленину против... Товстухи. Сталину, чтобы не раскрылась пружина всей этой антиленинской интриги, пришлось пожертвовать Товстухой. Он был уволен из ЦК и тогда его место занял А. Н. Поскребышев.

В лице Поскребышева, бывшего помощником Товстухи, Сталин нашел более чем достойного преемника. Александр Николаевич Поскребышев почти на протяжении тридцати лет был вторым «я» Сталина. О масштабе власти этого «канцеляриста» можно судить хотя бы по тому, что со временем доступ к первому «я» — Сталину — лежал через второе «я» — через Поскребышева. Речь идет не о входе в служебный кабинет Сталина (хотя это тоже контролировалось Поскребышевым), а о входе в мозговую лабораторию Сталина. Члены ЦК и даже члены Политбюро, когда они хотели узнать, как думает или будет

думать Сталин, узнавали, что же думает Поскребышев. Недаром сам Сталин называл его «Главным». Это не значит, что Поскребышев подсказывал Сталину, как действовать в той или иной ситуации, но он почти всегда безошибочно угадывал эти действия и влиял на них.

Поскребышев пришел в ЦК в то самое время, когда Сталин, став генсеком, приступил к чистке старого, троцкистского, и к созданию нового, сталинского, аппарата ЦК. Он был на 12 лет моложе Сталина, но уже имел значительные «заслуги»: Поскребышев, как председатель Баранчинского совдепа и член Екатеринбургского губернского совдепа, подписал приговор от 16 июля 1918 г. о расстреле Николая II, его супруги и их малолетних детей. Пройдя первое революционное крещение — убийство царской семьи, — Поскребышев посвятил себя палаческой профессии: поначалу, как один из руководителей Политотдела Особой Туркестанской армии, он занимался уничтожением «буржуазных националистов» Туркестана, а потом, как председатель уездного ревкома в г. Златоусте и губревкома в Уфе, — физическим уничтожением сибирских крестьян, поддерживавших адмирала Колчака.

Скоро выяснилось, что Поскребышев не просто каратель, а каратель с большими задатками партийного организатора. Поэтому Поскребышев был назначен заведующим Орготделом Уфимского губкома партии. Вот оттуда Сталин его и забрал к себе, в канцелярию ЦК. Молодой светлокудрый сибирский башибузук на глазах

своего «Хозяина» превратился к концу карьеры в лысого, обрюзгшего, желчного, всевластного старика.

На XX съезде Хрущев сообщил, что Сталин около себя терпел только одного человека — «своего верного оруженосца Поскребышева». В книге «Хрущев вспоминает» (Khrushchev Remembers) Хрущев уточняет эту характеристику: Поскребышев «был преданнейшим псом Сталина. Он не был глуп, он сосредоточил в своих руках столько власти, что начал важничать. Он начал вести себя надменно с каждым, демонстрируя откровенное презрение к любому члену Президиума (Политбюро), кто более не пользовался расположением Сталина. Например, он злобно рычал на Молотова и Микояна, когда те впали в немилость Сталина. Поскребышев бывал невыносимо агрессивным. Он находился ближе к Сталину и поэтому раньше всех нас узнавал, на кого пала тень сталинского подозрения или неудовольствия. Поэтому тот, против которого восстал Поскребышев, считался предназначенным быть очередной жертвой» (стр. 292).

Понять, как человек, который не состоял ни членом Политбюро, ни членом Секретариата ЦК, мог играть такую роль, можно только при анализе механизма личной власти Сталина.

Биограф Сталина, который не поставит в центр своего анализа «Внутренний кабинет» Сталина, состоявший из «Секретариата т. Сталина» и «Особого сектора», мало что поймет в биографии Сталина, в его восхождении к личной дикта-

туре, в секрете его феноменальных успехов. «Внутренний кабинет» — выдающееся изобретение Сталина, сделанное еще при жизни Ленина, когда признанным диктатором считалось не отдельное лицо, а коллектив — Политбюро. Уникальность этого изобретения заключалась в том, что личная диктатура была замаскирована отсутствием всякого внешнего ее проявления. Члены не только ЦК, но и Политбюро не видели никакого «кабинета» у Сталина, а лишь техническую канцелярию, состоящую из самых обыкновенных технических чиновников. Однако Ленин углядел нечто большее в «канцелярии» Сталина: «Т. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках *необъятную власть*» (Ленин, ПСС, т.45, стр.345-346). Размышляя над тем, как Сталин может использовать эту «необъятную» власть, Ленин в упомянутом «Завещании» 4 января 1923 года предлагает снять Сталина с поста «генсека». Тогда и выяснилось, что Сталин — великий мастер маскировки: члены Политбюро настолько уверовали в «серость» Сталина (Троцкий: «Сталин — выдающаяся посредственность»), что посчитали требование Ленина большой фантазией его мозга.

Идею «Личного кабинета» Сталин, вероятно, позаимствовал из николаевской эпохи. Николай I, после восстания декабристов разочаровавшись в главной опоре — в дворянстве, — решил опираться на бюрократию. Первым шагом было создание «Личной канцелярии Его Императорского Величества» с четырьмя отделениями.

Важнейшими были личное «Первое отделение» и «Третье отделение». В «Третьем отделении» было сосредоточено руководство политической полицией и жандармским корпусом. Сталин, разочаровавшись в главной опоре большевизма, в старой большевистской элите, решил уничтожить ее не только политически, но и физически и создать новую опору власти из новой партийной бюрократии, которую стали потом называть партаппаратчиками. Знаменитую формулу Ленина — «дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию» — Сталин применил к советской России: «Кадры решают всё!»

Подбор этих новых кадров был поручен двум другим членам «Внутреннего кабинета»: Ежову и Маленкову.

Для понимания роли «Внутреннего кабинета» нужно знать, что представляли собой его две составные части: «Секретариат т. Сталина» и «Особый сектор ЦК».

Ни одно решение Секретариата, Оргбюро, Политбюро и пленума ЦК, ни одно решение Совета министров, ни один указ Верховного Совета СССР не принимались без того, чтобы они не были обсуждены и предрешены в «Секретариате т. Сталина». Поэтому он и был частью «Внутреннего кабинета» Сталина с соответствующим штатом высококвалифицированных чиновников-экспертов как по внутренней, так и по внешней политике. Таково было «Первое отделение» личной канцелярии Сталина.

Однако сталинское «Третье отделение» —

«Особый сектор ЦК», подчиненный тому же Поскребышеву, был, пожалуй, беспрецедентным учреждением во всей мировой истории диктатур и деспотий (достаточно упомянуть, что в «Особом секторе» выдвинулись все три будущих министра госбезопасности — Абакумов, Меркулов и Серов, а также МВД — Круглов). «Особый сектор» — кодовое слово для обозначения системы служб личной политической полиции Сталина.

Впервые «Особый сектор» в партийных документах упоминается в 1934 г. без расшифровки его функций, но с косвенными указаниями, что это просто прежний «Секретный подотдел» ЦК, переименованный теперь в «Особый сектор». Но прежний «Секретный подотдел» представлял собою вполне нормальную службу по личному учёту кадров партии и по хранению секретных документов партии и правительства. Поскольку эти функции действительно перешли к новому сектору, а в системе партаппарата бывшие «секретные подотделы» тоже были переименованы в «спецсекторы» обкомов, крайкомов и республиканских ЦК, то продолжали считать, что произошло простое переименование.

На майском пленуме ЦК 1935 г. нарком внутренних дел СССР Генрих Ягода и секретарь президиума ЦИК СССР Абель Енукидзе рассказали пленуму ЦК о таких фактах, значение которых едва ли они сами тогда понимали.

Произошло это так. В связи с убийством Кирова началась негласная чистка высших учрежде-

ний партии и правительства. Речь еще не шла об арестах, а только об увольнении из правительственных учреждений «социально чуждого элемента». Специальная комиссия ЦК подвергла проверке штат Кремля. В Кремле жили или работали разные люди — руководители партии и правительства со своими семьями, «курсанты» так называемой «школы ВЦИК» (на самом деле — охранный батальон, получивший наименование «сталинского батальона»), высшие учреждения партии и правительства, а также многочисленный обслуживающий технический персонал как учреждений, так и музеев Кремля. На майском пленуме ЦК комиссия доложила, что большинство технических служащих Кремля оказались «классово-чуждым элементом», многие обслуживали дворцы и достопримечательности Кремля еще при Николае II. Комиссия увидела в этом беспечность НКВД при проверке людей и формализм Секретариата ЦИК СССР, который ведал назначением и снятием этого персонала.

Енукидзе отвел обвинение, сославшись на то, что люди, обслуживающие дома Кремля, были оставлены еще по указанию Ленина как «буржуазные специалисты» (ибо только они знали, как организовать уход за памятниками Кремля). Новых же людей на работу в Кремль назначал «Особый сектор» ЦК, а они, Ягода и Енукидзе, только оформляли их.

Это заявление явилось для пленума совершенной новостью: служащие Кремля проверяются не НКВД СССР, а внутренним НКВД Кремля

и его комендатурой, которые подчинены не Ягоде, а «Особому сектору»! Так впервые пленум ЦК узнал, что Сталин создал свою политическую полицию, не подчиненную общегосударственной полиции.

Постепенно начали выясняться и общие функции «Особого сектора»: организация службы личной безопасности Сталина (охрана Кремля, охрана дач Сталина и путей к ним, медико-санитарный надзор за пищей Сталина, контроль над медико-врачебным обслуживанием Сталина), а также организация службы безопасности членов Политбюро и правительства.

Важнейшая функция «Особого сектора» заключалась не столько в охране членов Политбюро и правительства от «врагов народа» (мы знаем, как «охранял» Сталин Кирова), сколько в том, чтобы охранять самого Сталина от потенциального заговора. Поэтому-то эти «руководители партии и правительства» не только были лишены права подбирать себе личную охрану, но даже их прислуга, врачи, садовники, парикмахеры назывались «Особым сектором».

На том же пленуме ЦК стало известно и о существовании при «Особом секторе» «службы перлюстрации», которая подвергала переписку членов ЦК и правительства куда более строгой цензуре, чем это делал знаменитый «Черный кабинет» Меттерниха, перлюстрировавший почту членов австро-венгерского правительства.

Я уже указывал, что у «Особого сектора» была своя сеть — «спецсекторы» обкомов, край-

комов и центральных комитетов республик. Начальники «спецсекторов» назначались непосредственно «Особым сектором» ЦК и подчинялись, и то формально, только первым секретарям названных комитетов. В зданиях парткомов «спецсекторы» занимали изолированные помещения, куда имел право входа только первый секретарь и заведующий орготделом. У начальника каждого «спецсектора» был специальный штат, часто меняющийся код для связи с ЦК, прямой провод, особая фельдъегерская служба НКВД, которая доставляла в Москву и из Москвы особо секретные директивы и информацию.

Начальник «спецсектора» заведовал и агентурой; агенты «спецсектора» на партийном языке назывались «партиформаторами» и занимались шпионажем против руководителей данной области или республики*. Еще одна деталь — обязанности протокольного секретаря на заседаниях бюро обкомов всегда выполнял начальник «спецсектора». Таким образом, шпионская служба «Особого сектора» в центре дополнялась шпионской службой «спецсекторов» на местах. Под надзором были и «большие вожди», и областные.

Конечно, этим делом занимался и местный

* Мое удивление было беспредельным, когда, будучи заведующим орготделом Чеченского обкома партии, я совершенно случайно прочел предназначенную шифровке шпионскую информацию нашего начальника «спецсектора» Соковых против первого секретаря обкома партии члена ЦКК Хасмана.

НКВД, отстраивавший с 1925 г. собственную сексотскую сеть в партии (Ленин был против, считая каждого коммуниста нештатным чекистом). Но Сталин полагал, что местные чекисты слишком связаны с местными партийными руководителями в бытовом плане и поэтому не всегда могут сигнализировать центру о местном «сепаратизме», а вот люди «спецсектора» ни с кем не связаны и зависят только от «Особого сектора» ЦК в Москве. «Особому сектору» практически подчинялась и шпионская сеть в армии («особые отделы» и «политотделы» и даже начальники «секретно-политических отделов» НКВД).

Такой идеально организованный шпионаж среди элиты партии давал Сталину возможность, где бы он ни находился, точно и достоверно знать, что думает и чем занят любой его «соратник» в центре или любой сатрап в провинции. Со Сталиным никогда бы не случилось то, что случилось с Хрущевым 13 октября 1964 г. в Сочи. Нажимом определенной кнопки Сталин легко бы взорвал скопище потенциальных заговорщиков еще до их сговора.

Самое важное значение в деле безопасности своего режима Сталин придавал организации политической полиции. Здесь Сталин следовал мудрому совету Макиавелли: «Только те меры безопасности хороши, надежны и длительны, которые зависят от тебя самого и от твоих собственных способностей». Никто из лидеров большевизма, включая Ленина, не имел такого, как Сталин, опыта по практическому изучению силь-

ных и слабых сторон лучшей политической полиции в мире — царской полиции. Из тридцати восьми лет дореволюционной биографии Сталина двадцать провел он в сфере действия политической полиции либо как арестант (его арестовывали семь раз и пять раз ссылали), либо как поднадзорный.

Сталин был «профессиональным революционером» по рецепту Ленина, а Ленин на вопрос «Что делать?» (1902 г.), чтобы «профессиональные революционеры» в условиях русского полицейского режима могли действовать успешно — отвечал: «профессиональные революционеры» партии должны превосходить по мастерству конспиративной техники своего врага — русскую тайную полицию. Сталин-Коба и был таким «профессиональным революционером». Он доказал свое превосходство над полицией на деле, как непосредственный организатор вооруженных грабежей на Кавказе («эксов»), в том числе и знаменитого вооруженного ограбления Тифлисского казначейства среди белого дня, со многими убитыми и ранеными (1907 г.). В результате этого грабежа Коба-Сталин направил за границу, в кассу Ленина, более 300 тысяч рублей. Даже после того, как непосредственный помощник Сталина по этим грабежам — армянин Камо — как и ряд других участников, были арестованы, Сталин остался вне подозрения. Это и означало: владеть полицейской техникой лучше, чем сама русская полиция владела ею.

Вполне естественно, что во главе всей конспи-

ративной техники большевистской партии в России, как член ее ЦК с 1912 г., стоял Сталин. Столь же естественно, что Сталин был единственным членом Политбюро ЦК, введенным накануне Октябрьского переворота в состав конспиративного центра восстания — «Военно-революционного центра». После успешного переворота этот центр был переименован во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК). Сталин остался в составе ее руководящей коллегии, как представитель ЦК. Ее номинальный председатель Дзержинский и его помощники — Менжинский, Ягода, Лацис, Бокий — были ставленниками Сталина. С первых же дней создания этого страшного учреждения и до своей смерти Сталин не выпускал его из своих рук. Сталин раньше и лучше всех лидеров большевизма понял, что чекизм есть душа и тело коммунистического режима.

Поскольку Сталин свою личную безопасность отождествлял с безопасностью государства, то он и пришел к выводу, что прочность советской системы правления — следствие прочности и неуязвимости его личной власти. Отсюда — идея организации личного кабинета Сталина, как легального органа в системе ЦК под невинным названием «Секретариат т. Сталина». Но легальный орган, превращенный в руководящий политический механизм, стал постепенно нелегальным: во-первых, по уставу партии, во-вторых, потому что, будучи на бумаге техническим органом аппарата ЦК, он на деле был поставлен и над ЦК, и над государством. Это случилось не в

один день. Процесс превращения этой технической канцелярии Сталина в надпартийную силу продолжался 15 лет (1922—1937 гг.).

Во время войны, когда Сталин, охваченный паникой, отказался на время от всякой власти, пострадал и «Внутренний кабинет», а Политбюро и Секретариат ЦК вновь приобрели свою старую уставную власть. Но после перелома и победоносного окончания войны Сталин решил вернуться к старой практике правления. Однако он очень скоро убедился, что это не так просто и едва ли осуществимо в прежнем масштабе: во-первых, из-за Берия и Маленкова, во-вторых, из-за послевоенной атмосферы и прихода новых людей, которые выросли в войне и из войны. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не решился это сделать, хотя и в другой форме, и окольными путями.

Сталин временно перенес центр тяжести с институции («Внутренний кабинет») на личности. Он снимал с руководящих постов в государстве «политиков» и полководцев первого ранга (хотя и преданных ему, но видевших его во время паники и дезертирства), заменяя их «неличностями», лишенными всяких политических и бонапартистских амбиций. Что будут думать о нем лишенные власти военные лидеры, — Сталина мало беспокоило, а чтобы «политики» не «взбунтовались», но и не могли сосредоточить в своих руках хоть какую-нибудь власть, Сталин назначал их своими «заместителями» по правительству (иначе говоря, делал их министрами без портфелей).

Вот после этого Сталин начал постепенно восстанавливать власть «Внутреннего кабинета». Два человека вновь приобретают свое былое значение: генерал-лейтенант А. Н. Поскребышев и генерал-лейтенант Н. С. Власик. Никто не может иметь доступ к Сталину, минуя этих лиц, даже члены Политбюро. Исключения бывали, если Сталин сам вызывал кого-нибудь, чаще всего на обеды-попойки. Сталин не только управлял текущими делами через этих двух лиц, но им он доверил и свою личную безопасность. Посторонняя сила могла подкрасться к Сталину только через кризис этой идеальной службы его личной безопасности. Иначе говоря, никто не мог бы убрать Сталина раньше, чем не уберет этих двух лиц. Но убрать их тоже никто не мог, кроме самого Сталина.

Характеристику Поскребышева мы уже дали. Что же представлял собой другой временщик Сталина — генерал Власик? Это был Аракчеев и Распутин в одном лице: бездушный солдафон и хитрейший мужик. В русской и советской армии это, вероятно, единственный случай, когда малограмотный, простой солдат, минуя всякие курсы и школы, добрался до чина генерал-лейтенанта. Мало того, он выступал толкователем мнений Сталина по вопросам культуры. Власик побил рекорд по длительности служения у Сталина — он единственный сумевший удержаться с 1919 г. и почти до самой смерти Сталина.

Весьма интересную характеристику дает Власику дочь Сталина Светлана Аллилуева. Она пишет:

«Приходится упомянуть и другого генерала, Николая Сергеевича Власика, удержавшегося возле отца очень долго, с 1919 г. Тогда он был красноармейцем, приставленным для охраны, и стал потом весьма властным лицом за кулисами. Он возглавлял всю охрану отца, считал себя чуть ли не ближайшим человеком к нему, и будучи сам невероятно малограмотным, грубым, глупым (? — А. А.), но вельможным, — дошел в последние годы до того, что диктовал некоторым деятелям искусства «вкусы товарища Сталина»... А деятели слушали и следовали этим советам... Наглости его не было предела... Не стоило бы упоминать его вовсе, — он многим испортил жизнь, но уж до того была колоритная фигура, что мимо него не пройдешь. При жизни мамы (до 1932 г. — А. А.) он существовал где-то на заднем плане в качестве телохранителя... На даче же отца, в Кунцеве, он находился постоянно и «руководил» оттуда всеми остальными резиденциями отца, которых с годами становилось все больше и больше... Власик данной ему властью мог делать все, что угодно» (Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. Лондон, 1967, стр. 121-122).

Чеченцы говорят: «Волк, шествующий к горной вершине, рискует своей жизнью». Так погибло много «сталинских волков» — от рук самого же Сталина. Но жертвуя такими волками, как Поскребышев и Власик, Сталин не знал, что он, впервые в своей жизни, стал орудием чужой воли. Как это случилось, мы увидим дальше.

Глава III

БЕРИЯ — МАРШАЛ ЖАНДАРМЕРИИ

Из истории мы знаем, как удивительно сбывались пророчества иных учителей о будущности их незаурядных учеников. Учитель истории Сухумского училища превзошел своих предшественников:

— Ты, Лаврентий, — сказал он одному из своих учеников, — будешь знаменитым кавказским абреком, как Зелимхан, или не менее знаменитым русским полицейским, как Фуше.

Берия стал: и — и. Сначала он был красным абреком в Бакинском подполье и в меньшевистской Грузии в 1920-1921 годах, а потом — на протяжении пятнадцати лет — большевистским Фуше при Сталине.

В училище, которое Берия окончил в 1915 году в возрасте 16-ти лет, за ним прочно закрепилась кличка «Сыщик», которой он гордился. История этой клички ярко рисует будущего шефа советской тайной полиции. В училище часто случались разные кражи: у учителей исчезали портмоне, папки, у учеников разные мелочи. И Лаврентий за определенную мзду начинал розыск и почти всегда находил украденное. Не удивительно: в большинстве случаев он сам и крал.

Две его кражи вызвали шум во всех школах Сухуми:

Классный наставник, ведший записи о поведении учеников, чуть не потерял службу, так как Берия украл весь его «архив» и через подставных лиц продавал ученикам их «характеристики». Следствие так и не установило виновного.

Второй случай был связан с самим директором училища. Директор был злой и ограниченный человек казарменного толка, живший по заветам Бенкендорфа и Уварова — «самодержавие, православие, народность». Если он слышал о каком-либо проступке ученика, то он не «наставлял» его, а просто исключал. Однажды Берия решил проучить директора. У окружного школьного инспектора во время его очередного визита в училище стащили бумажник с довольно крупной суммой денег. Подозрение пало на учеников. Их поголовно обыскали, но безрезультатно. Тем временем полиция получила анонимку о месте нахождения бумажника. Явился пристав, попросил директора открыть его письменный стол — о, ужас! — в нем нашли бумажник со всеми деньгами! Директор получил удар, а потом исчез. Хотя и догадывались, что это дело рук Берия, но доказать этого никто не мог. Лишь после революции Берия рассказал, как он организовал эту операцию.

Еще мальчиком Берия понял полицейскую философию: «Любить доносы — презирать доносчиков». Он никогда ни на кого сам не доносил. Но если ему хотелось кому-нибудь отомстить

или просто нашкодить, то он рассказывал о проступке, часто даже им самим вымышленном, тому ученику, которого знал как доносчика.

Берия был всегда первым учеником. Особенно выдающимися были его способности в точных науках. Берия любил ловить учителей на ошибках, задавать им каверзные вопросы. Учителю истории, человеку весьма радикальных взглядов, но связанному официальной программой преподавания, Берия однажды задал чисто провокационный вопрос: «Кого надо больше любить — царя, Россию или Грузию?» Вот этот вопрос и вызвал приведенное выше саркастическое замечание учителя.

Однако полицейско-сыскные способности Берия всю развернулись лишь после переезда в Баку. Он поступил в Бакинское техническое училище, которое окончил с отличием, получив звание дипломированного техника-архитектора. За это время в России произошли — одна за другой — две революции, а сама Россия вышла из войны. В истории его тогдашней деятельности Берия не давал копать никакому биографу. Если кто пытался это делать, того чекисты убивали.

Сухие официальные справки об этом периоде не только неполны, но отчасти и ложны. Вот они: в марте 1917 года Берия вступил в партию большевиков (на самом деле он вступил в партию в 1919 г., а Сталин задним числом установил ему дооктябрьский стаж, так же был установлен, например, стаж и Ежову: вместо 1918 г. — 1917 г.); в июне 1917 года Берия ушел на ру-

мынский фронт, а в конце 1917 года вернулся в Баку (на самом деле Берия дезертировал и в Баку за взятку оформил «освобождение» от военной службы по «инвалидности»); в 1918-1919 гг. Берия был на подпольной работе в Баку (в чем же конкретно она заключалась — никогда не сообщалось). Бакинские годы Берия преопределили его головокружительную полицейскую карьеру сразу в четырех разведках — советской, мусаватистской, турецкой и английской (за это его потом официально и назовут «агентом международного империализма»). Его служба в этих разведках (иногда прямая, иногда через резидентов) не вызывает сомнения, но все еще не выяснен главный вопрос: служил ли Берия «из любви к профессии» или по заданию Чека? (Баку был в те годы центром акций всех больших разведок держав Антанты и Четверного союза.)

Первая поддающаяся проверке связь Берия установилась с мусаватистской, а через нее с турецкой разведкой, которая, в свою очередь, была связана с немецкой разведкой. С мусаватистами Берия свел его друг по бакинскому училищу Мирза Бала, будущий видный деятель независимой республики Азербайджана. Мирза Бала познакомил Берия и с начальником бакинской городской полиции Мир-Джафар Багировым, оказавшимся одновременно и советским агентом. С тех пор Берия и Багиров неразлучны в полицейской карьере, даже расстреляют их по одному и тому же делу (хотя Багирова — и годом позже). Копии информации, которую Берия давал Багирову

для мусаватистской разведки, Багиров переправлял и в штаб 10 Красной армии в Царицыне. В штабе армии обратили внимание на исключительную ценность этой информации и предложили Багирову «специализировать» Берия по чисто военной разведке. Берия вернейшим инстинктом сыщика понял, с кем имеет дело, и решил взять «быка за рога»: он написал политический трактат на грузинском языке о том, как организовать в Баку советскую военную разведку, и направил его наркому национальностей грузину Сталину-Джугашвили, в то время бывшему в Царицыне. Вскоре Берия вызвали к резиденту Чека и ЦК в Баку — Микояну.

Однотипы сходятся плохо, контрасты — быстрее. Микояна и Берия объединяло только одно: их непостижимый врожденный нюх карьеристов и граничащий с гениальностью дар сыщиков в политике. В остальном они были антиподы: Микоян — армянин, Берия — грузин (в кавказских предрассудках эта разность немаловажна, ведь Мдивани предлагал провести деарменизацию Тифлиса, заявляя, что «пролетарии всех стран, соединяйтесь» — это совсем не значит «все армяне, в Тифлис собирайтесь!»). Микоян получил богословское образование, а Берия — техническое. В молодости Микоян действительно был верующим марксистом, а Берия никогда не верил ни в Бога, ни в Маркса; Микоян был преимущественно политиком, потом полицейским, Берия был преимущественно полицейским, потом политиком; Микоян был преданным мужем и пример-

ным отцом; у Берия каждая приглянувшаяся ему женщина должна была стать его любовницей, а его незаконнорожденным детям вряд ли кто знал счет; наконец, Микоян был способен подписывать приказы об убийствах, но, кажется, лично никого не убивал, а Берия часто подписывал приказы после того, как он кого-нибудь убивал (включая старых большевиков) — об этом рассказывал Хрущев на XX съезде.

Работая в бакинском подполье помощником Микояна по делам иностранных разведок, Берия продолжал, минуя не только Микояна, но и Дзержинского, связываться со Сталиным. Постепенно Берия сделался ценнейшим осведомителем Сталина, работающим в среде старых кавказских большевиков — соперников Сталина. Микоян прекрасно знал, что и о нем самом Берия информирует Сталина. Но куда легче перехитрить лису, чем Микояна. Он решил оградить себя от полицейского зуда Берия и нашел для этого верное средство. Каждый свой политический доклад в Москву, в ЦК и в Чека, Микоян «строго доверительно» показывал Берия, а из этих докладов Берия вычитывал, как Микоян высоко ценит его работу. Расчеты Микояна вполне оправдались — Берия начал расхваливать Сталину до небес политические акции Микояна, чтобы придать его свидетельству о самом себе надлежащий вес.

Там же, в Баку, в 1919 году Берия впервые связался и с англичанами. Об этом открыто рассказывали на Кавказе до назначения Берия началь-

ником Закавказского ОГПУ в конце двадцатых годов. Но если о работе Берия для английской разведки говорили, основываясь лишь на рассказах отдельных лиц, то о его работе на мусаватистскую разведку сохранились документы. О них говорил на пленуме ЦК в 1937 году член ЦК ВКП(б), бывший первый секретарь ЦК коммунистов Азербайджана, нарком здравоохранения СССР, Г. А. Каминский. Сообщив об этом, Хрущев сказал на XX съезде: «Едва пленум ЦК успел окончиться, как Каминский был арестован и расстрелян». Если бы Берия работал в иностранных разведках по заданию Чека и ЦК, что считалось «подпольной революционной работой», Сталин на пленуме, несомненно, дал бы соответствующую справку, как это бывало в других аналогичных случаях. Он этого не сделал. Поэтому пленум полагал, что дни Берия сочтены, но сочтены оказались дни его разоблачителя.

После оккупации Азербайджана Красной армией в мае 1920 года Берия начал работать помощником начальника Бакинского ГПУ, а начальником стал его прежний покровитель, бывший лжемусаватист Багиров.

Январь 1921 года. На призыв Буду Мдивани из Штаба Орджоникидзе в Баку к своим землякам вступать в ряды Красной армии, идущей на «освобождение» Грузии, из тысяч грузин, живущих вне Грузии, отозвалось едва два десятка. Среди них был и молодой чекист Лаврентий Берия. На сборном пункте добровольцев Берия зачислили в ЧОН (полицейские войска Чека-ГПУ-НКВД).

В конце февраля 1921 года независимая Грузия пала. Первым учреждением, организованным большевиками в «освобожденной» стране, была Чека, а первым ее следователем из грузин — Лаврентий Берия. Рядовым чекистским следователем Берия пробыл около двух лет. Несмотря на его усердие, особых шансов на продвижение по службе у него не было, но тут произошло событие, послужившее началом его большой профессиональной карьеры как чекиста и большевика.

«Освобожденная» Грузия тщетно пыталась освободиться от своих «освободителей». Осенью 1921 и осенью 1922 годов произошли два восстания против большевиков. Оба были успешно подавлены, но настоящего умиротворения не наступило. Стычки и волнения повторялись периодически. Советское правительство предложило грузину Сталину поехать на Кавказ и объяснить своим землякам, что они играют с огнём. Сталин выполнил задание, и перед отъездом чекисты и друзья устроили ему пышные проводы. Как обычно, ели шашлык, пили кахетинское и говорили еще раз о «чистке Грузии». На банкете соблюдали чисто кавказский этикет: выборный распорядитель пира — тамада — предлагал тосты и диктовал порядок. Гостей, по обычаю, обслуживал самый младший из присутствующих: он молча стоял за столом, аккуратно наливал вино и предупредительно исполнял указания тамады, а сам пил только после знака председательствующего. Когда были наполнены вином по-

следние рога (по старинному обычаю грузины пьют вино из ро́га), тамада, который до сих пор мало пил, неохотно говорил, хотя весьма охотно слушал, произнес краткую заключительную речь на грузинском языке.

— Много сорняка накопилось в Грузии. Надо перепахать Грузию! — таковы были его последние слова. Старые грузинские большевики Мдивани, Махарадзе, Орхалашвили молча проглотили и вино и тост. Но молодой прислужник, в нарушение всякого кавказского церемониала, сам ответил тамаде: «И сорняк истребим, и Грузию перепашем», — и залпом выпил вино, на этот раз уже без приглашения тамады. Присутствующие вопросительно переглянулись, но тамаде ответный тост весьма понравился.

Тамадой был Сталин, а прислужником — Лаврентий Берия. После банкета Сталин уехал, а Берия на следующий же день был назначен заместителем начальника Чека. Это было в конце 1922 года, и Берия было ровно 23 года.

Но Грузия туго поддавалась «перепашке». В 1924 году происходит новое, уже всеобщее, вооруженное восстание Грузии, руководимое подпольным паритетным комитетом социал-демократов и национал-демократов. Это была последняя попытка освободиться. Восстание было подавлено с нечеловеческой жестокостью. Руководители восстания были расстреляны, а участники (до пяти тысяч человек, по официальным данным грузинских националистов) были ликвидированы («истребление сорняка!»). Душой и те-

лом этой операции был новый шеф ГПУ Лаврентий Берия. Таким образом, Берия сдержал свое слово Сталину, и Сталин не замедлил ответить взаимностью: Берия назначили начальником грузинского ГПУ и наградили высшим боевым орденом «Красного Знамени». С этих пор карьера Берии знает лишь блестящие успехи без единого поражения.

Когда создается Закавказская федерация, Берия получает пост заместителя начальника Закавказского ГПУ. Сам начальник Закавказского ГПУ старый большевик и член ЦКК Павлуновский находится целиком во власти своего молодого и энергичного помощника, ибо знает, что единственный человек в Закавказье, входящий в кабинет Сталина без доклада, — это Берия.

Но крепкое и многообещающее доверие Москвы отравляла растущая ненависть в собственной среде. Даже в грузинских правительственных кругах относились к карьере Берия с подозрительностью; эта подозрительность перешла в прямую ненависть, когда в Тбилиси стало известно, что Берия — личный осведомитель Сталина и Менжинского (тогдашнего шефа ОГПУ) даже по делам интимным и семейным, касающимся членов грузинского правительства.

Но если в правительственных кругах борьба с Берия сводилась лишь к анекдотам и жалобам на него в Москву (впрочем, только поднимавшим его в глазах Кремля), то народ решил расправиться с ним по-своему. Известно несколько случаев покушений на его жизнь, от одного из кото-

рых (в 1930 году) Берия спасся просто чудом.

Грузинские террористы, узнав, что Берия поехал во Владикавказ, устроили ему засаду у перевала Военно-Грузинской дороги. Когда едущие из Владикавказа три новых «Бьюика» сравнялись с трущобой, в которой сидели террористы, был открыт огонь. Первая машина, в которую была брошена граната, взлетела в воздух, вторая и третья под непрерывным огнем террористов прибавили газа, преодолели подъем и бешено помчались в Тбилиси, бросив первую машину и не приняв боя. Террористы подошли к горящему автомобилю: пассажиры — один высший офицер Генерального штаба Красной армии и три чекиста — мертвы. Через несколько часов Берия послал в Москву отчет о горячем бое с бандитами. Уцелевшие чекисты, из которых кое-кто был действительно ранен (в спину), были награждены. За это дело самого Берия наградили вторым орденом «Красного Знамени». (Берия был самый «орденоносный» человек в СССР — одних «орденов Ленина» у него было целых семь штук!)

Даже тогда, когда Сталин успешно покончил со своими врагами в Москве и «слева» (троцкисты) и «справа» (бухаринцы), в родной Грузии он пользовался слабым влиянием и еще меньшим уважением, ибо, как говорят, нет пророка в своем отечестве. Грузинские старые большевики, многие из которых были учителями Сталина по подпольной работе на Кавказе, не все были склонны признавать его непогрешимым отцом народов. В своей борьбе против них Сталин и

Орджоникидзе заходили иной раз так далеко, что как-то с явно провокационной целью подсунули грузинскому советскому правительству даже проект постановления о введении таможенных границ между советской Грузией и РСФСР, а также о запрещении грузинкам выходить замуж за русских. Грузины его отвергли и рассказали об этом XII съезду (XII съезд РКП(б)). Стеногр. отчет. 1923, стр. 472).

Именно эти старые грузинские большевики, которым Сталин приклеил криминальный ярлык «национал-уклонисты», один раз одержали победу над Сталиным. Предсмертное политическое завещание Ленина снять Сталина с поста, его статья об «автономизации», его письмо Буду Мдивани против Сталина и предполагаемый суд над ним и Орджоникидзе во многом были продиктованы требованием старых грузинских большевиков. Последние были убеждены, что если им удастся при помощи Ленина довести Сталина и Орджоникидзе до суда, то тем не миновать расстрела: обоим вменялись в вину не только политические, но и уголовные преступления — такие, как убийство в 1922 году старого большевика, руководителя вооруженного грабежа Тифлисского казначейства в 1907 году в пользу Ленина — Камо (Тер-Петросяна).

Но Ленин умер, не успев расправиться со Сталиным (некоторые из старых грузинских большевиков полагали, что Сталин отравил его), а их друг Троцкий сам оказался в опале. У Сталина была не только хорошая память, но и редкое

терпение. Через десять лет Сталин руками Берия ликвидировал всех грузинских «национал-уклонистов», почти весь состав правительства был пропущен через инсценированный суд и все до единого расстреляны. Последний сорняк был истреблен, и Грузия была перепахана. Вот тогда Берия и назначили секретарем компартии Грузии, а потом и секретарем Заккрайкома. Как это произошло, рассказывает реабилитированный после 17-ти лет концлагеря Снегов:

«30 октября 1931 года на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) Картвелишвили, секретарь Закавказского Краевого Комитета, сделал доклад. Присутствовали все члены краевого исполкома; из них один я остался в живых. Во время этого заседания И. В. Сталин в конце своей речи внес предложение, касающееся организации секретариата Закавказского Краевого Комитета, которое заключалось в следующем: первый секретарь — Картвелишвили; второй секретарь — Берия... Картвелишвили ответил, что он хорошо знает Берия, и по этой причине категорически отказывается работать с ним. Сталин предложил оставить этот вопрос открытым и разрешить его в процессе самой работы. Два дня спустя пришло решение, согласно которому Берия получал партийную должность, а Картвелишвили должен был быть выслан из Закавказья» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 46).

Но даже став партийным секретарем Грузии и Закавказья, Берия не получил известности за пре-

делами Кавказа. Впервые о существовании Берия партия узнала только в 1935 году, когда Берия на экстренном пленуме ЦК Грузии сделал трехдневный доклад об истории большевизма. Суть доклада: Ленин в Петербурге и Москве, а Сталин в Тбилиси и Баку, начиная с 1898 года, одновременно и почти независимо друг от друга закладывали основы большевизма. Фальсификация истории была прямо-таки фантастической, но зато политический успех Берия — колоссальным. За год до этого Берия был впервые избран членом ЦК ВКП(б) на XVII партсъезде.

Однако в великую чистку 1937 года чуть было не погиб и сам Берия. В 1936 году на пост главы НКВД вместо Ягоды были выдвинуты две кандидатуры — Николая Ивановича Ежова и Лаврентия Павловича Берия. Шансов у старого чекиста Берия было больше, чем у только что выдвинувшегося Ежова. Но Сталин (как полагают, по чисто национальным соображениям) предпочел Ежова. Однако Ежов понимал, что пока в резерве есть Берия, его позиция не тверда, а поэтому и решил ликвидировать заодно с «ленинской гвардией» и несомненного члена «сталинской гвардии» — Лаврентия Берия. Но тут-то Ежов, собственно, и допустил роковую для себя ошибку. Узнав от своих друзей из аппарата центрального НКВД, что Ежов занят созданием на него «дела», Берия немедленно прилетел из Тбилиси в Москву и доложил это Сталину. Назначенная ЦК комиссия под председательством В.Молотова установила больше, чем ожидал даже сам

Берия: в папках следователей Ежова нашли показания о вражеской работе... Кагановича, Андреева, Микояна, Ворошилова, Калинина, Берия и других. Во «врагах народа» не числились пока что лишь два человека из всего ЦК — Молотов и сам Сталин. Дни Ежова были сочтены. Его без шума убрали с поста и расстреляли в 1940 году. Берия — «сигнализатора антисталинского заговора» — назначили наркомом внутренних дел в звании комиссара государственной безопасности СССР (1938 г.).

Первой операцией Берия как нового руководителя НКВД была радикальная чистка в чекистском корпусе. Тысячи старых заслуженных чекистов были арестованы, расстреляны или сосланы в концлагеря. Миллионы заключенных хотели видеть в выступлении Берия против чекистов начало своей реабилитации, тем более, что начались пересмотры многих дел, метод физических пыток на допросах, кроме как для «известных врагов народа», был отменен, режим в тюрьмах и концлагерях был немного облегчен.

Однако Ежову и ежовцам мстили не за народ, а за власть, ими чуть было не погубленную. Что Берия — это тот же Ежов, только более уточненный и квалифицированный, показал новый террор, развернувшийся в связи с войной. И надо признать, что Сталин (даже при той поддержке, которую оказывали ему западные союзники) не удержался бы на троне, если бы не Берия и его аппарат НКВД. Красная армия не хотела воевать, народ жаждал поражения собственного

правительства, видя в этом единственную возможность спасти себя и страну. Положение было катастрофическим, но Берия, введенный в состав Комитета обороны СССР и несший единоличную ответственность за политико-моральное состояние тыла и фронта, не растерялся. Оружие страха вновь было пущено в ход — начались массовые аресты. В Красной армии были введены карательные команды «Смерш» (смерть шпионам) и «заградительные отряды» (отряды НКВД с приказом стрелять по отступающим или переходящим в плен). Ко всему этому была введена публичная смертная казнь через повешение, как на фронте, так и в тылу. Народ, поставленный перед выбором: чекистская веревка на шею или немецкая пуля в грудь, выбрал последнюю, тем более, что люди Гимmlера и Розенберга, словно в тайном заговоре со Сталиным и Берия, сами толкали на это своими зверствами в оккупированных областях и в лагерях для военнопленных.

Так Берия спас Сталина. За это Сталин и произвел его в беспрецедентный в истории чин: Берия стал маршалом жандармских войск социалистического государства.

После войны Берия освободили от руководства НКВД. Он был назначен заместителем Сталина по линии государственной безопасности. Из 14 юридических заместителей Сталина по Совету министров только Берия фактически был им. Уступая по партийному стажу «старой гвардии», Берия по независимости и инициативности, а также как старший профессиональный полицей-

ский, не знал равных себе во всем советском государстве. Не случайно председателем комиссии по атомной энергии, созданной в 1946 году, был назначен также чекист Берия — отец «отцов» советских атомных и водородных бомб.

Не владея ни одним из иностранных языков (по-русски он говорил с грузинским акцентом, как и Сталин), Берия, тем не менее, был наиболее осведомленным членом Политбюро и во внешней политике. Информацию о ней он получал из первых рук, через свою агентурную заграничную сеть.

Глава IV

ДВА ВРЕМЕННОЩИКА — МАЛЕНКОВ И ЖДАНОВ

Собираясь вступить в джунгли интриг Кремля, приведем сначала характеристику, которую дает Светлана Аллилуева двум другим ведущим героям того времени — Маленкову и Жданову:

«Семья Маленкова была, пожалуй, наиболее интеллигентной из всех остальных на этом «высоком уровне». Он был инженером-электриком по образованию, а жена его долгие годы была директором Энергетического института... Два сына и дочь воспитывались в рамках русской интеллигентной семьи — без потуг на вельможную роскошь... Дом был простым... Два сына Маленкова учились в специальной школе на английском языке... Маленков был, очевидно, наиболее здравомыслящим... из Политбюро... Программа развития легкой промышленности, предложенная им в марте 1953 г., нашла самый живой отклик... Он сразу завоевал популярность — и это его погубило. Изгнанный из правительства, он уехал в Казахстан... В Москву он ни разу не ездил «на поклон»... Политбюро это раздражало... Маленков становился в очередь за хлебом, как и все население небольшого городка.

Это было сочтено «дерзким вызовом» правительству...

Андрей Жданов был из семьи инспектора гимназий... Жданов был студентом Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве, когда началась первая мировая война, а затем революция. Тогда он стал большевиком... Когда было нужно, Жданову поручалось выступать о внешней политике, об истории философии, о международном рабочем движении... В конце концов его возненавидели все, как исполнительного адъютанта и возможного «наследника Сталина»... На искусство Жданов, действительно, смотрел с ханжески-пуританских позиций, столь распространенных в партии. Их лучше всего выразила однажды жена Жданова: «Илья Эренбург так любит Париж, потому что там — голые женщины». Природа образного мышления в музыке, живописи, кино — была Жданову так же чужда, как высшая математика. Но он рвался в бой, закусив удила, чтобы быть «большим роялистом, чем сам король»... Взаимоотношения внутри Политбюро были сложными, запутанными и взаимно недобрыми. В доме у Ждановых Маленкова называли только презрительной кличкой «Маланья», из-за его круглого, женоподобного лица» (Только один год. 1969, стр. 358—363).

Георгий Маленков был выдающимся пионером классической сталинской партократии. Недоучившийся студент Московского высшего технического училища (МВТУ), он обратил на себя вни-

мание в двадцатых годах в борьбе с троцкистами и зиновьевцами своими скрупулезно ортодоксальными «проектами» резолюций на партийных собраниях против оппозиции. Правда, его резолюции, как правило, отвергались, так как почти все партийные организации московских вузов были троцкистскими, но зато на бедном интеллектуалами небе Сталина взошла новая яркая звезда: Маленков сделался штатным оратором на вузовских собраниях от самого Московского Комитета партии.

Собственно, «зеленый свет» карьере Маленкова открыли Троцкий и Каменев. Накануне десятой годовщины Октября (1927 г.) троцкисты решили созвать общемосковское антисталинское собрание в МВТУ. Как рассказывал в своей «Истории ВКП(б)» Ярославский, на это собрание не допускались официальные представители МК и ЦК. Троцкий пишет:

«Оппозиция очень искусно подготовила большое собрание в МВТУ, — набилось свыше двух тысяч человек. Большая толпа осталась на улице. Я и Каменев говорили около двух часов... ЦК выпустил воззвание к рабочим разгонять собрание оппозиции силой. Воззвание было только прикрытием для тщательно подготовленных нападений на оппозицию со стороны боевых дружин под руководством ГПУ. Сталин хотел кровавую развязку...» (Л.Троцкий. Моя жизнь, ч. II, 1930, стр. 277-280). Вот эта «кровавая развязка» и была поручена бывшему студенту МВТУ, тогда ответственному инструктору ЦК Георгию

Максимилиановичу Маленкову. Он повел «боевую дружину» «добровольцев-рабочих» (на самом деле — переодетых чекистов) на штурм здания МВТУ. Хорошо зная все ходы и выходы, Маленков со своей дружиной легко проник в здание и бесцеремонно выставил оттуда того, кто в октябре 1917 года взял штурмом Зимний дворец.

Наивно было бы говорить о каких-либо идейных убеждениях партаппаратчиков типа Маленкова. Это люди с эластичной совестью и бездонным властолюбием. Сталинцы впервые в истории нашли рецепт органического синтеза партийной политики и уголовщины. Согласно этому рецепту, все моральные категории и общепринятые нормы человеческого поведения находятся в постоянной диалектической трансформации: зло может превратиться в добродетель, бесчестие — в честь, долг — в предрассудок, подлость — в подвиг, и наоборот. И весь этот свой «моральный кодекс коммунистов» сталинцы применяют не только в борьбе с врагами вне партии, но и в борьбе за власть между собой, внутри самой партии, причем побеждают наиболее ловкие, прибегающие к еще никем не использованным новинкам политической подлости. Вся биография Маленкова — цепь таких подлостей.

Беглый взгляд на даты иллюстрирует взлет и падение этого временщика Сталина: Маленков родился в 1902 году в Оренбурге в семье губернского чиновника; в 1920 году — вступил в партию. 1921-1925 гг. — учился в МВТУ. 1925-1930 гг. — работал в ЦК, сначала сотрудником учетно-

информационного подотдела ЦК, потом членом «Секретариата т. Сталина» и одновременно протоколистом Политбюро. 1930-1934 гг. — заместитель, а потом и заведующий орготделом МК (его начальниками были секретари МК Каганович и Хрущев). 1934-1939 гг. — заведующий отделом кадров ЦК, член ЦК с 1939 года. С 1939 года — секретарь ЦК по кадрам. 1941-1945 гг. — секретарь ЦК, заместитель председателя Совнаркома СССР, член ГКО. 1946 год, июль — опала, некоторое время в ссылке в Туркестане. 1948 год, лето — возвращение в ЦК на пост первого после «генсека» секретаря. 1953-1955 гг. — наследник Сталина на посту председателя Совета министров СССР. 1957 год — исключен из ЦК. 1962 год — исключен из партии.

Все-таки и в своем падении Маленков умудрился остаться в живых в отличие от своего долголетнего друга, соратника и сопреступника — Берия, которого он так опрометчиво предал, чтобы потом самому быть преданным. Тщетно было бы искать в советских публикациях прямое указание на то, что Маленков в 1946 году временно потерял должность секретаря ЦК, но есть много косвенных доказательств этого.

Коммунистические владыки, уравнившие свои народы в бесправии, неравны между собою. Для демонстрации этого неравенства Сталин ввел такой чувствительный кремлевский протокол «размещения вождей», малейшее изменение в котором сигнализировало о перемене положения людей в пирамиде власти. Впервые этот прото-

кол был введен после ликвидации троцкистов и бухаринцев, когда членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК начали перечислять не по алфавиту, а по важности занимаемого места. Он начинался со Сталина и шел дальше по нисходящей линии. Вот по этой линии вы судили «кто есть кто», а главное — «кто кого» передвинул. Так как тайны постоянного движения «шкалы вождей» не всегда были известны «Правде», ТАСС и радио, то всякие сообщения, в которых перечислялись вожди, сначала согласовывали с Агитпропом ЦК.

В «протоколе культов» Кремля Маленкова начали отодвигать с первых мест с конца 1947 года. Глубины падения он достиг, заняв восьмое место при перечислении членов Политбюро на заседании сессии Верховного Совета СССР в феврале 1948 года: 1. Сталин, 2. Молотов, 3. Жданов, 4. Берия, 5. Ворошилов, 6. Микоян, 7. Каганович, 8. Маленков, 9. Вознесенский (Хрущев на этой сессии отсутствовал). Но уже после возвращения из Туркестана и начавшейся опалы Жданова протокол выглядит иначе: Жданов исчезает якобы по болезни, а Маленков занимает четвертое место («Правда», 26.7.1948). В почетном карауле у гроба Жданова 2 сентября 1948 года Маленков стоит рядом со Сталиным, а напротив стоят Берия и Молотов (см. фото в «Известиях», 2.9.1948). Вот для того, чтобы Маленков после почти двухлетнего перерыва вновь занял место около Сталина, Жданову надо было очутиться в гробу! Этому предшествовала пол-

ная внутреннего драматизма борьба между учениками Сталина.

Постоянное и непосредственное руководство партией во время войны, единоличное распределение высших партийных, полицейских, военных кадров сделало Маленкова фактически первым секретарем ЦК после Сталина. Таким образом, он стоял одновременно и над членами Политбюро, не будучи сам ни его членом, ни даже кандидатом. Возвращенный на работу в ЦК Жданов, с 1934 года (когда Маленков еще не входил в состав ЦК) постоянно бывший секретарем ЦК, естественно, претендовал на роль первого секретаря ЦК. Однако пленум ЦК в марте 1946 года утвердил в этой должности Маленкова и сделал его членом Политбюро, причем в «протоколе культов» его имя стояло сразу после имени Сталина, а это означало: Маленков — кронпринц.

Жданов, сделанный из одного с Маленковым теста, пользующийся таким же доверием у Сталина, хорошо знал, что сесть в кресло первого секретаря ему удастся только, если он сможет ловко и бесшумно столкнуть с него Маленкова. Задача эта не была легкой, но недаром Жданов любил так часто повторять знаменитую формулу Сталина: «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Крепость Маленкова Жданов начал осаждать по малозащищенным подступам к ней, а потом предпринял и концентрированное наступление, удачно применяя наиболее эффективные приемы большевистского «морального кодекса».

Интересна характеристика Жданова, данная Милованом Джиласом:

«Он был образованным человеком и в Политбюро считался крупным интеллектуалом. Несмотря на его общеизвестную узость и начетничество, я сказал бы, что его знания были достаточно обширны. Но несмотря на то, что он понемногу разбирался во всем, даже в музыке, я не думаю, чтобы он обладал обширными знаниями в одной определенной области — это был типичный интеллектуал, который накапливал сведения из разных областей посредством марксистской литературы» (Цит. здесь и далее по русскому изд. «Разговоры со Сталиным». «Посев», 1970, стр. 140).

Жданов, прекрасно разбиравшийся в психологии Сталина, обвинил Маленкова в преступном легкомыслии, приведшем к развалу советского «атомного шпионажа» в связи с бегством Гузенко из советского посольства в Канаде (из разоблачения в печати Гузенко стало известно, что все сообщения и информация по «атомному шпионажу» посылались лично на имя Маленкова, кроме того, лица для такой секретной работы тоже подбирались непосредственно канцелярией Маленкова). Вторая атака против Маленкова, рассчитанная на использование патологической подозрительности Сталина, обещала еще больший успех: Жданов донес на маршала Жукова, заместителя Сталина по Министерству обороны и Главнокомандующего сухопутными войсками. Используя свои знания о жизни и взглядах

Жукова (полученные, когда Жуков был в Ленинграде Главкомандующим, а Жданов — членом Военного совета Северо-Западного фронта), Жданов начал уверять Сталина, что протеже Маленкова — маршал Жуков — метит в русские Бонапарты. Донос запал в душу Сталина. Он сам часто задумывался над непонятной ему личностью своенравного маршала, внимательно читал участвовавшие в западной прессе пророчества о будущем русском Бонапарте, повторяя про себя, что «нет дыма без огня», и не забывая, что Жуков был единственным человеком, которого не он учил, а который его учил.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, я хочу немного отступить от темы и привести один эпизод. Когда немцы в октябре 1941 года подошли к Москве так, что могли уже видеть Красную площадь в бинокль, Сталин хотел перебраться в Куйбышев (туда уже переехали ЦК во главе с Андреевым и Совнарком во главе с Вознесенским), но Жуков категорически заявил — Москва сдана не будет. Известно много случаев, когда Жуков резко возражал Сталину.

Когда теперь читаешь документы хрущевских времен, да и мемуары Жукова, то удивляешься не столько мужеству Жукова, сколько его поразительному невежеству в отношении психологии советского диктатора. Много раз Жуков напращивался под пулю чекистов и все-таки Сталин не давал команды стрелять. Почему? Потому, что Сталин быстро и безошибочно раскусил боевого генерала: как солдат — великан, как поли-

тик — ноль! Бонапарты пекутся не из такого теста. Любому генералу Красной армии с политическим складом мышления такой, например, диалог стоил бы головы:

29 июля 1941 года. Кабинет Сталина. Обсуждается вопрос о Киеве. «А как же Киев?» — спросил Сталин. Я знал, что означали два слова: «Сдать Киев», но я не мог бы поддаваться чувствам, а как человек военный, обязан был предложить единственно возможное, на мой взгляд, решение в сложившейся обстановке: «Киев придется оставить, — ответил я. — На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа. Этот плацдарм противник может использовать для удара на Москву». — «Какие там еще контрудары, что за чепуха? — вспыхнул Сталин. — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?» Я не мог сдержаться и ответил: «Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы родине». — «Вы не горячитесь, — сказал Сталин. — А впрочем, если так ставите вопрос, мы без вас можем обойтись... Идите, работайте, мы тут посоветуемся и тогда позовем вас». Минут через 40 меня вызвали. «Вот что, — сказал Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас...» — «Куда прикажете мне отправиться?» — «А куда вы хотите?» — «Могу

выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом». — «Не горячитесь, не горячитесь! Вы вот говорили об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело. Мы назначили вас командующим резервным фронтом. Когда вы можете выехать?» — «Через час» (Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. 1969, стр.311-312).

Что Жданов метит вовсе не в Жукова, а в Маленкова, Сталин отлично видел, но это было в его характере — поощрять доносы членов Политбюро и натравливать их друг на друга. Безопасность его личной диктатуры во многом основывалась на междоусобице партийных бояр. Пока бояре соревновались в любви к Сталину методами доносов, Сталин знал, что никакой заговор на верхах против него невозможен.

Жданов начал уверять Сталина, что такой бонапартистский заговор возможен как раз из-за преступного легкомыслия Маленкова, покровительствующего Жукову и рекламирующего его мнимые заслуги в войне. В своих стараниях дискредитировать Жукова как полководца Жданов доходил в буквальном смысле до «анекдотов»:

«После войны Сталин начал говорить всякую чепуху о Жукове и, между прочим, следующее: «Вы хвалили Жукова, но он этого не заслуживает. Говорят, что перед каждой операцией Жуков брал в руку землю, нюхал ее и говорил: «Мы можем начинать наступление», или же наоборот: «Задуманная операция не может быть про-

ведена» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 38). Хрущев великолепно знал, что автором таких анекдотов был Жданов, но он умолчал об этом, ибо иначе пришлось бы рассказать всю правду о Сталине.

То, что впоследствии получило название «ждановщина», вовсе не было поворотом к мракобесию лишь в области культуры. Ждановщина — это последовательный возврат к довоенному сталинизму и во внутренней и во внешней политике. Жданов легко мог убедить Сталина, что именно после войны стала актуальна опасность выхода из повиновения народа, партии и армии, если будет продолжена оппортунистическая политика Маленкова, Хрущева и их сторонников по поощрению частной инициативы в строительстве жилых домов в освобожденных районах, по нарушению колхозного устава в сторону увеличения приусадебных участков (Маленков возглавлял и Комитет по новой советизации освобожденных областей), по поощрению курса на раздувание рядов партии за счёт политически сомнительных элементов.

Но грехом всех грехов Маленкова Жданов выставил то, на что Сталин всегда держал ухо востро: Маленков потерял революционную бдительность и в стране подняли голову потенциальные шпионы-«западники», «космополиты», «низкопоклонники», лжеученые типа маленковского ставленника Александрова (глава Агитпропа ЦК). В национальных республиках (особенно на Украине у Хрущева и в Белоруссии у Понома-

ренко) орудуют буржуазные националисты в литературе и «бандеровцы» в лесах. В Советской армии с ведома Маленкова партийные органы фактически ликвидированы и царствуют личные ставленники Жукова, этого известного врага института политкомиссаров.

Еще более порочна внешнеполитическая концепция Маленкова: вместо ставки на большевизацию восточноевропейских стран Маленков поддерживает «национальные фронты» коммунистов с буржуазными националистами; вместо разоблачения империалистических замыслов «плана Маршалла» он считает возможным принять его помощь на определенных условиях; вместо ставки на мировую революцию Маленков проповедует «мировое движение за мир» и идеологическое сосуществование с империалистическими государствами.

Жданов действовал не в одиночку. Он, по методу Сталина, собрал вокруг себя обиженных Маленковым членов Политбюро (Молотов, Каганович, Ворошилов, Андреев), легко убедив их, что у них власть узурпировал Маленков, изолировавший Сталина не только от членов Политбюро, но и от источников объективной информации о внутренних и внешних делах. Чтобы аппарат власти начал функционировать нормально, надо убрать оттуда Маленкова и маленковцев, — так рассуждал Жданов.

Б.И. Николаевский, особенно тщательно изучивший этот этап внутрипартийной борьбы, писал: «Блок, сложившийся в это время против

Маленкова в Политбюро был блоком «идеологов», заботившихся о возвращении к старым традициям и к правоверному сталинизму довоенного времени... решающим было желание партийных «идеологов» старших поколений восстановить свою довоенную роль в жизни партии и страны» (Материалы конференции Института по изучению истории и культуры СССР. 1953, стр. 132). Последующая история подтвердила и другое наблюдение Николаевского: «Решающие схватки на этом первом этапе относятся к весне и лету 1946 года, когда решался вопрос о назначении нового начальника Политического управления Министерства вооруженных сил и о проведении послевоенной чистки в армии. Жданов на этот пост ввел своего ближайшего помощника генерала Шикина. Это назначение встретило сопротивление маршала Жукова, тогда заместителя Сталина по Министерству вооруженных сил. Борьба закончилась победой Жданова и опалой Жукова... Шикин начал жестокую чистку командного состава армии» (там же, стр. 132-133).

Вот тогда Жданов достиг цели: в июле 1946 года Сталин снял Маленкова с поста секретаря ЦК и послал в Туркестан. Маршала Жукова сослали в провинцию командовать округом. Хрущев тоже был снят с должности первого секретаря ЦК Украины (март 1947 г.), но был оставлен на Украине в качестве председателя Украинского Совета министров. Для чистки Украины и надзора за Хрущевым был назначен союзник Жданова Каганович — в качестве первого секретаря ЦК

Украины. Заодно первый секретарь ЦК Белоруссии, член Московского ЦК маленковец Пономаренко был заменен никому не известным инструктором аппарата ЦК Гусаровым, учеником Жданова.

Жданов занял место Маленкова и приступил к «холодной войне» как внутри СССР, так и за границей. Цель «холодной войны» внутри страны — психологический накал атмосферы по подготовке к новой «Великой чистке». Операция эта готовится, конечно, по заданию Сталина, который дает Жданову и неограниченные полномочия по подбору кадров. Но, чтобы расставить новые кадры, надо очистить аппарат от старых. Это и происходит. Вместо изгоняемых маленковцев назначаются чистокровные ждановцы из Ленинграда.

Особенно возвышаются два бывших помощника Жданова: Н. Вознесенский и А. Кузнецов. Н. Вознесенский назначается первым заместителем Сталина по правительству вместо Маленкова и в обход Берия. Сталин делает его также членом «Семерки», которую Сталин создал, чтобы Политбюро делегировало ей свои функции. (Назначение разных комиссий Политбюро, обладающих правами Политбюро, но со включением в них и не членов Политбюро, было испытанным методом Сталина обходить Политбюро, если он предпринимал что-нибудь против его членов.)

Второе из этих назначений оказалось роковым для самого Жданова. Он рекомендовал и Сталин

утвердил секретарем ЦК по госбезопасности и армии бывшего помощника Жданова по Ленинградскому обкому А. Кузнецова. Неожиданно получив такое высокое назначение и пользуясь покровительством Жданова, Кузнецов решил, что он теперь может давать директивы не только всяким там Меркуловым и Абакумовым, но и самому Берия, да еще чистить «органы» от «бериевцев». Это было трагическое заблуждение не столько полицейского дилетанта Кузнецова, сколько догматика Жданова. С этого и началась их гибель.

Берия понял, что допустил тягчайшую ошибку, недооценив политическое значение опалы Маленкова, и начал принимать энергичные меры к его возвращению в Москву. Путь к реабилитации Маленкова лежал через дискредитацию Жданова и его клики. Как это сделать, для таких партийно-полицейских талантов, как Берия и Маленков, не было проблемой. Поскольку Маленкова не вывели из состава Политбюро, он часто приезжал в Москву на заседания и легко мог договориться с Берия о деталях плана по ликвидации ставленников Жданова, по опыту хорошо зная, что тогда будет просто справиться и с самим Ждановым.

На XX съезде Хрущев, выгораживая и себя и Маленкова, тогда еще сидевшего в Президиуме ЦК, «Ленинградское дело» приписывал одному Берия:

«Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия... именно Берия «предложил» Сталину, что он, Берия, со своими сообщниками

сфабрикует против них материалы в форме заявлений и анонимных писем...» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 41). Только после исключения Маленкова из ЦК в 1957 году Хрущев сообщил, кто же был первым «сообщником» Берия, назвав Маленкова, но умолчав о третьем «сообщнике» — о себе самом. В определенном смысле борьба между Ждановым, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и другими старыми большевиками, с одной стороны, и Маленковым, Берия, Хрущевым, с другой, была отражением конфликта двух поколений — дооктябрьских и послеоктябрьских большевиков.

Ленин любил повторять, что лису можно перехитрить, воспользовавшись ее чрезвычайной осторожностью. Можно ставить фальшивые капканы на виду, чтобы лиса, осторожно обойдя их, попала бы в настоящий скрытый капкан. Серии таких фальшивых капканов ставят Берия и Маленков против Сталина, начиная с 1948 года, с тем, чтобы в настоящий капкан попал сначала тот, кто вызвал падение Маленкова и возвышение «Ленинградской мафии», — Жданов.

Карьера Жданова была стремительной, но неровной. Во время организации убийства Кирова Сталиным и в последующей чистке Ленинграда от кировцев он был правой рукой Сталина в Секретариате ЦК. Во время войны и он, и Ворошилов, руководя Северным фронтом в Ленинграде, доказали Сталину свою полную несостоятельность, дав немцам окружить Ленин-

град. Сталин Ворошилова грубо выкинул (назначив на его место Жукова), но оставил почему-то Жданова. Отозванному из Ленинграда и назначенному первым (после «генсека») секретарем ЦК (1945 г.) Жданову Сталин дал возможность реабилитировать себя подготовкой новой послевоенной «Великой чистки». Жданов взялся за это со свойственным ему лакейским усердием, но из-за предпринятых против него подвохов со стороны Берия и Маленкова Сталин начал подозревать, что Жданов, под влиянием своей властной и честолюбивой жены, ведет двойную игру.

Как всегда в подобных случаях, для противовеса Жданову и контроля Сталин притащил в ЦК в качестве секретаря и Сулова (1947 г.). Хорошо зная, каким весом при Сталине обладает Берия (со Сталиным Сулов встречался лишь на редких заседаниях Секретариата ЦК, но никогда — частным образом), Сулов с самого начала сделал на него ставку в своей карьере.

Сулов был до войны координатором работы НКВД и партии сначала в аппарате ЦКК, а потом и в Комитете партконтроля при ЦК. Официальный его ранг был не высок. В списках сотрудников партконтроля он числился лишь инспектором, но этот ранг делал его номенклатурным работником ЦК. Во время «Великой чистки» Сулов, уже поднявшись до чина заместителя председателя Комитета партконтроля Ежова, вместе с ним участвовал в составлении знаменитых списков актива партии, направляе-

мых Сталину и членам Политбюро для утверждения смертных приговоров.

На XX съезде Хрущев сказал, что в 1937-38 гг. Сталину было направлено 383 таких списка (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 28).

Когда Берия занял место Ежова в ноябре 1938 года, Суслов начал для Берия составлять уже другие «списки», — тех, кто внутри партии выполнял функции внутривластных чекистов: функционеров сети партконтроля для работы в НКВД вместо ликвидированных ежовцев. Ближе познакомился Берия с Сусловым во время войны на Кавказском фронте, где оба были членами Военного совета и руководили депортацией кавказских народов. После войны, по рекомендации Берия и Маленкова, Суслов был назначен чрезвычайным парторгом ЦК в Прибалтику с неограниченными правами для чистки «освобожденных» республик. Успешно депортировав примерно четвертую часть населения Прибалтики в Сибирь, Суслов доказал, что ему можно доверить любой пост. Таким образом, из партийного и полицейского контролера среднего ранга получился «идеолог» и «теоретик» партии, конечно, как противовес Жданову, тоже ведь претендовавшему на второе место в марксизме-ленинизме после самого «корифея». Этого-то Суслова завербовали Маленков и Берия, готовя против ждановцев удар, известный под именем «Ленинградское дело».

Официально никогда не сообщалось, в чем же

его суть. Из частных высказываний Хрущева было известно, что ленинградцы никакого заговора не устраивали, а лишь внесли предложение создать Российскую Коммунистическую партию со своим ЦК и центром в Ленинграде, туда же перевести из Москвы Совет министров РСФСР. Р. Конквест тоже приводит слухи (из других источников) о желании ждановцев перенести центр РСФСР в Ленинград, а это не могло не насторожить Сталина (Robert Conquest. Power and Policy in the USSR. London, 1961, p. 103). Дело в том, что российская республика парадоксальным образом — единственная союзная республика в составе СССР, не имеющая своей российской или *русской* коммунистической партии. За это предложение и ухватились мастера великих комбинаций — Берия и Маленков, — используя против ждановцев своих ставленников как по линии ЦК (Суслов), так и по линии МГБ (Абакумов), и заручившись поддержкой обиженного Хрущева на Украине.

«Оперативный план» Берия и Маленкова против ждановцев всё еще остается достоянием секретных архивов ЦК. Официальным историкам партии он так же недоступен, как и нам. Однако еще живы возвращенные из лагерей старые большевики, имевшие доступ к этим архивам в качестве экспертов во время работы комиссии ЦК по реабилитации жертв «культа личности». Живы и многие опальные вельможи из окружения Маленкова. Может быть, от них и идут слухи о сути «Ленинградского дела»...

Согласно слухам, ждановцам приписывался следующий план. Поскольку Сталин стар и сам же требовал после окончания войны освободить его от главных должностей, надо наметить ему преемников. В связи с этим надо разгрузить ЦК ВКП(б) от непосредственного руководства Российской федерацией и создать РКП(б) во главе со своим ЦК и с центром в Ленинграде. Одновременно надо реорганизовать и структуру ЦК, создав должность почетного председателя ЦК. Им назначить Сталина, передав должность Генерального секретаря Жданову. Председателем Совета министров СССР назначить Вознесенского, первым секретарем ЦК РСФСР — А. Кузнецова; на место Кузнецова в ЦК ВКП(б) поставить Родионова, освободив его от должности председателя Совета министров РСФСР. МГБ и МВД вновь воссоединить и во главе поставить секретаря Ленинградского обкома Попкова. Сомневаясь, что такие предложения действительно могли исходить от ждановцев, мы всё же должны заметить, что толчок для подобных слухов подал сам Сталин, если он вообще сам не спровоцировал ждановцев на свои предложения. Существует официальный советский документ, проливающий некоторый свет на данный вопрос. Это следующий отрывок из мемуаров адмирала Н. Г. Кузнецова, опубликованных в ленинградском журнале «Нева» (№ 5, 1965, стр. 161):

«Парад Победы состоялся 24 июня 1945 года... Когда парад закончился, высокое начальство задержалось в небольшом здании за высокой крем-

левской стеной... Получился импровизированный банкет. В центре внимания, конечно, был Сталин. Все успехи и победы приписывались только ему. Между прочим, именно здесь были высказаны предложения о присвоении Сталину звания Генералиссимуса, о награждении его вторым «Орденом Победы» и присвоении «звания Героя Советского Союза».

Однако к концу банкета Сталин сделал заявление, за которое вполне резонно могли ухватиться его верноподданные ученики из группы Жданова. Вот это заявление в изложении Кузнецова:

«Когда многочисленные тосты сделали свое дело и настроение еще больше поднялось, взял слово Сталин. Напомнив, что ему идет 67-й год, неожиданно заговорил о том, сколько лет он еще может оставаться на своих постах. «Что же, я еще два-три года поработаю, а потом должен буду уйти», — таков был смысл выступления Сталина. Я не берусь судить, было ли это его искреннее желание или ему просто хотелось посмотреть, какой эффект произведет на окружающих столь необычное заявление... Мне неизвестно, высказывал ли Сталин подобные мысли, когда-нибудь еще, допустим, в узком кругу, и почему он отказался от них».

Он «отказался от них», по всей вероятности, позднее, когда Берия, Маленков и Хрущев возможные деловые предложения ждановцев о создании РКП(б) могли представить Сталину как «заговор против партии и правительства», то есть против самого Сталина. «Ход конем» Берия

и Маленкова был столь неожиданным и оглушительным, что Жданов залег в кремлевскую больницу, а Сталин это, как всегда в таких случаях, оценил как признак его «нечистой совести».

Большой козырь в руки врагов Жданова-отца дал и его сын — Юрий Жданов (один из руководителей отдела науки ЦК): он публично объявил Лысенко шарлатаном, тогда как Лысенко свирепствовал в ученном мире по мандату ЦК. Как стало потом известно, выступление Жданова-сына было организовано Сусловым по заданию Берия в провокационных целях. Потом тот же Суслов предложил Жданову-сыну написать письмо Сталину с раскаяньем, и тот, как дисциплинированный коммунист, согласился. Жданов-сын признался, что пошел против ЦК, он обещал исправиться, но по замыслу врагов Жданова-отца все должны были вычитать из этого письма то, чего в нем нет: Жданов-отец воспитал врага Сталина, да еще притащил его в аппарат ЦК. Письмо опубликовано в «Правде» 7 августа 1948 года. Через три недели объявили, что Жданов-отец умер «от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отёка легких» («Известия», 1.9.1948).

После смерти Жданова в короткий срок были ликвидированы ждановцы. Еще на похоронах Жданова на Красной площади рядом со Сталиным на мавзолее Ленина стояли три ждановца — секретарь ЦК по МГБ, МВД и Армии А. Кузнецов, секретарь Ленинградского обкома Попков и член Политбюро и первый заместитель Сталина

по правительству — Н. Вознесенский. Не прошло и нескольких месяцев, как первые два попали в подвалы Лубянки, а Вознесенский — под домашний арест. Вскоре начали «оформлять» и «Московскую мафию» — арестовали председателя Совета министров РСФСР Родионова, а секретарь Московского Комитета и ЦК Г. Попов очутился сначала под домашним арестом, а потом его сослали куда-то на Волгу.

Таким образом к концу 1949 года Берия и Маленкову удалось отстроить позиции для будущего удара по Сталину.

Глава V

БОРЬБА ЗА СОВЕТИЗАЦИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

После войны догматик Жданов явно не успевал следовать ни функционированию, ни диалектике мыслительного аппарата Сталина. Можно только удивляться, как мог Жданов, так близко стоя к Сталину, не знать, что «политика дальнего прицела» Сталина в восточноевропейских странах — не их национально-коммунистический суверенитет, а их поглощение Советским Союзом. Конечно, Сталин об этом прямо не мог говорить, но он поручил идеологам Коминформа П. Юдину и В. Григоряну разработать проблему «народных демократий, как переходной формы к социалистической демократии». Соответствующие статьи Юдина уже печатались в советской прессе. Но планируемое Сталиным вступление восточноевропейских стран (кроме Восточной Германии) в состав СССР должно было пройти через ряд подготовительных этапов. Так, сначала нужно было бы создать нечто вроде британского «содружества наций» (Commonwealth) на основе марксистско-ленинской идеологии. В обращение был пущен даже аналогичный термин: «социалистическое содружество народов». Разница была лишь в том, что путь к британскому «содружест-

ву наций» лежал от колоний через доминионы к независимым государствам, а Сталин хотел проделать тот же путь, но в обратном порядке — от независимых государств к коммунистическим доминионам, потом к колониям.

Эта идея с явно направленным против Жданова острием тоже была подсказана Берия и Маленковым, а обоснована созданной ими специальной группой экспертов из советских юристов (А. Вышинский, Д. Чесноков). Обосновать эту идею было проще простого. Надо полагать, что эксперты опирались на следующие принципы ленинизма: «Республика Советов... является формой более высокого типа демократических учреждений, но и *единственной* формой» (И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 35; подчеркнуто Сталиным. — А. А.).

Национальный суверенитет не цель, а средство, не главное, а подчиненное требование большевизма. Ленин пишет: «Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолюты, а *частичка* общедемократического (ныне: *общесоциалистического*) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее» (Ленин, т. XIX, 3 изд., стр. 257-258). А как быть с большевизмом, который, как будто, чисто русский продукт? Подходит ли он другим странам? Ответ Ленина предельно ясен: «Большевизм есть образец тактики для всех» (Ленин, т. XVIII, 3 изд., стр. 386). Далее, в своем докладе по обоснованию Программы РКП(б) на

VIII съезде партии (1919 г.) Ленин доказывал, что все вновь возникающие коммунистические государства присоединятся к Советской России и вместе с нею составят общую, без границ, «Всемирную Советскую республику». Ленин добавлял: «Может быть, будет у нас общая Программа, когда создастся Всемирная Советская республика» (VIII съезд РКП(б). Протоколы, стр. 101).

Жданов же начал проводить не политику советизации, а наоборот, политику десателлизации под лозунгом укрепления суверенитета восточно-европейских стран по отношению к Западу. Очень скоро выяснилось, что такая политика бьёт рикошетом и по СССР. Маленков и Берия легко убедили Сталина, что политика Жданова ведет к росту центробежных сил в Восточной Европе и поощрению там национализма не столько против Запада, сколько против СССР. Жданов не понимает, что в результате советских побед во второй мировой войне, по признанию самих западных союзников (Ялта, февраль 1945 г.), восточноевропейские страны входят в сферу влияния СССР. Мы обязались только восстановить там демократию и мы должны ее восстановить, в ее высшей советской форме.

Такова была линия Берия и Маленкова. Её и начала проводить советская политическая полиция, используя тот же Коминформ, но минуя штаб Жданова. Первыми заметили это чехословаки и решили выйти из Коминформа. Февральским заговором 1948 года Берия предупредил их

намерения, но находившиеся и политически и геополитически в лучших условиях югославы безнаказанно покинули Коминформ. Это и убило Жданова в глазах Сталина. Югославский конфликт был страшен Сталину как прецедент, который может стать примером для других стран и расстроить всю стратегию их советизации. Надо было ликвидировать «прецедент», но как? Первый план, вероятно, сводился к военному выступлению против Тито; в беседе с Хрущевым Сталин сказал: «Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет. Он падет» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 43).

Чтобы создать психологическую атмосферу для этого «шевеления мизинцем», Сталин, по плану Берия и Маленкова, начинает ликвидацию друзей и коллег Жданова по Коминформу. Разворачивается кампания против «титоистов» в странах-сателлитах. Многие эпизоды этой драматической борьбы — всё еще тайна полицейских архивов Москвы и восточноевропейских столиц. Тито даже отправил в тюрьму Джиласа за приглашение некоторых из этих эпизодов («Разговоры со Сталиным»). Однако часть этой истории поддается приблизительной реконструкции.

Прежде всего Жданову ставилось в вину, что он был инициатором трех провалившихся советских акций: организации партизанской войны «генерала Маркоса» в Греции, создания берлинской блокады и предъявления требования к Турции разрешить СССР создать морские базы в

районе проливов (включая и движение «советских армян» и «советских грузин» за воссоединение с Армянской ССР и Грузинской ССР бывших армяно-грузинских районов в Восточной Анатолии). Все это не только позорно провалилось, но и послужило еще толчком к созданию НАТО и провозглашению «доктрины Трумэна» о защите Греции и Турции. Однако более важным было другое обвинение: Жданов в легкомысленном, преступном сговоре с Георгием Димитровым и с Тито готовил создание Балканской федерации. Правда, идея принадлежала Димитрову, но Жданов почему-то счел, что это и есть ленинско-сталинская доктрина о социалистической федерации. Соблазнительной была и перспектива включения туда «освобождающейся» Греции, что имел в виду Димитров.

Журнал «World Report» (июнь 1947 г.) приводит высказывание Димитрова: «Может, будет сначала федерация Югославии, Болгарии, Албании, а потом присоединятся Румыния, Польша, Чехословакия и, может быть, Венгрия» (М. Эбон. Маленков. 1953, стр. 55).

21 января 1948 года в Софии Димитров устроил пресс-конференцию и подробно обосновал преимущества и необходимость Балканской федерации. Подчиненная непосредственно Жданову «Правда» опубликовала это предложение Димитрова с явным намёком на одобрение. Тем временем Тито узнал, что член ЦК КПЮ А. Гебранг — агент советской разведки, систематически информирующий советского посла о заседаниях

ЦК, а может быть, и о связях Тито с Димитровым. Берия и Маленкову легко было доказать Сталину, что Балканская федерация придумана как противовес и политическому и экономическому доминированию СССР в восточноевропейских странах. 28 января 1948 года «Правда» печатает заявление от редакции о федерации. Человеку, знакомому с особенностями публицистического языка Сталина, было ясно, кто автор этого «заявления». Приведем его целиком:

«В редакцию «Правды» поступил ряд запросов читателей с разных концов СССР, смысл которых сводится к следующему: означает ли помещение в «Правде» заявления тов. Димитрова на пресс-конференции в Софии, что редакция солидаризуется с позицией т. Димитрова по вопросу о целесообразности федерации или конфедерации балканских и придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию, Грецию, и о необходимости создания таможенной унии между ними. В связи с этим редакция «Правды» считает необходимым сделать следующее разъяснение: 1) «Правда» не могла не поместить заявление т. Димитрова, опубликованное в органах печати других стран, при этом понятно, что «Правда» не могла внести каких-либо изменений в это заявление. 2) Однако это не означает, что редакция «Правды» солидаризуется с т. Димитровым в вопросе о федерации и таможенной унии указанных выше стран. Наоборот, редакция «Правды» считает, что эти страны нуждаются не в проблематической и надуманной федерации

или конфедерации и не в таможенной унии, а в укреплении и защите своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних народно-демократических сил, как правильно сказано об этом в известной декларации девяти коммунистических партий».

Чисто сталинская логика: все эти страны должны быть независимыми друг от друга, чтобы тем вернее зависеть от СССР. Если бы Димитров выдвинул идею о федерации балканских стран с СССР, то, разумеется, у Сталина не было бы никаких возражений.

Нельзя не привести некоторые выдержки из ценнейшего исторического первоисточника, посвященного этому периоду, — книги Милована Джиласа «Разговоры со Сталиным». В начале февраля 1948 года болгары и югославы были вызваны к Сталину. На встрече присутствовали с советской стороны — Сталин, Молотов, Жданов, Маленков, Суслов, Зорин; со стороны Болгарии — Димитров, Коларов, Костов (потом казненный); от Югославии — Джилас, Кардель и Бакарич. Взявши первым слово, Молотов сообщил о серьезных разногласиях между СССР, с одной стороны, и Болгарией и Югославией, с другой. В качестве примера Молотов приводил подписание (без консультации с СССР) союзного договора между Югославией и Болгарией. Когда Молотов начал критиковать план федерации Димитрова, Сталин его прервал:

«Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях — не следит за тем, что

говорит. А всё, что он говорит, что говорит Тито, за границей воспринимают как будто это сказано с нашего ведома. Вот, например, у нас тут были поляки. Я их спрашиваю: что вы думаете о заявлении Димитрова? Они говорят: разумное дело. А я им говорю, нет это неразумное дело. Тогда они говорят, что и они думают, что это неразумное дело — если таково мнение советского правительства. Потому что они думали, что Димитров сделал заявление с ведома и согласия советского правительства, и поэтому и они его одобряли» (Разговоры со Сталиным, стр. 164-165).

Молотов добавил, что Болгария старается создать федерацию с Румынией, «даже не посоветовавшись об этом с советским правительством» (там же, стр. 165). Когда Димитров, защищаясь, сказал, что говорил о федерации лишь в общих чертах, вмешался Сталин: «Нет, вы договорились о таможенном союзе, о согласовании промышленных планов» (там же). Молотов продолжал мысль Сталина: «А что такое таможенный союз и согласование экономики, как не создание одного государства?» (там же).

Димитров заметил в свою защиту, что Болгария и Югославия никакого договора не заключили, они сделали лишь общее заявление о намерениях в этом направлении. Сталин опять грубо прервал его: «Да, но вы не посоветовались с нами! Мы о ваших отношениях узнаем из газет! Болтаете как бабы на перекрестке, что вам взбре-

дет в голову, а журналисты подхватывают!» (там же, стр. 166).

Димитров еще раз постарался оправдаться, заявив: «Верно, мы ошиблись. Но мы учимся и на этих ошибках во внешней политике» (там же, стр. 167). Сталин не принял оправдания. Джилас замечает: «Сталин резко и насмешливо сказал: «Учитесь! Занимаетесь политикой пятьдесят лет и — исправляете ошибки! Тут дело не в ошибках, а в позиции, отличающейся от нашей» (там же).

Здесь Димитрову на помощь пришел старый ветеран коммунизма, болгарский соратник Ленина, Коларов. В связи с этим произошел любопытный диалог. Коларов сказал: «Я не вижу, в чем тут ошибка товарища Димитрова — ведь мы проект договора с Румынией предварительно послали советскому правительству, и оно никак не возражало против таможенного союза...» (там же, стр. 168). Сталин обратился к Молотову: «Присылали нам проект договора?» Когда Молотов ответил утвердительно, Димитров осмелел: «...проект посылался в Москву, я не предполагал, что вы могли иметь что-либо против» (там же, стр. 169). Это окончательно взорвало Сталина, он не любил, когда его утверждения опровергались фактами. Для него факты вовсе не были упрямыми вещами. Он отчитал героя Лейпцига как мальчишку: «Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир — как будто вы всё еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах,

мы обо всем узнаём на улице — вы ставите нас перед совершившимися фактами!» (там же).

Проезжая через Белград в Москву, по очередному вызову на «отдых» и «беседы», Димитров советовал югославам оставаться твердыми в своем споре с Москвой (югославская газета «Борба», 29 сентября 1949 г.). Но из этой поездки Димитров больше не вернулся. Зная о методах расправы Сталина с неудобными ему лидерами коммунизма, зная об инициативе и упорствовании Димитрова по созданию Балканской федерации, зная (из свидетельства Милована Джиласа) о выпадах Сталина в адрес Димитрова, мы можем считать вполне обоснованными комментарии мировой печати о том, что Димитров умер не естественной смертью. Советское официальное сообщение («Правда», 3 июля 1949 г.) гласило, что Димитров скончался 2 июля 1949 года «после продолжительной и тяжелой болезни (печень, диабет) в санатории «Барвиха» близ Москвы». За год до этого на Валдае, в санатории, «умер» и Жданов.

Только теперь, в ноябре 1949 года, Сталин решил созвать в Будапеште совещание Коминформа (под руководством Суслова). Центральным был доклад сталинского ставленника в Румынии Г. Георгиу-Дежа: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». В резолюциях, привезенных Сусловым, Тито инкриминировалось столько политических грехов и уголовных преступлений против коммунизма в пользу США, что было странно: почему Сталин еще не

пошел войной против Тито. Этого не случилось, видимо, не столько из-за сочувствия Югославии со стороны мирового общественного мнения (с ним Сталин никогда не считался), не из уважения к каким-либо нормам международного права (оно для Сталина — пустышка), сколько из-за страха перед вероятным взрывом освободительной войны народов Югославии, в которую неизбежно были бы втянуты и другие народы стран-сателлитов, а может быть, и США. Всё это заставляло Сталина стараться устранить Тито путём внутренних заговоров (недавнее раскрытие заговора югославских сторонников Коминформа доказывает, что Кремль и в этом отношении остался верен Сталину).

У Сталина была привычка приписывать врагу собственные преступные намерения. Примерами этого полна история его борьбы за ленинский трон. Так же он действует уже будучи на троне. Во время войны своему достойному единомышленнику от инквизиции, но безнадежному ефрейтору от политики — Гитлеру, Сталин приписал такую оголенную политическую философию варваров, которую не вычитаешь даже у Макиавелли: «Человек, говорит Гитлер, грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны любые методы. Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать... Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. У меня то преимущество, что меня не удерживают ника-

кие соображения теоретического или морального порядка» (Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1952, стр. 28-29). Гитлер так мог действовать, но никак не говорить, ибо при такой открыто аморальной философии он никогда не пришел бы к власти в морально здоровой и высококультурной Германии. Сталин сочинил за него эту цитату, ибо сам тоже так думал, а главное — так действовал. Теперь Сталин приписывает Тито свой собственный режим и преступления, им совершаемые. Сталин, видимо, навсегда запомнил мораль одного из героев «Стихотворения в прозе» Тургенева: «Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха, — то упрекайте его в том самом недостатке, или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... упрекайте. Во-первых, — это заставит других думать, что у вас этого порока нет. Во-вторых, негодование даже может быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести. Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений. Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он лакей, лакей цивилизации, Европы, социализма! — Можно даже сказать: лакей без лакейства, — заметил я. — И это можно, — подхватил пройдоха».

Все это невольно приходит на ум при изучении истории борьбы между Сталиным и Тито. Когда обострение отношений между СССР и Югославией достигло высшей точки, Сталин лично со-

ставил «дипломатическую» ноту на имя правительства Югославии. Об авторстве Сталина говорит не только стиль ноты, но и ее содержание: в ней сказано то, что никто, кроме Сталина, не осмелился бы написать, ибо невольно создается впечатление, что обрисован не столько югославский, сколько сталинский советский режим и коммунистическая партия Советского Союза:

«В марксистских партиях съезды собираются не для того, чтобы славословить вождей, а для того, чтобы критически рассмотреть деятельность существующего руководства и, если потребуется, обновить его или заменить новым руководством. Во всех марксистских партиях, где существует внутривластная демократия, такой способ изменения руководства является естественным и вполне нормальным... (это косвенный ответ, почему Сталин не созывал своего съезда 14 лет! — А. А.). О каком демократическом характере власти может идти речь, когда во всей Югославии гестаповские методы управления, когда попирается всякое свободное выражение мысли, попираются все человеческие права, когда югославские тюрьмы переполнены... когда югославская коммунистическая партия превращена в отделение политической полиции» (точь-в-точь, как и у Сталина).

Сталин переходит к описанию ужасов в югославских тюрьмах, к методам пыток, которым подвергают русских эмигрантов, подозреваемых в службе в советской разведке. Объявив белых эмигрантов (которые до сих пор считались у него

«белобандитами») «гражданами СССР», Сталин возмущается издевательствами Тито над ними во время допросов: одного заставили стоять 20 часов без движения, не давая ему спать двое суток (у Сталина средняя норма была 10 суток), другого били палкой по ночам во время допроса, третьего избивали и шесть раз сажали в карцер (всё это дилетантство по сравнению с практикой НКВД). Сталин спрашивает:

«Можно ли режим, практикующий такие безобразия и такое бесчеловечное отношение с людьми, называть народно-демократическим? Не вернее ли будет сказать, что режим, допускающий такие издевательства, является фашистско-гестаповским режимом?»

Сталин кончает явной угрозой интервенции:

«Советское правительство считает нужным заявить, что оно не будет мириться с таким положением и будет вынуждено прибегнуть к другим, более действенным средствам... чтобы защитить права и интересы советских граждан в Югославии и призвать к порядку зарвавшихся фашистских насильников» («Правда», 21 августа 1949 г.).

Сталин так и не успел оккупировать Югославию и «призвать к порядку» Тито. Однако следует ему верить: он собирался это сделать. Его более «либеральные» наследники дважды доказали, оккупировав Венгрию (1956 г.) и Чехословакию (1968 г.), что суверенитет восточноевропейских стран — чистейшая фикция, если в какой-либо мере задеты интересы великодержавного империализма советского правительства.

После смерти — или убийства — Димитрова Сталин занялся чисткой стран-сателлитов от сторонников федерации. Состоявшийся в конце 1949 года процесс единомышленников Димитрова — Трайчо Костова и других членов ЦК и правительства Болгарии — не оставляет никакого сомнения, что план Димитрова о Балканской федерации и явился главным обвинением как против них, так и против всех восточноевропейских «титоистов». Только удивляет, почему обычно ультраосторожный Сталин открыто обвинил на этом процессе болгарских коммунистов в «преступной идее» Балканской федерации, которую он ранее критиковал в «Правде», как идею Димитрова. Сталин должен был предвидеть, что именно в этой связи внезапная смерть Димитрова под Москвой вызовет вполне резонные подозрения, что Сталин, опасаясь открыто судить такого человека, как «тигр Лейпцига», — решил убить его тайно. Кроме того, Сталин проявил смелость, граничащую с несвойственным ему легкомыслием, заставив Костова «признаться», что план федерации придумал вовсе не Димитров, а Тито еще к концу войны, чтобы оторвать Балканы от СССР. Вот это «признание»:

«Кардель подчеркнул, что сейчас — налицо наиболее благоприятный момент для осуществления идеи федерации, так как мир еще занят войной и присоединение Болгарии к Югославии под видом федерации пройдет сравнительно безболезненно. Только надо действовать быстро и решительно, чтобы поставить мир перед совер-

шившимся фактом... Югославы, затевая дело создания федерации, имеют в виду попросту поглотить Болгарию, поставить ее в полную зависимость от Югославии, чтобы таким образом легче оторвать ее вместе с Югославией от СССР» («Правда», 1 декабря 1949 г., «Обвинительный акт Главной Прокуратуры Народной республики Болгарии по делу Трайчо Костова и его сообщников»).

«Оторвать Балканы от СССР», — вот тут-то и была зарыта сталинская собака! Поэтому-то и должны были умереть сначала Жданов и Димитров, а теперь Костов.

Фарисейство Сталина было беспрецедентным. Согласно заведенному в Кремле порядку, венки у гроба партийных лидеров ставились только от учреждений и организаций, но никогда от лиц, даже от Сталина. Впервые Сталин нарушил этот порядок, поставив венок с трогательной надписью: «Дорогому другу и товарищу Георгию Михайловичу Димитрову. И. Сталин». Тут невольно вспоминается другая надпись Сталина на авторском экземпляре «Вопросов ленинизма»: «Другу моему и брату — Сергею Мироновичу Кирову. И. Сталин». Нигде так опасно не жили «друзья» и «братья» Сталина, как в его собственной империи.

Глава VI

ПОДГОТОВКА НОВОЙ «ВЕЛИКОЙ ЧИСТКИ»

После смерти Жданова ждановщина получила другой псевдоним: «сусловщина». Маленков и Берия, раньше исподтишка поддерживавшие Сулова против Жданова, теперь легализовали связь с ним и убедили Сталина, что Сулов куда больше «теоретик» марксизма, чем Жданов. Поэтому к нему перешли и юридически все prerogatives Жданова по линии идеологии.

Перед Суловым Сталин поставил задачу поднять ждановщину на следующую ступень. Это означало переход от разоблачений «космополитов» и «низкопоклонников» к разоблачению новых «врагов народа»: ученых-«вредителей» во всех науках, «правых оппортунистов», «сионистов» и «буржуазных националистов» по всей стране. Под какую-нибудь из этих категорий мог быть подведен любой гражданин СССР — от члена Политбюро до рядового колхозника. Это означало переход от устрашения к устранению «врагов народа». Это означало, далее, что устраняемые, как и в тридцатые годы, должны каяться публично в несодеянных преступлениях. Это означало, наконец, стремление втянуть всё взрослое население СССР в коллаборацию с тайной

полицией, согласно лозунгу партии 1937 года: «Каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД» (см. «Правду» от 21 декабря 1937 г.: доклад Микояна к 20-летию НКВД-Чека).

В чем смысл такой коллаборации? Русский философ и публицист Г. Федотов сделал глубокое замечание: «Нужно славить власть даже тогда, когда ее ненавидишь. Но Сталин пошел дальше. Он изобрел систему, которой не знало человечество. Он поставил своей целью заставить каждого гражданина совершить какую-нибудь подлость, чтобы раздавить его чувство достоинства, чтобы сделать его способным на все... Сломить раз навсегда волю человека, осквернить его совесть, сделать его предателем, клеветником — вот цель. Такой уж никогда не сможет смотреть людям в глаза. Он сделает всё, что мы от него потребуем... От оклеветанных и смертельно замученных людей требуется акт самобичевания и отречения от своих идей. И здесь та же цель: раздавить морально писателя или ученого. Он слишком гордо носит голову. Он воображает, что служит науке и искусству. Он служит нам; он оплачиваемая государством проститутка, и пусть не забывает этого» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1949, № XXI, стр. 249-250).

Да, именно такова была цель Сталина в запланированной новой чистке. Увертюрой к ней и явилось «Ленинградское дело». Официально о нем ничего не было сообщено. Даже постановление ЦК от 13 июля 1949 года о разгроме редакции журнала «Большевик» (теперь «Коммунист»)

и выговоре заведующему Агитпропом ЦК Д. Шепилову за восхваление книги Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (в свое время одобренной Сталиным и удостоенной Сталинской премии) оставалось в тайне. Главный редактор «Большевика» ждановец Федосеев был снят со своего поста; были выведены из редакции и несомненные маленковцы Г. Ф. Александров и Иовчук, не проявившие достаточной бдительности. Новую редакцию составили из личных ставленников Маленкова — Абалина (гл. редактор), Л. Ильичева, Кружкова, Григоряна, Буркова и Мясникова. Только в конце декабря 1952 года, в разгар новой борьбы в ЦК, постановление это было пересказано Суловым в его погромной статье против «мягкотелых» ждановцев.

Догадываться, что на верхах идет разгром и пока что летят головы одних ленинградцев, учеников Жданова, партия начала после мартовской сессии Верховного Совета СССР в 1949 году. Надо было соблюсти внешнюю легальность, и поэтому на сессии, как бы в рабочем порядке, сообщили, что 5 марта 1949 года Вознесенский освобожден от должности. Заодно освобождены и его соратники.

Поскольку бывший ждановец Косыгин, предавший своего долголетнего покровителя и перешедший теперь к Маленкову, не только продолжал оставаться заместителем председателя Совета министров СССР, но на той же сессии был еще назначен министром легкой промышленности

СССР, а о Кузнецове ничего не сообщалось, то никто не думал, что Кузнецов (после кратковременного пребывания во главе Ленинградского исполкома), Попков, Родионов уже проходят «конвейер» пыток в подвалах Берия и Абакумова, а Вознесенский сидит под домашним арестом и пишет «Политэкономия коммунизма», еще больше раздражая этим Сталина. К тому же, чтобы дезориентировать партию и общественность, снятые всё еще назывались «товарищами», значит ничего, мол, не произошло. Последний раз Вознесенского и Кузнецова видели среди членов Политбюро 22 января 1949 года на вечере памяти Ленина. Только после разоблачения преступлений Сталина стало известно, что Вознесенский был расстрелян 30 сентября, а остальные во главе с Кузнецовым — 1 октября 1950 года.

Берия и Маленков не успокоились на том, что убрали с пути Жданова и ждановцев. Чтобы обеспечить свое монопольное положение при Сталине, надо было нанести удар и бывшим союзникам Жданова, то есть — оторвать Сталина от всей его «старой гвардии» (Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев). Именно людям «старой гвардии», бывшим непосредственным ученикам Ленина и долголетним соратникам Сталина в борьбе за власть Сталин был обязан своим успешным восхождением к единоличной диктатуре. Их верность ему была абсолютна, а вера Сталина в них — ничем никогда не поколеблена.

Вот почему могло казаться, на первый взгляд,

что Берия и Маленков берутся за безнадежное дело — но они за него взялись столь основательно, а их мастерство в применении «сталинской диалектики» оказалось столь высокого класса, что Сталин скоро начал допускать недопустимое: Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Андреев могут быть орудием сионистского заговора против него, даже больше, — они могут быть англо-американскими шпионами.

Однако Сталин мыслил по-своему весьма логично — если он сам прибегал к поддержке царской полиции в борьбе с соперниками (например, с Шаумяном), если Ленин получал деньги от немецкой разведки для развала России, то почему ученики Ленина и Сталина не могут сейчас делать то же самое?

Прямым результатом начавшихся подозрений Сталина было искусственно созданное «сионистское дело» Лозовского, Михозлса и др. Как еврейки, замешанные в это дело, были арестованы жены Молотова, Андреева, вдова Калинина. Жен других членов Политбюро тоже начали таскать на допросы МГБ как подруг Молотовой (Полины Жемчужиной). Вне подозрения оставались только жены «двух цезарей» — Маленкова и Берия, — хотя до тех пор они тоже считались задушевными подругами Молотовой.

У арестованных «сионистов» начали брать под пытками «чистосердечные признания» о том, как созданный во время войны «Антифашистский еврейский комитет СССР» вошёл, по поручению американской разведки, в связь с Молотовым и

Микояном, чтобы подготовить в СССР антисталинский переворот. Вымучивая эти нелепые «признания», Берия и Маленков учитывали одну, основательно ими изученную слабость всеильного диктатора: хорошо сплетенная интрига о заговорах всегда находила дорогу в мнительный мозг Сталина. Сталин дошел до того, что даже по-собачьи преданного ему Ворошилова объявил английским шпионом и поставил на его квартире тайный микрофон.

В то же время пропагандная лаборатория Суллова начинает создавать легенду, что Берия и Маленков — «ученики Ленина» не только политически, но и физически, что они якобы работали под его непосредственным руководством (хотя Ленин и представления не имел об их существовании), наряду со старыми членами Политбюро.

Тут удивляет не столько бесцеремонность исторической фальсификации, сколько «веротерпимость» Сталина, допустившего, чтобы его ученики, дискриминируя его самого, так вызывающе апеллировали к Ленину.

Тем не менее, новая легенда была официально возведена в партийную догму в одинаково сформулированных приветствиях ЦК в связи с пятидесятилетием Берия в 1949 году и Маленкова в 1952 году: «Товарищу Берия Лаврентию Павловичу. ЦК и Совет министров СССР горячо приветствуют Вас, *верного ученика Ленина, соратника товарища Сталина*, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства...» («Правда», 29 марта 1949 г.). «Товарищу

Маленкову Георгию Максимилиановичу. ЦК и Совет министров СССР горячо приветствуют Вас, *верного ученика Ленина и соратника товарища Сталина*» и т.д. («Правда», 8 января 1952 г.).

Под большевистским небом хотя и нет ничего постоянного, зато нет и ничего случайного. Так и здесь была обдуманная концепция партийно-полицейского аппарата: если будущие преемники Сталина, минуя Молотова и «старую гвардию», займут трон (что потом и случилось), то партия и народ должны знать, что тут не Лжедмитрии, не «тушинские воры», а законные наследники самого Ленина. При всем том, что Сталина превратили в марксистского бога, и в этом он затмил славу самого Ленина, ведь все же правила от имени и во имя Ленина.

Но быть зачисленным в «соратники Сталина» значило гораздо больше, чем то, что входит в прямой смысл этого понятия: у Сталина, гораздо больше, чем у Ленина, можно было поучиться искусству властвования.

Интересно, что ликвидация ждановцев не привела к реабилитации военных друзей Маленкова и Берия. Жуков, как и ведущие военачальники в истекшей войне: адмирал Юмашев, маршал авиации Вершинин, маршал бронетанковых войск Богданов, маршал артиллерии Воронов, — оставались в провинции или вообще были отставлены от дел. Командующий военно-воздушными силами маршал авиации Новиков даже был осужден якобы из-за доносов его подчиненного — генерала Василия Сталина, сына Сталина. Но из

начальствующих военных никто и не пострадал, кроме ставленника Жданова — Шикина (его сняли с поста начальника Главного политического управления Министерства обороны, заменив Желтовым). До смерти Сталина сами «ссылные» военные тоже никаких признаков жизни не подавали. Вероятнее всего предположить, что Сталин усилил полицейский надзор даже и за теми, кто был в центре*.

Расчёты Сталина тут ясны и разумны. Он может и хочет противопоставить Маленкова и Берия «старой гвардии» и для этого предоставляет в их распоряжение партаппарат и его пропагандную лабораторию, но он также предусмотрительно не уступает им монопольный контроль над армией и полицией. В партаппарате сидят болтуны, а в армии и полиции — носители власти. Болтунами могут управлять Берия и Маленков, а носителями реальной власти, как и всегда, будет управлять он сам.

Только потом выяснилось, что у Сталина была и другая причина. Он собирался повторить свою общеизвестную игру — убрать врагов первой очереди руками врагов второй очереди, а потом

* Все военные знали об этом надзоре (даже в войну) и вовсе им не возмущались. Вот характерное свидетельство генерала армии Штеменко о его разговоре с маршалом Тимошенко, в штаб которого он был назначен: «*Тимошенко*: Теперь понял, что ты не тот, кем я тебя считал. *Штеменко*: А кем же вы меня считали? *Тимошенко*: Думал, что ты специально представлен ко мне Сталиным» (Штеменко. Генеральный штаб во время войны. Воениздат, 1968, стр. 277).

врагов второй очереди убрать руками «выдвиженцев». «Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад», — говорил Сталин.

Но пока что Сталин был занят оглядыванием назад, копанием в биографиях «старой гвардии», которую он прямо связал (из-за еврейских жен) с фиктивным «Делом сионистов», ведшимся в величайшем секрете и необычно долго — с 1948 года по август 1952 года.

По словам Хрущева, само дело возникло из-за простого предложения советскому правительству со стороны «Антифашистского еврейского комитета» (при Совинформбюро) во главе с Михоэлсом (народный артист СССР) о создании в Крыму Еврейской автономной советской республики. Сталин решил, что это попытка оторвать Крым от СССР и поставить его под контроль Америки (Khrushchev Remembers, p. 275-276).

Чтобы не вызвать шум на Западе, особенно в Америке, Сталин предпочёл самого Михоэлса не арестовывать, а имитировать автомобильную катастрофу (метод уже испытанный: в Тифлисе в 1922 году так был ликвидирован Камо, а в Ленинграде в 1934 году — охранники Кирова). Михоэлс был убит на дороге под Минском. По рассказу Хрущева, Сталин готовил ту же участь и бывшему министру иностранных дел Литвинову: это легко было сделать во время его обычных поездок на подмосковную дачу (там же, стр. 278).

«Сионистское дело» кончилось тем, что 10 августа 1952 года член ЦК, заместитель министра иностранных дел СССР, председатель Совин-

формбюро Лозовский и еще двадцать видных еврейских деятелей культуры и искусства были расстреляны. Жена Молотова отделалась ссылкой в Казахстан.

Хрущев много рассказывает об антисемитизме Сталина; об этом говорил еще Троцкий; об этом же писала и Светлана Аллилуева. Но сталинский антисемитизм был не зоологическим, как у Гитлера, а прагматическим. Если бы Эйнштейн родился в империи Сталина, то он атомную бомбу изобрел бы не в Америке, куда его выпустил Гитлер, а у Сталина (и только потом Сталин мог бы его ликвидировать).

В непосредственной связи с «Делом сионистов» находится и снятие в марте 1949 года Молотова с поста министра иностранных дел и Микояна с поста министра внутренней и внешней торговли СССР. Тогда же был снят и ни во что не замешанный член Политбюро Булганин с поста министра вооруженных сил СССР (вместо него был назначен бесцветный, но слепо преданный Сталину военный бюрократ маршал Василевский). Назначенный еще в 1946 году министром госбезопасности ученик Берия армавирский армянин Абакумов был сохранен, вероятно, чтобы использовать его против самого Берия; к тому же, Абакумов блестяще оформил «Ленинградское дело». Вместо ждановцев в аппарат ЦК тоже пришли новые люди — Пономаренко, Патоличев, Андрианов, Чесноков.

Факт снятия, по прямому указанию Сталина, не без основания вызвал страх у Булганина не

столько за карьеру, сколько за жизнь. В те дни Булганин и произнёс свою знаменитую фразу: «Когда едешь к Сталину, не знаешь, куда от него попадешь, — в тюрьму или домой». Это пошло, однако на пользу Берия и Маленкову: вечно «нейтральный» Булганин был завербован впоследствии через своего друга Хрущева в их сеть.

Скоро и Хрущев вызвал вспышку негодования у Сталина. Хрущев считал себя экспертом по сельскому хозяйству и поэтому часто писал и еще больше говорил на эту тему. Его статья в «Правде» 25 апреля 1950 г. «О некоторых вопросах дальнейшего организационного укрепления колхозов» содержит много принципиально новых предложений по улучшению дел в колхозах и поднятию жизненного уровня колхозников. Иначе говоря, Хрущев, видимо, при поддержке Берия и Маленкова, осмелился полезть в запретную зону личной компетенции Сталина.

Это выступление прошло безнаказанно, но когда Хрущев через год (4 марта 1951 г.) повторил сказанное, добавив, что кроме того нужно «укрупнить колхозы» и создать на этой базе «агрогорода», да еще подписал статью «Секретарь МК и ЦК», то Сталин грубо призвал Хрущева к порядку. 5 марта 1951 года на первой странице «Правды» прямо под «Передовой» о колхозных делах напечатано: *«От редакции. Исправление ошибки. По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты «Правда» статьи т. Н. С. Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах» выпало примечание от редакции, где*

говорилось о том, что статья тов. Н. С. Хрущева печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется».

Как будто «Правда» имеет право делать примечания к статьям членов Политбюро, да еще объявлять их дискуссионными!

Хрущев хорошо знал (еще по истории с планом создания Балканской федерации), что значит публичное «примечание» Сталина! Это еще больше толкнуло его в объятия Берия и Маленкова.

Если разгром «врагов народа» в партии все еще происходил в глубокой тайне (даже членам Политбюро было запрещено сообщать кому-либо об аресте их жен), то разгром идеологических вредителей среди ученых и писателей велся открыто. Под непосредственным руководством Суслова не только на всех участках идеологического фронта продолжались «разоблачения», начатые Ждановым (литература и искусство, философия), но «зоны боевых действий» еще и расширились. Развернулись новые «дискуссии» (на самом деле в них участвовала только одна сторона — партийные ортодоксы, бичующие мнимых вредителей), которые очень скоро превратились в идеологические чистки: в физиологии — против учеников академика Павлова, в языкознании — против учеников академика Марра, в генетике — против врагов шарлатана Лысенко, в политэкономии — против друзей Вознесенского.

В двух из этих «дискуссий» решил участвовать и сам Сталин: по вопросам языкознания и политэкономии. Его научный вклад в эти дискуссии,

объявленный при его жизни вершиной марксизма, был мизерным, зато политический подтекст этого вклада — зловещим.

Оригинальным был прежде всего сам метод организации «дискуссий»: редакция «Правды» поручала какому-нибудь идеологическому функционеру выступить с погромной статьей против видных, партаппаратом до сих пор признанных, научных авторитетов, а потом этим последним предоставлялось право защиты своих позиций. Те это делали с большим усердием, не подозревая о ловушке. После этого на их головы сыпались со всех сторон обвинения, больше походившие на прокурорские речи, чем на научные диспуты. Каждая дискуссия кончалась подачей обвиняемыми в редакцию «Правды» заявлений с признанием и покаянием, что они до сих пор занимались преступной «фальсификацией» марксизма.

Политический подтекст участия Сталина в «дискуссиях» тогда еще не был ясен и поэтому прошел незамеченным и нерасшифрованным. Только в свете последующих событий становится возможным понять истинный смысл, например, его работы «Экономические проблемы социализма в СССР».

Несколько замечаний о его участии в дискуссии по языкознанию. Здесь Сталин явно полез не в свою область. Кроме русского языка, он знал только грузинский. Ни преподававшегося ему в школе греческого, ни самостоятельно изучаемого им немецкого языка он так и не освоил.

Пользоваться аргументацией из сравнительного языкознания («индоевропеистики») против яфетической теории академика Марра Сталин никак не мог (однако язык русской партийной публицистики Сталин знал хорошо, поэтому трактовать его грузинский акцент как его литературную неграмотность — наивно, а приписывать его «Основы ленинизма» другому лицу — примитивнейшая отсебятина). Поэтому Сталин сосредоточил свое внимание на «марксистской» методологии в языкознании, но этим не поднял марксизм в языкознании «на новую ступень», как тогда писали. Стиль его речей и писаний тоже изобилует тавтологией прописных истин, изобличающих в нем бывшего семинариста, толкующего тексты Священного Писания по катехизису — в форме вопросов и ответов. Такими трюизмами полна и статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании» («Правда», 20 июня 1950 г.) Статья эта направлена против академика Н. Я. Марра и его школы в лингвистике.

«Лингвистический вклад» самого Сталина свелся к упомянутым трюизмам: «Язык всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком», «язык есть средство, при помощи которого люди общаются друг с другом», «вне общества нет языка», «чем богаче и разностороннее словарный состав языка, тем богаче и развитее язык», «грамматика является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении» («Правда», 20 июня 1950 г.).

Но дальше происходит нечто странное и неслыханное в марксизме.

Ведь Маркс, Энгельс, Ленин недвусмысленно утверждали, что язык относится к «надстройке». Во всех учебниках и справочниках так и значится. Марр утверждал то же, самое. Теперь Сталин заявляет, что язык не относится ни к «надстройке», ни к «базису»: «Язык нельзя причислять ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек. Его нельзя также причислять к разряду промежуточных явлений между базисом и надстройкой, так как таких промежуточных явлений не существует», — писал Сталин («Правда», 4 июля 1950 г.).

Что же тогда «язык» — орудие? Нет и не орудие, ибо, говорит Сталин, «орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова... Если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире» (там же).

Зачем же Сталин затеял этот «ученый» диспут? В стратегии Сталина никогда ничего не бывало случайного: он дал сигнал к новой волне чистки среди интеллигенции и первым ее опытным участком назначил лингвистический фронт.

Подводя итоги дискуссии, Сталин делает такое заявление, за которое любого другого он велел бы объявить врагом «ленинской партийности в науке»: «Общепризнано, что никакая наука не

может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики».

После этого органический порок собственной системы он приписывает своим подневольным подданным.

Сталин пишет: «дискуссия выяснила, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, несвойственный науке... Дискуссия оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет божий этот *аракчеевский режим* и разбила его вдребезги» («Правда», там же).

Сталин, критикующий «аракчеевский режим» — это уж воистину зрелище для богов!

Сейчас же закрыли Институт языка и мышления им. академика Марра при Академии наук СССР, почти весь его состав (как и его филиалов в республиках) был сослан в Сибирь.

Поскольку «вклад» Сталина был объявлен универсальной программой для всех наук, чистка развернулась и во всех других институтах Академии наук по тому же методу, что и в Институте языкознания: в Институте физиологии им. Павлова, в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности, — их руководители во главе с академиками Орбели и Сперанским были изгнаны и высланы. Начатая еще в 1948 году чистка в институтах истории, Институте права, Институте философии Академии наук СССР продолжалась с новым ожесточением. Даже трижды вычищенная Академия

сельскохозяйственных наук СССР находила все новые и новые жертвы*.

Однако самой интересной и в конечном счете самой роковой для Сталина оказалась экономическая дискуссия.

* Когда вконец распоясавшегося главу этой Академии академика Лысенко спросили, почему вся западная генетика — ложь, а каждое его дилетантское слово — истина, кто же ему дал патент на безгрешность, Лысенко невозмутимо заявил: «Я отвечаю. ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил» (Т. Д. Лысенко. Агробиология. 1949, стр. 645).

Глава VII

УДАР ПО ВОТЧИНЕ БЕРИЯ

По крови и языку Сталин был грузином, но о грузинском менталитете Сталина говорить не приходится. Великолепное определение национальности Сталина дал его сын, мальчик Вася, когда он сообщил своей сестре Светлане необычную новость: «А знаешь, наш отец *раньше* был грузином!» Перестав быть грузином, Сталин всё-таки не мог избавиться от комплекса нерусскости, стараясь преодолеть его показной проповедью сверхрусскости в национальном вопросе. На этой почве и возникло уже упоминавшееся первое «Грузинское дело» Сталина в 1922 году, когда Сталин был только что назначен Генеральным секретарем ЦК.

Именно в Грузии он вечно искал остатки недобитого национализма. Поскольку все эти грузинские дворяне, меньшевики и «национал-уклонисты» давным-давно были физически уничтожены (кроме успевших эмигрировать), Сталин теперь выискивал «националистов» среди руководящих молодых коммунистов. Так как они были прямыми учениками и личными ставленниками другого грузина — Берия, то накапливалось много материала для будущего столкновения и с самим Берия.

До сих пор этого не происходило из-за исключительной изворотливости Берия. Как только Сталин начинал подготавливать новую чистку Грузии, Берия сам, превентивно, проводил ее, не задевая лишь первого секретаря ЦК, неизменного К. Чарквиани. Таким образом, Берия снимал одних своих учеников, ставил на их место других, не менее ему преданных, и спасал своего верного ставленника Чарквиани. Пока Сталин узнавал, какие люди теперь в Грузии пришли к власти, проходило немалое время.

Так было создано и руководство 1949 года — из людей, выдержавших все предыдущие чистки. Правда, большинство руководителей республики и областей Берия подобрал из своих сородичей — мингрельцев, но это и считалось гарантией стабильности руководящих кадров, а заодно и концом периодических чисток, от которых страдала главным образом грузинская интеллигенция. На все ответственные посты Берия поставил людей, которым абсолютно доверял: либо чекистов из своего окружения, либо своих личных друзей, о которых в Москве знали так же мало, как и в Грузии. Так были назначены не только секретари ЦК, но и все секретари обкомов, горкомов и райкомов Грузии.

Говорят, когда Берия представил очередной список секретарей ЦК (в состав ЦК Грузии на XIV съезде) на утверждение Оргбюро ЦК, Сталин иронически спросил: «Они что, все члены партии?». За иронией скрывался первый выговор Сталина Берия за всё время его долголетней

преданной службы. Берия хорошо знал Сталина и понял это как зловещий сигнал возможного ухудшения их взаимоотношений.

Дальнейшие события показывают, что Сталин в действиях Берия в Грузии увидел нелояльность к себе. Как всегда в таких случаях, он начал рыться в старых «личных делах» Берия (делая людей своими «соратниками» и «учениками», Сталин никогда не уничтожал дискредитирующие их данные в архивах ЦК). А там лежали не только те весьма интересные документы, о которых мы уже говорили, но и те, о которых рассказала Аллилуева:

«Он (Берия. — А. А.) завладел доверием отца и очень скоро пролез с его поддержкой в первые секретари ЦК Грузии. Старая закавказская большевичка О. Г. Шатуновская рассказывала мне, как потрясены были все партийцы Грузии этим назначением, как упорно возражал против этого Орджоникидзе... Шатуновская говорила мне, что роль Берия во время гражданской войны на Кавказе была двусмысленной... Он был прирожденный провокатор и, как разведчик, обслуживал то дашнаков, то красных, по мере того, как власть переходила то к одним, то к другим. Шатуновская утверждает, что однажды нашими военными Берия был арестован, — он попался на предательстве и сидел, ожидая кары, — и что была телеграмма от С. М. Кирова (командовавшего тогда операциями в Закавказье) с требованием расстрелять предателя. Этого не успели сделать, так как последовали опять военные действия и

всем было не до этого маленького человечка. Но об этой телеграмме, о том, что она была, знали все закавказские старые большевики; знал о ней и сам Берия» (Двадцать писем к другу, стр. 130-131).

Однако на заседании ЦК, при поддержке Маленкова и Хрущева, список новых назначений, представленный Берия, был утвержден. Его же и командировали для оформления этих назначений на пленуме ЦК Грузии. Теперь Берия знает, что за любые казусы в Грузии он будет лично ответствен перед Сталиным, и принимает все меры, чтобы опять сделать Грузию «образцовой республикой» в глазах Сталина. (Это было безнадежно, если уж у Сталина появилось сомнение в «партийности» новых ставленников Берия.)

Берия, знавший все фибры души (или бездушия) Сталина, допустил еще одну непростительную для него психологическую оплошность: новое руководство Грузии начало раздувать «культ Берия», тогда как «культ» для всех должен был быть один — Сталина.

XIV съезд коммунистической партии Грузии (январь 1949 г.) проходит именно под знаком культа Берия. Во время этого съезда орган ЦК Грузии «Заря Востока» в двух номерах (от 27 и 29 января) считает нужным напомнить грузинскому народу, что у него не один, а два «отца»: Берия и Сталин. Но так как до Сталина далеко, а Берия лично или через своих учеников постоянно присутствует в Грузии, да еще «заботится» о процветании Грузинской республики, то под-

халимы явно перегибают палку, восхваляя Берия, и этим вредят ему самому.

Особенно это сказалось во время выборов в ЦК. Новое руководство выдвинуло в состав почетных членов ЦК кандидатуры Сталина и Берия, но во время тайных выборов «единогласно» прошел только Берия, а за Сталина многие голосовать воздержались. Получился скандал, и чтобы выйти из положения, счетная комиссия съезда опубликовала лишь сообщение об избрании Сталина и Берия в члены ЦК, но без обычного слова «единогласно».

Эта неслыханная дерзость учеников Берия нашла свое демонстративное отражение даже на страницах «Правды» (30 января 1949 г.) в сообщениях о съездах партии Азербайджана и Грузии. В сообщении из Баку сказано: «Бурной овацией было встречено сообщение счетной комиссии о том, что членом ЦК КП(б) Азербайджана *единогласно* избран т. И. В. Сталин». Тут же, рядом, перепечатано и второе сообщение — из Тбилиси: «Овацию съезда вызвало сообщение комиссии о том, что членом ЦК КП(б) Грузии избран т. И. В. Сталин. Членом ЦК Грузии избран также т. Л. П. Берия». «Единогогласно» — раз его не было для Сталина, — отсутствует и для Берия. Кто знал скрупулезность протоколистов из ЦК и догматиков из «Правды», тот вычитал из этих двух сообщений открытый выговор и Берия и компартии Грузии.

Сталин, конечно, знал всё это, но он был удивительно терпелив, внимательно регистрировал

события, давая им идти своим ходом, иногда провоцируя их развитие в выгодном для себя и губительном для потенциального противника направлении. Вопреки сложившемуся о нем суждению, Сталин давал своим сотрудникам возможность опровергнуть свое критическое мнение о них фактами. Заклинаниям он никаким не верил, наоборот, они даже вызывали в нем недоверие. Коэффициент его доверия к людям, даже самым близким, равнялся нулю, если в их действиях он не видел непосредственной выгоды для себя. Этой выгоды Сталин и не видел в действиях Берия в Грузии, а потому решил лично взяться за ее новую чистку. Он ее провел без Берия, ибо она была чисткой против Берия. Так возникло последнее «Грузинское дело» Сталина.

Сталин знал, что для этой операции министр госбезопасности Абакумов не подходит. По рассказам Хрущева, Абакумов любой шаг и даже прямое распоряжение Сталина прежде всего согласовывал с Берия. Ясно, он мог бы выдать Берия все сталинские планы. Поэтому Сталин заменил его старым партаппаратчиком С. Д. Игнатьевым, которого и направил в Грузию с чрезвычайными полномочиями и целым эшелоном чекистов, чтобы арестовать всех друзей Берия в руководстве республики, ее областей и даже некоторых, пограничных с Турцией, районов.

По масштабу Грузии эта новая чистка в ноябре 1951 года превзошла даже «Великую чистку» 1937-38 годов. Были сняты и арестованы, как «буржуазные националисты», 427 секретарей об-

комов, горкомов и райкомов партии (эта цифра была названа в «Правде» от 30 января 1953 г.), арестован почти весь руководящий состав ЦК и правительства Грузии: секретари ЦК Барамия, Джибалидзе, Шадурия, председатель президиума Верховного Совета Гогуа, главный прокурор республики Жониа, министр юстиции Рапава, первый секретарь ЦК комсомола Зоделава. Из 11 членов бюро ЦК Грузии — 7 было арестовано. Сам Чарквиани избег ареста тем, что вовремя изменил Берия и перешел на сторону тех, кому Сталин поручил провести чистку, — заменившего его на посту первого секретаря ЦК А. Мгеладзе и министра госбезопасности Грузии генерала Рухадзе.

По этому «делу» были арестованы не только грузинские личные друзья Берия, но и весь актив партии из Мингрелии, а поэтому и само «дело» называлось в партийных документах «Мингрельским».

Массовые аресты были произведены так же среди рядовых партийцев и беспартийных, особенно среди интеллигенции. Сколько из них погибло — неизвестно, но Хрущев говорил на XX съезде КПСС: «Тысячи невинных людей пали жертвой самодурства и беззакония».

Созванный почти через год после партийного переворота XV съезд партии (сентябрь 1952 г.) одобрил арест своего ЦК, признал работу всех горкомов, Аджарского обкома и Мингрельского райкома «неудовлетворительной». На этом съез-

де, в отличие от предыдущего, Берия не только не хвалили, но его имя вообще было табу.

В докладе А. Мгеладзе очень глухо говорилось о «серьезных ошибках, допущенных старым руководством» и о «буржуазном национализме» в творчестве грузинских писателей, но ни слова не было сказано, почему же за «ошибки» людей целыми группами арестовывают и без суда расстреливают.

Съезд на этот раз избрал Сталина членом ЦК КП(б) Грузии «единогласно» (но без Берия) и приветствовал его «при долго не смолкающих овациях всех делегатов» («Правда», 20 сентября 1952 г.). Первым секретарем ЦК был утвержден А. Мгеладзе (до этого он был секретарем Абхазского обкома), вторым секретарем — В. Цховребашвили, третьим — В. Буджиашвили, председателем Совета министров был назначен З. Кецохели, но фактическим хозяином Грузии стал член бюро ЦК — министр госбезопасности Грузии генерал Рухадзе.

По примеру 30-х годов при Министерстве госбезопасности Грузии была создана «Чрезвычайная тройка» (состав: председатель — Рухадзе, члены — первый секретарь ЦК Мгеладзе и главный прокурор республики). Ей были даны права заочно приговаривать людей к расстрелу или к заключению до 20 лет. Через эту «тройку» были пропущены тысячи людей. Но чистка на этом не кончилась, она лишь вступила в новую, самую ответственную фазу, призванную решить судьбу самого Берия.

Рухадзе с прикомандированными к нему генералами из личной полиции Сталина должен был организовать над старым ЦК политический процесс, обвинив его в создании «буржуазно-националистического контрреволюционного центра Грузии». По замыслу его режиссеров, «центр» этот связался с мусаватистами и грузинскими националистами в эмиграции с целью отторгнуть Грузию от СССР и присоединить ее к Турции.

Почему же Сталин сочинил столь нелепую легенду о желании грузин войти в состав Турции, с которой они находились в вековой вражде и спасаясь от которой они, собственно, в 1801 году и очутились добровольно в составе Российской империи? Зачем ему понадобился союз между грузинскими националистами и азербайджанскими мусаватистами, который сами они никогда не могли заключить — ни на Кавказе во время революции, ни в эмиграции после нее?

Сталин любил повторять: «Дыма без огня не бывает». В данном случае Сталин решил сам напустить отсутствующий «дым», и у него было для этого достаточное основание: ведь шпионское «крещение» Берия произошло в Баку в 1918 году именно в мусаватистской разведке.

Всеведущему Сталину было известно и то, о чем Берия думал, что он не знает: человек, завербовавший Берия в мусаватистскую разведку, жил теперь в Турции и возглавлял центр мусаватистов.

Сталин знал и то, что Берия считал своим величайшим секретом, а именно — руководитель

мусаватистов очутился в Турции потому, что его нелегально отпустил туда через грузино-турецкую границу председатель ГПУ Грузии Берия.

И как бы в довершение «цепи улик» Сталина против Берия, произошло и последнее «чудо» — друзья Берия по «Мусавату» действительно заключили союз с грузинскими эмигрантами по созданию Мюнхенского института по изучению СССР (1951 г.), который, по мнению Кремля, был филиалом ЦРУ для политических диверсий против СССР.

Говоря об этом «деле» на XX съезде, Хрущев не хотел, да и не мог быть до конца искренним, иначе ему пришлось бы сообщить, что Сталин его создал только для того, чтобы подготовить ликвидацию Берия. Тем не менее этот вывод сам по себе напрашивается из общей характеристики этого «дела» Хрущевым:

«Очень показательно... дело мингрельской националистической организации, якобы существовавшей в Грузии. Как известно, ЦК КПСС вынес резолюции, касающиеся этого дела в ноябре 1951 года и в марте 1952 г. Эти резолюции были вынесены без предварительных обсуждений в Политбюро. Они были *лично продиктованы Сталиным* и содержали тяжкие обвинения против многих преданных коммунистов. На основе подложных документов было доказано, что в Грузии якобы существовала националистическая организация, целью которой была ликвидация советской власти в республике с помощью империалистических держав. В связи с этим в Грузии

был арестован ряд партийных и советских работников. Позднее было доказано, что это было клеветой... Как это выяснилось, никаких националистических организаций в Грузии не было. Тысячи невинных людей пали жертвой самодурства и беззакония. Все это случилось под «гениальным» руководством Сталина, «великого отца грузинского народа», как грузины любили говорить о Сталине» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 42-43).

Позже Хрущев всё-таки признался: «Мое чувство, что Сталин боялся Берия, подтвердилось, когда Сталин создал Мингрельское дело. Я абсолютно уверен, что это дело было сфабриковано, чтобы убрать Берия, который сам был мингрельцем» (Khrushchev Remembers, p. 336).

Вот и еще доказательство, что «дело» это было направлено против Берия: 5 марта 1953 года умер Сталин, но даже еще до его похорон в Тбилиси прибыл новый эшелон чекистов во главе со старым ставленником Берия В. Г. Деканозовым (он был раньше заместителем министра иностранных дел). Деканозов и его помощники произвели новые аресты.

На этот раз были арестованы из 11 членов бюро ЦК 8 человек: первый секретарь ЦК Грузии Мгеладзе (назначен Мерцхулава), председатель Совета министров Кецховели, министр госбезопасности генерал Рухадзе, даже бывший первый секретарь ЦК Чарквиани (вероятно, за измену Берия) и десятки других ответственных лиц, помогавших создать дело против Берия. Одноре-

менно были освобождены из тюрьмы все уцелевшие руководители старого ЦК и старого правительства.

В апреле была созвана сессия Верховного Совета Грузии для утверждения состава нового правительства. Выступая на этой сессии, новый председатель Совета министров Б. М. Бахрадзе сказал:

«Я хочу заверить, что все кандидаты, представленные здесь для руководства министерствами, являются членами нашей могучей коммунистической партии (запоздалый ответ на вопрос Сталина? — А. А.). Они воспитаны грузинской парторганизацией, которую в течение долгих лет вел лучший сын Грузии, выдающийся руководитель великого Советского государства товарищ Лаврентий Павлович Берия» (продолжительные аплодисменты) (газета «Заря Востока», 15 апреля 1953 г.).

Создавая свое последнее «Грузинское дело», Сталин явно недооценил выдающихся качеств Берия: его бездонное властолюбие, неповторимое ханжество и каиново бездушие были вполне на уровне сталинских. Об этих качествах писала Светлана Аллилуева:

«Я считаю, что Берия был хитрее, вероломнее, коварнее, наглее, целеустремленнее, тверже, — следовательно, сильнее, чем отец...» (Двадцать писем к другу, стр. 130).

Такое утверждение, конечно, может вызвать серьезные возражения, но в нем есть и большая доля правды. Сталин перехитрил всех своих пред-

шественников и соратников, но вот Сталина перехитрил только Берия. Это мы еще увидим из дальнейшего.

После «Грузинского дела» Берия знал, что Сталин готовит ему судьбу Менжинского, Ягоды и Ежова. Когда-то гениальный, но к концу жизни притупившийся криминальный ум Сталина начал давать осечки: он повторяет старые уголовные трюки тридцатых годов, так досконально изученные, а иногда и подсказанные тем же Берия. Еще Гераклит знал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Сталин хотел доказать, что это возможно.

Глава VIII

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ПОЛИТБЮРО И СТАЛИНЫМ

Если выразиться образно, то в послевоенные годы Сталин правил страной как рулевой в бурную погоду на океане, бездумно бросающий дырявую лодку навстречу грозным волнам. Пассажиры же ее — члены ЦК — то беспрерывно выкачивали воду со дна лодки, то отчаянно метались с одного борта на другой, чтобы сбалансировать ее движение, но неумолимый рулевой балансировал его тем, что бросал их за борт одного за другим.

Сколько их было выброшено за последние три года по «Ленинградскому делу», по «Сионистскому делу», по «Грузинскому делу», по начавшемуся «Московскому делу», в которое по замыслу Сталина могли бы быть включены остальные уцелевшие пассажиры сталинской лодки?!

Неважно, что сами пассажиры подсказывали рулевому, кого первыми вышвырнуть, важно другое: все они знали, что при этом рулевом та же участь рано или поздно постигнет каждого из них. Самое главное — это почувствовали теперь и Берия, и Маленков.

Их последняя акция против «старой гвардии» Сталина, их ядовитые стрелы наносили, правда,

тяжкие раны «старогвардейцам», но, увы, бумерангами разили и самих метателей. Во-первых, «старогвардейцы» не оставались в долгу, в свою очередь донося на доносчиков. Во-вторых, Сталин пришел к выводу, что в сложившихся условиях лучше всего — уничтожить всех: и «старогвардейцев» и «младогвардейцев», по рецептам двадцатых годов.

Берия и Маленков великолепно научились читать затаенные мысли Сталина и разгадали весь его стратегический план. А тогда произошло то, что Сталин считал абсолютно исключенным: по инициативе Берия и Маленкова члены Политбюро пришли к спасительному для них компромиссу и заключили оборонительный союз против замыслов Сталина. Результатом этого союза и было решение Политбюро созвать августовский пленум ЦК (1952 г.) и назначить на нем созыв съезда партии.

По формально действующему уставу партии съезды ее должны были созываться не реже одного раза в три года. Последний съезд был до войны — в марте 1939 года. Сталин, охотно соглашаясь на аккуратное проведение выборов в советский лжепарламент, никак не соглашался на выборы нового ЦК на очередном съезде партии. Так было пропущено более четырех сроков созыва съезда. За это время началась и окончилась Великая Отечественная война, были приняты важнейшие международные и внутренние решения, находящиеся в компетенции только съезда партии, а Сталин и не думал его созывать. Более

того, даже пленум того довоенного ЦК, члены которого в войну сыграли столь решающую роль в политической организации фронта и тыла страны, не созывался уже более пяти лет (по уставу его надо созывать раз в три месяца).

Трудно найти другую причину несозыва съезда, кроме боязни Сталина, что «ученики», в рамках устава, легально лишат его единоличной власти. Опасения его не были беспочвенными.

После «Ленинградского дела» Сталин начинает терять контроль над аппаратом партии и полиции в той же мере, в какой растет там влияние Маленкова и Берия. То, что Хрущев рассказывает в своих воспоминаниях (т. I) об истории созыва XIX съезда (если этот рассказ правильно изложен) — карикатура на правду, к тому же безграмотная, с точки зрения функционирования партийно-полицейской машины.

Хрущев, жаловавшийся на XX съезде, что Сталин не хотел созвать съезд партии, теперь говорит, что Сталин вызвал к себе членов Политбюро и предложил созвать съезд, но не сообщил повестки дня. Через некоторое время Сталин сказал, что будут доклады Маленкова, Хрущева и Сабурова, члены Политбюро это приняли к сведению и повестка дня не обсуждалась.

Однако так не было.

Сталин не хотел никакого съезда партии, пока не проведена намеченная вторая «Великая чистка» — в этом сомневаться не приходится (XVIII съезд тоже был созван только после первой «Великой чистки», в 1939 г.). Поэтому инициатором

созыва съезда он быть не мог. Далее, совсем нелепо заявление, что Политбюро не обсудило и не утвердило в деталях, текстуально все проекты докладов на предстоящем съезде (лживость этого доказывается уже тем, что проекты докладов Хрущева об уставе и Сабурова о пятилетке были за несколько недель до съезда опубликованы в «Правде» для обсуждения в печати и на партийных конференциях).

Да, конечно, объявление о созыве съезда и его повестке дня было опубликовано за подписью одного генерального секретаря ЦК — Сталина. Но так делалось всегда. Самым поразительным был беспрецедентный факт: впервые за время сталинского правления политический отчет ЦК делал не Сталин, а Маленков.

Это сразу вызвало недоумение: что произошло? Либо Сталин нездоров, либо он намеренно выдвинул главным политическим докладчиком ЦК избранного им «кронпринца». Только потом мы узнали, что оба предположения были ложными. Сталин был здоров, писал большие «дискуссионные» статьи, присутствовал на съезде и даже выступил в конце съезда с краткой речью (не по существу работы съезда, а с обращением к иностранным компартиям, что — как мы дальше увидим — тоже имело свое значение). И в «кронпринцы» Сталин никого не намечал, хорошо зная всю опасность такого предприятия.

Остаются два других предположения: либо Сталин отказался делать доклад на съезде, организованном и созванном вопреки его воле, либо

Политбюро, не разделявшее теперь многие из практических предложений и мероприятий Сталина, решило поручить доклад Маленкову, открытие съезда — Молотову, закрытие — Ворошилову.

Опальный Хрущев, которого партийные интересы заставляют придерживаться определенной схемы, какую-то часть правды всегда обволакивает туманом лжи. Он хочет нас уверить, что и поручения Молотову и Ворошилову тоже исходили от Сталина. Но этим он опровергает самого себя.

В самом деле, по официальным выступлениям того же Хрущева на XX съезде мы знаем, что после XIX съезда, во время первого организационного пленума нового ЦК, Сталин обвинил Молотова в шпионаже в пользу Америки и Ворошилова в шпионаже в пользу Англии, а их жены-еврейки по тем же обвинениям уже сидели в подвалах Лубянки.

Но из отчетов о XIX съезде мы знаем, что его торжественно открыл Молотов и торжественно закрыл Ворошилов. По партийной традиции, эти почетные обязанности раньше исполнял Ленин, а так как Сталин отказался их перенять, то был введен новый порядок: открывали и закрывали съезды два разных лица из наиболее популярных старых членов Политбюро.

Спрашивается, как мог Сталин оказать такой почет тем, кого он в конце того же съезда собирался разоблачить как шпионов? Таких чудес не бывало даже в империи Сталина. Ясно, что они

были выдвинуты не Сталиным, а Политбюро в результате вышеупомянутого «исторического компромисса», как ясно и то, что от расправы Сталина их спас партийно-полицейский аппарат во главе с Маленковым-Берия.

Тот, кто думает, что Сталину было всё подвластно, что стоило ему только «пошевелить мизинцем» — и все его враги взлетят на воздух, забывает, что власть Сталина основывалась на абсолютном повиновении непосредственных владельцев машины властвования. Они теперь вышли из повиновения. Что же мог делать Сталин один, без них? Выйти на Красную площадь и призвать народ к бунту?

До разбора работы XIX съезда и анализа итогов его пленума ЦК надо бросить еще раз беглый взгляд на недавнее прошлое.

Наивно думать, что политическое развитие в руководстве партии и государства определялось лишь взаимными интригами сталинцев, или объявлять кажущийся бессмысленным жестокий террор Сталина результатом паранойи. И интриганы, и Сталин боролись не только за власть, но и за определенный курс внутренней и внешней политики Кремля. Сталин никого не убивал из любви к убийству. Не был он и садистом, и еще меньше — параноиком.

Такие оценки его действий вытекают из неправильной «антропологической» предпосылки: Сталина рассматривают как человека со всеми человеческими атрибутами, а поэтому все его нечеловеческие поступки сводят к душевной болезни.

Между тем все поступки, действия, преступления Сталина целеустремлены, логичны и строго принципиальны. У него нет зигзагов душевнобольного человека: помрачение ума, а потом просветление, восторг сейчас, меланхолия через час, злодеяние сегодня и раскаяние завтра, как бывало с действительно больным Иваном Грозным. Сталин был политик, действующий уголовными методами для достижения цели. Более этого. Он представлял собою уникальный гибрид политической науки и уголовного искусства, превосходя этим всех других политиков. Сталин был принципиально постоянным в своих злодеяниях — в 18 лет он выдал свой марксистский кружок в Тифлисской духовной семинарии жандармам (оправдывая себя тем, что так он сделал кружковцев революционерами); в 28 лет он руководил убийством людей на Эриванской площади в Тифлисе во время вооруженного ограбления казначейства; в 38 лет он лично командовал в Царицыне массовыми расстрелами пленных «белогвардейцев»; в 48 лет начал подготовку к истреблению крестьянства; ему было 58 лет, когда по его приказу в 1937-38 гг. чекисты умертвили миллионы невинных людей, ему было уже 70 лет, когда он без суда расстрелял дюжину членов ЦК, своих ближайших помощников. Теперь он решил взяться за остальных.

Сумасбродные действия, как говорит Хрущев? Ничуть не бывало.

Целеустремленные и целеоправданные действия с гениальным чутьем предвидения. Если бы

Сталину удалось уничтожить Политбюро 1952 года, он, вероятно, жил бы подольше, а анти-сталинского XX съезда партии в истории вовсе не было бы.

К XIX съезду партии Сталин оказался в полной изоляции от остальных членов Политбюро по важнейшим вопросам международной и внутренней политики. Достаточно беглого анализа спорных вопросов, чтобы видеть глубину разногласий.

Так, Сталин просто проспал радикальную революцию в мировой политике и дипломатии в результате появления термоядерного оружия. Советские трубадуры Сталина как-то писали, что когда президент Трумэн на Потсдамской конференции сообщил Сталину эпохальную новость о том, что американцы изобрели беспрецедентное оружие — атомную бомбу, — то Сталин перевел разговор на тему о погоде. Но трагизм положения в том и заключался, что на Сталина эта бомба действительно не произвела должного впечатления.

Назначив Берия председателем советской атомной комиссии с заданием либо изобрести атомную бомбу усилиями советских ученых, либо украсть атомные секреты у Америки и Англии, Сталин, однако, не стал вести миролюбивую политику, хотя бы до тех пор, пока будет готова советская бомба. Наоборот, он искусственно, порою вызываясь, провоцировал крупные международные кризисы, один за другим: форсированная большевизация восточноевропейских госу-

дарств в нарушение всех союзнических договоров, попытка аннексии иранского Азербайджана, предъявление к Турции требования о военных базах в районе проливов, организация движения советских армян и грузин за возвращение Турцией армянских и грузинских земель, организация гражданской войны в Греции, требование о передаче Ливии Италией Советскому Союзу, берлинская блокада, корейская война, — все это Сталин делал, когда у него еще не было серийного производства атомных бомб.

Можно себе представить, на каком языке Сталин собирался разговаривать после того, как ведомство Берия наладит это производство!

Коренное разногласие между Сталиным и Политбюро возникло именно по вопросу о политике мира. Политбюро стояло на той же точке зрения, что и Запад: в эпоху термоядерного оружия результатом войны будет лишь самоубийство человечества. Поэтому Политбюро пересмотрело основное положение Ленина, гласившее: в эпоху империализма мировые войны абсолютно неизбежны, как неизбежна мировая коммунистическая революция на руинах этих войн. В Политбюро думали, что поскольку в атомную эпоху войны могут быть только атомными, а следовательно и не приводящими к революции, то от этого учения Ленина и основанной на нем международной политики Кремля надо отказаться.

Политбюро приводило и другие аргументы: образовавшаяся после второй мировой войны мировая социалистическая система и движение

широких масс за мир во всем мире способны предупредить новые войны. Это самое важное разногласие между Сталиным и Политбюро доказывается анализом партийных документов. В этой связи придется остановиться на полемической работе, выпущенной Сталиным и приуроченной им к XIX съезду партии: «Экономические проблемы социализма в СССР» (сентябрь 1952 г.).

Никакая другая работа Сталина после войны так много не цитировалась советологами, как «Экономические проблемы социализма в СССР», но только одна она так и осталась непонятой на Западе. Это вполне естественно. Западные исследователи читали только текст, но не читали и не поняли подтекста, поскольку не знали причин, вызвавших к жизни «Экономические проблемы».

Сталин здесь вовсе не занимался теорией, вовсе не был занят открытиями новых абстрактных законов марксизма в политэкономии, он спорил с другими ведущими руководителями ЦК по важнейшим вопросам дальнейшего развития внутренней и внешней политики СССР. Что Сталин спорит с ними, знали только эти руководители ЦК, но ни советский народ, ни партия, ни, тем более, западные исследователи этого не знали и знать не могли.

Это непонимание усугублялось еще и тем, что как раз те, против кого выступал Сталин, первыми объявили, на словах, «Экономические проблемы» «гениальным вкладом» Сталина в марксизм, чтобы на деле саботировать вытекающие из них практические выводы.

Обо всем этом мы узнали только после смерти Сталина. Сравнение требований Сталина в «Экономических проблемах» и практической политики ЦК после его смерти дает нам ключ, которым мы легко открываем все тайники спорных вопросов.

Разберем сначала установки партийных документов. Вот что записало сталинское Политбюро на XX съезде:

«Миллионы людей во всем мире спрашивают: неизбежна ли новая война, неужели человечеству, пережившему две кровопролитные мировые войны, предстоит пережить еще и третью? Имеется марксистско-ленинское положение, что, пока существует империализм, войны неизбежны... Но в настоящее время положение коренным образом изменилось. Фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами, чтобы не допустить развязывания войны империалистами» (XX съезд КПСС, стенографический отчет. 1956, т. 1, стр. 37-38).

А вот как возражал Сталин:

«Говорят, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, против новой мировой войны. Это неверно... Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм» (Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. 1952, стр. 36). Анонимами, с ко-

торыми Сталин спорил на XIX съезде («говорят»), как раз и были члены его Политбюро (это они так единодушно и доказали на следующем, XX-м, съезде партии).

«Мирное сосуществование» — это кодовое определение для ленинской стратегии: разгромить капитализм не военной силой Советской России, что вообще невозможно, а взорвать его изнутри инфильтрацией идей, людей и организацией перманентных революционных диверсий. Поэтому в «Программе КПСС» (1961 г.) и записано, что мирное сосуществование «является специфической формой классовой борьбы». Надо отдать должное наследникам Сталина, что в этом споре, изменяя букве ленинизма, они остались верными его духу, что нельзя было сказать о самом Сталине.

Хотя Ленин писал о неизбежности войн в эпоху империализма, который представлялся ему последней стадией «загнивающего, умирающего капитализма», в нем всё-таки хорошо было развито чувство реальности. Поэтому Ленин делал оговорку, которая сводила на нет только что им выставленный тезис, а именно: капитализм и в эпоху империализма развивается быстрее, чем до нее.

Сталин считает, что после второй мировой войны это утверждение недействительно. Он пишет:

«Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года о том, что несмотря на загнивание капитализма, «в це-

лом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», — все еще остается в силе? Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со второй мировой войной, (этот) тезис нужно считать утратившим силу» (там же, стр. 32).

Выходило, что западная экономика и техника не способны дальше развиваться, капитализм теперь уж окончательно загнил. Отсюда логический вывод: пришло время справлять отходную по мировому капитализму! Разумеется, реалисты из Политбюро считали это опаснейшей иллюзией.

В той же работе Сталин спорил с Политбюро не только по внешнеполитическим, но и по внутриэкономическим вопросам. Он пишет:

«Цель капиталистического производства — извлечение прибылей... Цель социалистического производства *не прибыль*, а человек с его потребностями» (там же, стр. 77).

В результате такой «заботы» Сталина о человеке более 50% советских предприятий работало нерентабельно. Хрущев старался выйти из этого положения чистейшим «волюнтаризмом» и сорвался. Более прагматичные Косыгин и Брежнев прямо записали в решении сентябрьского пленума ЦК (1965 г.):

«Улучшить использование таких важнейших экономических рычагов, как *прибыль*, цена, премия, кредит» (КПСС в резолюциях. 1972, т. 8, стр. 519).

Большинство в Политбюро полагало, что всю

технику машинно-тракторных станций (МТС) надо передать колхозам, а Сталин писал:

кто «предлагает продажу МТС в собственность колхозам, пытается повернуть назад колесо истории... (это) привело бы не к приближению к коммунизму, а, наоборот, к удалению от него» («Экономические проблемы», стр.91).

Послесталинское руководство ликвидировало МТС и передало их технику колхозам.

Сталин писал:

«Какие мероприятия необходимы для того, чтобы поднять колхозную собственность, которая является, конечно, не общенародной собственностью, до уровня общенародной собственности? Некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной собственностью... Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо» (там же, стр.87).

Ровно через год после того, как Сталин это написал, и через шесть месяцев после его смерти, состоялся сентябрьский пленум ЦК (1953 г.), заложивший основу национализации колхозов, а руководство Брежнева форсировало эту национализацию, превратив значительную часть колхозов в совхозы, которые и считаются «общенародной» собственностью. Да и сохранившиеся колхозы де-факто превращены в государственную собственность решением мартовского пленума ЦК и, особенно, неопубликованным майским решением ЦК (1965 г.).

Сталин писал:

«Товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму... Излишки колхозного производства поступают на рынок и включаются таким образом в систему товарного обращения... Нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть» (там же, стр. 92-93).

Хрущевское руководство и, особенно последовательно и поэтому более эффективно, брежневское руководство доказали, что «суть» как раз в совершенно противоположном: в развертывании и использовании товарных отношений и других капиталистических категорий (прибыль, цена, ренты, премии) как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Более того. Советская социалистическая экономика постепенно начала включаться и в орбиту мирового товарного обращения, в СССР стали приглашать капиталистов, чтобы они своими кредитами, техникой и технологией помогали строить «коммунизм».

Сталин может сколько угодно переворачиваться в гробу, но СССР от новой политики только выигрывает. И в этом отношении ученики Сталина более ленинцы, чем Сталин. Ведь это Ленин утверждал:

«Мало буржуазию побеждать, надо ее заставить на нас работать... Управлять хозяйством

мы можем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками» (Одиннадцатый съезд РКП(б), стенографический отчет. 1961, стр. 31).

Новые руководители Кремля так и поступают.

Мы остановились лишь на тех спорных вопросах между Сталиным и Политбюро, которые легко прослеживаются по партийным документам. Однако были и разногласия, только глухо выходившие наружу.

Во внутренней политике таким было требование Сталина о новой «Великой чистке» в партии, армии и государственном аппарате и продолжение, по примеру Грузии, массовой чистки от «буржуазных националистов» во всех союзных и автономных республиках. После Грузии была очередь Украины. (В начале июня 1952 года на пленуме ЦК Украины главным вопросом обсуждения и был украинский «буржуазный национализм».)

Главные же разногласия между Сталиным и Политбюро в международной политике касались новой доктрины, впервые официально сформулированной на будущем, XX съезде — об упомянутом «мирном сосуществовании» в духе Ленина. Ученики и соратники Сталина считали, что «мирное сосуществование» социализма и капитализма есть, по Ленину, «генеральная линия» советской внешней политики. Сталин отвечал, что лозунг «сосуществования», собственно, выдумали идеологи американского империализма для

маскировки подготовки третьей мировой войны против социалистического лагеря.

Сталин на самом деле, в полном согласии с Лениным, думал, что «генеральная линия» советской внешней политики — это курс на мировую пролетарскую революцию, а что касается «существования», то Ленин даже не знал этого слова.

Очень отрицательную, даже вредную для СССР роль сыграла и другая установка Сталина: он ошибочно считал, что после второй мировой войны фактически никакого освобождения колониальных народов не произошло, сменилась только форма колониализма, и все эти Неру и Сукарно — наемные сатрапы западных империй.

Соратники и ученики Сталина полагали, что такая установка мешает Советскому Союзу войти в тыл освобождающихся колоний, привлечь их в русло советского влияния и противопоставить их бывшим метрополиям. Ученики Сталина справедливо видели здесь великое будущее советской глобальной политики экспансии, широкий выход СССР на другие континенты, мировые моря и океаны.

Ученики Сталина, действуя в духе Сталина его лучших былых времен, считали нужным и возможным материально участвовать и в создании в бывших колониях особых форм правления и социального общежития нового типа.

Теперь вернемся к XIX съезду и рассмотрим некоторые сухие факты, чаще протокольные, но иногда касающиеся и существа дела.

Один такой важнейший факт мы уже отметили — открытие съезда одним «шпионом» (Молотовым) и закрытие его другим «шпионом» (Ворошиловым).

Второй сюрприз: в нарушение всей сталинской традиции, в президиум съезда не избрали трех членов Политбюро: Микояна (два сына, генералы, сидят в тюрьме), Андреева (жена-еврейка — в тюрьме) и Косыгина (был замешан в дело ждановцев).

И еще один сюрприз: в перечислении рангового места членов Политбюро Берия, который до «Мингрельского дела» твердо занимал третье место после Молотова и Маленкова, очутился теперь на пятом месте (даже после Булганина). Так сообщает протокол утреннего заседания съезда от 6 октября. Чтобы партия не приняла это за недоразумение, протокол вечернего заседания съезда вновь повторяет ту же «иерархию культов».

Но Берия взял реванш. Он выступил на съезде с самой большой речью. И она была не только большая, а острая по стилю, высококвалифицированная политически и убедительная для слуха и ума партийных ортодоксов. Она была и единственной речью, на которой лежал отпечаток личности оратора.

Конечно, речь Берия, как и других ораторов, — это панегирик Сталину. Но его панегирик целевой: апеллируя к величию Сталина, изливаясь в верноподданнических чувствах, Берия тонко

протаскивает по существу антисталинскую ересь — ставит партию впереди Сталина:

«Вдохновителем и организатором великих побед советского народа (в войне. — А.А.) *была коммунистическая партия*, руководимая Сталиным» («Правда», 9 октября 1952 г.) До сих пор во всех газетах, журналах и книгах можно было прочесть, что «вдохновителем и организатором» был сам Сталин, а потом, где-то на задворках, что-то делала и партия.

Берия дал понять, что не оговорился, он кончил речь опять ссылкой на партию: «Народы нашей страны могут быть уверены в том, что коммунистическая партия, вооруженная теорией марксизма-ленинизма...» и в конце фразы: «под руководством т. Сталина».

Другая ересь была вызывающей. Берия не ко времени, а потому и очень смело, напомнил партии приоритеты ее национальной политики: есть разные опасности отклонения от национальной политики партии и они следуют в таком порядке — на первом месте стоит опасность «великодержавного шовинизма» (значит, русского шовинизма), на втором месте — опасность «буржуазного национализма» (значит, опасность местного национализма) и на третьем месте — опасность «интернационального космополитизма» (значит, «сионизм» и прочие «измы»).

Можно смело предположить, что кроме Сталина и членов Политбюро никто на съезде не знал, что здесь Берия прямо спорит со Сталиным, считавшим «буржуазный национализм»,

«сионизм» и «космополитизм» главной опасностью для СССР, а русского великодержавного шовинизма не признававшим вообще.

Интересна и другая деталь: больше половины речи Берия посвятил национальной политике и национальным республикам СССР, но ни словом не обмолвился о Грузии и грузинских «буржуазных националистах», а ведь для его земляков, мингрельцев, не хватило мест в тюрьмах Тбилиси, Сухуми и Батуми... Защищать их Берия не мог, но он и не осудил их, как того требовала нынешняя кампания Сталина против «буржуазного национализма».

Полным невежеством съезда в делах на верхах партии надо объяснить и то, что Берия сошел с трибуны как триумфатор. Протокол последнего заседания съезда («Правда», 15 октября 1952 г.) передвинул Берия с пятого места на его прежнее, третье, место!

Зато Сталин во время выборов в новый ЦК вычеркнул из списка учеников Берия — довоенных членов ЦК Меркулова и Деканозова (оба расстреляны вместе с Берия) и кандидата в члены ЦК М. М. Гвишиани.

Следует отметить еще один сюрприз: новый антибериевский ЦК компартии Грузии торжественно внес предложение:

«Первый параграф Устава начать словами: «Созданная вождями пролетарской революции Лениным и Сталиным, Коммунистическая партия Советского Союза»... и дальше по тексту,

как у ЦК («Правда», 15 октября 1952 г., речь секретаря ЦК Грузии Цховребашвили).

Политбюро отвергло это предложение. Допустить, что его отвергли по инициативе Сталина — значит быть очень высокого мнения о скромности Сталина, того Сталина, который сам называл коммунистическую партию Советского Союза «партией Ленина-Сталина» (см. «О Великой Отечественной войне», стр. 17), а в книжку своей биографии собственноручно вписал, по Хрущеву, слова: «Сталинский гений»! Нет, скромностью Сталин определенно не страдал.

Глава IX

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА

Понять Сталина можно только постаравшись проникнуть в его политико-психологический мир и его глазами глядя на положение и перспективы развития СССР. Тогда мы увидим в действиях советского диктатора не манию преследования, не причуды и капризы старика, а железную логику основателя *данной* системы, его обоснованный страх за ее интегральность, его глубочайшую озабоченность беспечностью его учеников и соратников, его мрачные думы о завтрашнем дне. На XX съезде цитировались слова Сталина, обращенные к его ученикам и полные тревоги за будущее СССР: «Вы слепы, как новорожденные котята; что будет без меня?»

Сталин был идеален для господства над закрытым обществом — закрытым внутри, закрытым вовне. Жизнеспособность и долголетие такого общества зависели от систематической регенерации ячеек власти сверху донизу — от постоянного вычищения отработанных кадров, от постоянного возобновления армии бюрократов. Порядок Сталина не допускал ни свободной игры сил на верхах, ни гражданской инициативы в обществе, даже самой верноподданнической.

«Генеральная линия партии» была сильна своей ясностью, неуязвимостью, повелительностью. В ее лексиконе не было слова «думать», а было всем понятное и принятое слово: «действовать»! «Думать» — это прерогатива одного Сталина, «действовать» — это задача всей партии. Поэтому и «порядок» был идеальным и управлять было легко. Война внесла в «генеральную линию» дисгармонию. Люди, прошедшие через войну, от Волги к Эльбе, стали другими.

В глубине души Сталин был согласен с западными остряками: «Сталин в войну сделал только две ошибки: показал Ивану Европу и Европе Ивана». Эти Иваны притащили домой бациллы свободы и социальной справедливости: «в Германии скот живет лучше, чем у нас люди», «у американского солдата шоколада больше, чем у нашего картошки», «на Западе президенты и министры — обыкновенные грешники, а у нас богинедотроги». Надо вернуть этот «расфилософствовавшийся», больной народ в первобытное довоенное состояние: нужен антибиотик, нужно и новое, полезное кровопускание. Чем раньше это сделать, тем быстрее он выздоровеет. «Кровь на руках врача надо отличать от крови на руках палача», — говорил еще царский министр Столыпин. То же думает и Сталин.

Этого никак не хотят понять верхи партии. Они даже не прочь начать диалог с Западом («существование»!), не прочь искать его помощи в решении внутриэкономических (колебания — принять или не принять «план Маршалла») и внеш-

неторговых проблем СССР (предложения о «хозяйственно-технической кооперации»), а для этого готовы посягнуть на святое святых — монополию внешней торговли — и немножко приоткрыть «железный занавес» для циркуляции бизнеса. Но это ведь начало конца «генеральной линии». По каналам бизнеса двинутся в СССР тысячи, миллионы новых бацилл Запада. Их принесут не только западные Джоны и Жаны, но и циркулирующие между СССР и Западом русские Иваны: инженеры, хозяйственники, коммерсанты, туристы, студенты, спортсмены... «Железный занавес» станет дырявым и начнется другой диалог: диалог между народом и правительством, поощряемый и подстрекаемый Западом. Случится небывалое и непоправимое: народ начнет интересоваться своим прошлым и философствовать о будущем. Появятся новые Радищевы, Белинские, Герцены. Русь духовно придет в движение, а за нею и антирусские окраины, за ними и страны-сателлиты. Вот такая перспектива рисовалась Сталину, если не вернуться к старой, испытанной «генеральной линии».

Прогноз был правильный, но предупредить такое развитие дел Сталин мог бы в возрасте сорока-пятидесяти лет, а ему было уже за 70; другого Сталина в Политбюро не было, да такие и рождаются раз в сотни лет. Дряхлость Сталина совпала с дряхлостью режима. Этому режиму можно было продлить жизнь не хирургией (он не выдержал бы никакой серьезной операции), а терапией. На языке политики это означало: медлен-

ный «спуск на тормозах», в поисках «сосуществования» как со своим народом, так и с внешним миром. Сталин был полон решимости ни в коем случае не допустить этого, ошибочно полагая, что его ученики неспособны пойти против его воли. Но первый организационный пленум ЦК, избранный на XIX съезде, доказал обратное.

По неписаной партийной традиции, организационный пленум нового ЦК происходит еще во время работы съезда и результаты (выборы Политбюро, Секретариата и генсека) докладываются последнему заседанию съезда. Этот закон впервые был нарушен. Пленум нового ЦК происходит через два дня после закрытия XIX съезда, а именно — 16 октября 1952 года. При внимательном наблюдении можно было заметить, что этот необычный прецедент был связан с трудностями создания исполнительных органов ЦК. Впоследствии стало известно, что Сталин, демонстративно игнорировавший рабочие заседания XIX съезда (из восемнадцати заседаний он посетил только два — первое и последнее, оставаясь на них по несколько минут), был исключительно активен на пленуме ЦК. Сталин разработал новую схему организации ЦК и его исполнительных органов. Он предложил XIX съезду вдвое увеличить членский и кандидатский состав ЦК: было избрано 125 членов и 111 кандидатов в члены ЦК. Теперь пленуму ЦК он предложил, как бы соблюдая симметрию, избрать в членский состав Президиума (Политбюро) — 25 человек, а в кандидатский состав — 11. Но дело было

не в процентной норме и не в желании симметрии — Сталин смешивал своих «нечестивых» адептов из старого Политбюро со рвущимися наверх «целинниками» из областных вотчин партии. На расстоянии загипнотизированные «гением отца» и святостью его воли, партийные целинники должны были явиться орудием уничтожения «нечестивых». Знали ли они о предназначенной им роли — значения не имеет. Важно другое — старые члены Политбюро знали, что такова цель Сталина. Тогда же приняли они и меры, чтобы сорвать этот план. Какие меры, мы увидим дальше, здесь лишь приведем заявление, которое ЦК устами Хрущева сделал XX съезду:

«Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро. Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми».

А вот зачем нужно было расширить состав Политбюро (Президиума):

«Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина. Можно предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро»... (Н.С.Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 58).

Это сообщение имеет решающее значение для раскрытия внутренних мотивов поведения старых

членов Политбюро, как компактной группы внутри нового Президиума, когда каждый из них убедился, вслед за Берия и Маленковым, что Сталин переносит дебаты в другую плоскость — «быть или не быть». Если «быть» Сталину, тогда «не быть» им, не только политически, но и физически. Неумолимая логика Сталина в таких ситуациях не знала полумер.

Как остановить Сталина?

Этот вопрос старые члены Политбюро пока еще не ставят. Но Сталин настойчиво толкает их к этому своими действиями.

В прежнем Политбюро, кроме Сталина, было десять членов. Во время выборов нового Президиума ЦК Сталин дал отвод шести членам из десяти. Причем дал отвод даже и тем, кто скорее был готов добровольно подставить свои затылки под пули чекистов, чем поднять руку на Сталина, — Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Андрееву. О поведении двух других, тоже отведенных Сталиным, — Микояна и Косыгина, — конечно, нельзя говорить столь же уверенно.

Чем же Сталин мотивировал свой отвод столь преданным и заслуженным соратникам?

Немало лет пройдет, пока историки найдут доступ к архивам ЦК того времени и ответят на этот вопрос. Всегда словоохотливый Хрущев, к сожалению, мотивы Сталина обошел молчанием. Он ограничился следующим сообщением:

«Вследствие необычайной подозрительности Сталина, у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским

агентом... В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая подслушивать, что там говорилось. Своим единоличным решением Сталин отстранил от работы в Политбюро еще одного человека — Андрея Андреевича Андреева. Это было одним из самых необузданных проявлений произвола. Вспомним о первом пленуме ЦК после XIX съезда партии, когда в своем выступлении Сталин, охарактеризовав Вячеслава Михайловича Молотова и Анастаса Ивановича Микояна, высказал мысль, что эти два старых работника нашей партии повинны в каких-то совершенно не доказанных проступках. Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде» (там же, стр.54).

После только что проведенного процесса «сионистских шпионов» Америки во главе с Лозовским и Молотовой, Сталину всюду мерещились сионистские заговорщики. Таким заговорщиком в его глазах был каждый еврей, независимо от того, коммунист он или нет, более того — им был и каждый русский коммунистический лидер, если он женат на еврейке. Свои «генеалогические таблицы» Сталин расширял до вторых и третьих колен в родословии коммунистов, выискивая у них еврейских бабушек, дедушек или внуков. Так, у Хрущева нашли внучку от еврейской матери, у Берия — мать, якобы грузинскую еврейку, у Маленкова дочь замужем за евреем.

Когда Сталин, напоминая пленуму ЦК «Ленинградское дело», «Сионистское дело», «Грузинское дело», стал разбирать членов Политбюро по косточкам, копаясь в их исторических, политических и генеалогических грехах, то выяснилось: из 11 членов Политбюро пять оказались еврейскими родственниками (Молотов, Маленков, Ворошилов, Хрущев, Андреев), один — евреем (Каганович), один — «полуевреем» (Берия), два — причастными к «Ленинградской мафии» (Косыгин и Микоян; сын последнего был женат на дочери главы «мафии» Кузнецова), только один человек оказался чистым — безвредный и бесцветный Булганин.

Во время атак Сталина против его соратников еще никто из них не знал, какой новый подвох готовится тому, о ком, кажется, он ничего не сказал на пленуме: Берия.

На XIX съезде Берия, как мы видели, реабилитировал себя за «Грузинское дело», но — только перед съездом, что отнюдь не означало — перед Сталиным.

В Праге и Варшаве готовились два политических процесса над коммунистическими лидерами этих стран, которых спас лично Берия во время конфликта с Тито, а также процесс «титовцев» в Болгарии и Венгрии, тоже до сих пор пользовавшихся поддержкой Берия. Эти спасенные Берия лидеры теперь оказались «сионистами»: генеральный секретарь ЦК компартии Чехословакии Сланский (еврей) и генеральный секретарь ЦК компартии Польши Гомулка (женат на еврей-

ке). Таким образом, круг большого международного заговора сионистов Америки, СССР и Восточной Европы против коммунизма замыкался (тут Сталин действовал точь-в-точь по рецепту Гитлера, только и говорившего о «заговоре мирового еврейства»).

Абсурдность концепции «еврейского заговора» и копания в генеалогии ярко выявляется в том, что у самого Сталина были еврейские родственники (внук, названный в его честь Иосифом).

Автор биографии Л. П. Берия посвятил этому подвоху Сталина против Берия следующие многозначительные строки: «Первой мишенью атаки против позиций Берия явилась Чехословакия. Все ключевые позиции власти Берия предоставил там своим союзникам... После убийства Массарика и смерти Бенеша Берия управлял этой высокоиндустриальной и цивилизованной страной через своих ставленников в чешской тайной полиции так, как это находил нужным в своих собственных интересах. Как только Игнатьев стал во главе госбезопасности, он ударил по бастиону Берия в Чехословакии. Вдруг прокатилась волна арестов, которая охватила чиновников советского аппарата в Праге, а также высокопоставленных чиновников тайной полиции Чехословакии, работавших под руководством Берия. Главными жертвами чистки оказались ставленники Берия. Чиновники были арестованы по обвинению в шпионаже, саботаже, диверсии и государственной измене, но так как они были людьми Берия, то обвинение против них косвенно наносило удары и

Берия. Однако одна поразительная черта характеризует всю эту акцию. Почти все арестованные высокие чины, во главе с их лидером Рудольфом Сланским (настоящая фамилия которого — Зальцман), — Бедрих Гелиндер, Рудольф Марголис, Андре Симоне, Артур Лондон и девять других протеже Берия — были евреями. Арестованных обвиняли также, что они «сионисты»... Новая чистка имела типично антисемитский привкус и была очевидно инсценирована Сталиным» (Th. Wittlin. *Commissar*. Macmillan Company, London, 1972, pp. 366-367).

Подозрения Сталина против Берия в Варшавском деле были еще серьезнее. Сведения о том, какую роль Сталин хотел приписать Берия, если удастся «Варшавское дело», исходят от самого Гомулки (Гомулка продиктовал одному своему близкому сотруднику документ типа «Khrushchev Remembers» — «Мои 14 лет». «Мои 14 лет» опубликованы в журнале «Kurier Polsko-Kanadyiski» № 47, 1973, стоящем близко к польскому посольству в Канаде).

С первых же дней после войны Польшей правили три человека — Берут, председатель ЦК Польской коммунистической партии (Гомулка называет его «питомцем НКВД»), член Политбюро и глава органов госбезопасности Якуб Берман (такой же «питомец НКВД») и первый секретарь ЦК Гомулка, во время войны возглавлявший борьбу польских коммунистов в тылу Польши против немцев. Первые два были личными ставленниками Берия, но Сталин, видимо, решил

дискредитировать Берута и Берия арестом и показаниями против них со стороны Бермана и Гомулки.

Какие же показания хотел иметь Сталин? Он хотел узнать только одно: Берия замышлял заговор против Сталина и втянул в это дело своих польских ставленников. Послушаем самого Гомулку:

«Берут очень опасался Бермана, полагая, что тот во время следствия или процесса может сказать о нем что-нибудь весьма компрометирующее. Так, будто бы *Берия в свое время замышлял заговор против Сталина*, и якобы Берут был втянут в это дело. Я не совсем уверен в этом, но мне это дело именно так излагали. Как бы там ни было, Берут очень оберегал Бермана, а одновременно и меня, ибо я должен был первым предстать перед судом. Так был составлен сценарий... Берут затягивал дело как только мог, прибегая даже к отправке в Москву ложных сведений. Например, он уверял, что я смертельно болен... Берут тянул так долго, как только мог, и в конце концов спасла положение смерть Сталина» (там же).

Всё это — и чешские допросы и варшавские «сценарии» — поступало к Берия, ибо допрашивали арестованных ставленников Берия другие его ставленники. Тут Сталин против своей воли попал в заколдованный круг. А что знал Берия, знал и Маленков, прочнейшим образом связавший с ним свою судьбу. Сталин не без тревоги наблюдал за их столь тесным сближением.

Оба наших свидетеля — Хрущев и Аллилуева — единодушны в подчеркивании спайки между Берия и Маленковым. Когда они демонстративно уединялись на каком-нибудь очередном банкете от остальных членов Политбюро. Сталин кивал головой в их сторону и говорил, согласно Хрущеву: два плута, два неразлучных мошенника!

Каждый из них знал, что если Сталин убьет одного, то обязательно убьет и другого. И спайка их была лучшим способом застраховать свою жизнь от Сталина. Эта спайка спасла жизнь и старым членам Политбюро. В этом они и убедились на последнем сталинском пленуме.

Тут мы подошли к самой загадочной проблеме: Сталин дал отвод, по крайней мере, шести членам старого Политбюро, так почему же важнейшие из них (Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович) были всё-таки избраны в члены нового Политбюро (Президиума)?

Сталин дал им отвод перед пленумом ЦК, состоявшим из 236 членов и кандидатов. Из них только 20-25 человек знали Сталина по-настоящему, а для остальных был он непогрешимым богом. Почему же эти остальные не согласились с отводом Сталина?

Установленная процедура выборов была такова: состав ЦК избирается по бюллетеням тайного голосования, их проверяет избранная съездом Счетная комиссия, протоколирует их и результаты докладывает съезду, бюллетени не уничтожа-

ют, а передают на хранение вместе с протоколами съезда в секретный архив ЦК.

Исполнительные органы ЦК: Политбюро, Секретариат, генеральный секретарь и председатель Комитета партийного контроля при ЦК избираются открытым голосованием, если нет требования Пленума провести и эти выборы тайным голосованием.

Вот во время этого открытого или тайного голосования пленум ЦК дезавуирует Сталина и демонстративно выбирает отведенных им людей в состав Президиума (Политбюро).

Что Сталин их отводил, известно из доклада ЦК на XX съезде, но что они всё-таки были избраны, — мы узнали из официального сообщения о пленуме ЦК («Правда», 16 октября 1952 г.). Это было первое историческое поражение Сталина в его партии. Как это могло случиться? Как Сталин реагировал?

Сталин не сдался. Он решил, выражаясь по шахматному, «ходом коня» сразу убрать с доски «старую гвардию» и таким образом выправить свое положение. Он обратился к Президиуму: поскольку Президиум ЦК очень громоздок (25 членов и 11 кандидатов), надо выбрать из его среды маленький орган для оперативной работы преимущественно из молодых, энергичных членов Президиума. Таким органом должно было быть Бюро Президиума, вообще уставом не предусмотренное.

Цель Сталина ясна — обойти Ворошилова, Молотова, Кагановича и Микояна. Но и это ему

удается только частично: избирается Бюро из девяти человек, в котором старые члены Политбюро составляют большинство: Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович против двух «молодых» — Первухина и Сабурова — и самого Сталина (Khrushchev Remembers, p. 299). Молотов и Микоян остались вне Бюро. Бюро и в этом составе, по Хрущеву, фактически не функционировало, а все дела решала «пятерка»: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. Таким образом, Сталин все-таки исключил Ворошилова и Кагановича.

Как же могло случиться, что Сталину не удалось легально избавиться от нежелательных лиц? Как мог пленум ЦК не пойти за своим «отцом и учителем»? Неужели члены пленума ЦК не знали, что Сталин физически уничтожил 70% состава пленума ЦК 1934 года за сопротивление предложению судить Бухарина и Рыкова?

Это они, конечно, знали. Но они знали и более важную вещь: ко времени съезда власть была уже не у Сталина, а у партийно-полицейского аппарата во главе с Маленковым и Берия. Теперь не Сталин контролировал аппарат, а аппарат контролировал его самого.

Сталин был бог, пока партийно-полицейский аппарат был в его руках, а теперь члены ЦК видели, что бог де-факто низвергнут.

Исчерпав все другие средства, Сталин, наконец, решил пойти ва-банк. Произошло событие, точно зафиксированное в доступных нам доку-

ментах, но остававшееся совершенно незамеченным в литературе о Сталине.

Сталин подал тому же пленуму ЦК заявление об освобождении его от должности генерального секретаря ЦК: во-первых, будучи убежден, что оно не будет принято, а во-вторых, чтобы проверить отношение к этому своих ближайших соратников и учеников.

Но произошло невероятное: пленум принял отставку Сталина!

Это было второе историческое поражение Сталина.

О том, что Сталин подал такое заявление, мы знаем из двух, друг от друга независимых источников: от Светланы Аллилуевой и от бывшего военно-морского министра СССР во время войны адмирала Н. Г. Кузнецова.

В книге «Двадцать писем к другу» Аллилуева пишет: «Наверное, в связи с болезнью он (Сталин. — А. А.) дважды после XIX съезда (октябрь 1952 г.) заявлял в ЦК о своем желании уйти в отставку. Этот факт хорошо известен составу ЦК, избранному на XIX съезде» (стр. 191).

Во второй своей книге «Только один год» она пишет на ту же тему: «По словам его бывшего переводчика В. Н. Павлова, избранного на XIX съезде в ЦК, отец в конце 1952 года дважды просил новый состав ЦК об отставке. Все хором ответили, что это невозможно... Ждал ли он иных ответов от этого стройного хора? Или подозревал кого-нибудь, кто выразит согласие его замес-

тить?.. Да и хотел ли он в самом деле отставки?» (стр. 340).

Мы дальше увидим, что Аллилуева ошибается, думая, что его отставка не была принята.

Об этом заявлении Сталина пишет и адмирал Кузнецов, добавляя, что ЦК принял его отставку только частично, но явно путая, в чем выразилось это «частично». Вот его слова:

«Официальную просьбу о частичном его (Сталина. — А. А.) освобождении я услышал позднее на пленуме ЦК КПСС после XIX съезда. Тогда Сталин был освобожден от поста министра обороны, но главные должности в ЦК и Совете министров все же решил оставить за собой («Нева», №5, 1965, стр. 161).

В одном Кузнецов ошибается, и даже грубо, ибо известно, что Сталин ушел с поста министра обороны еще в 1947 году, передав этот пост Булганину.

Как же было с отставкой? Мимо цензуры проскочили два документа, из которых явствует, что «частичное освобождение» Сталина выразилось в принятии его отставки с поста генсека с сохранением за ним должности одного из секретарей ЦК и председателя Совета министров.

Еще при первом послесталинском «коллективном руководстве» вышел «Энциклопедический словарь», где в биографии Сталина прямо и недвусмысленно написано следующее: «После XI съезда партии 3 апреля 1922 г. Пленум ЦК, по предложению В. И. Ленина, избрал Сталина Генеральным секретарем ЦК партии; на этом посту

Сталин работал *до октября 1952 г.*, а затем до конца своей жизни был *секретарем ЦК* («Энциклопедический словарь», изд. БСЭ, т. III, Москва, 1955, стр. 310).

То же повторено в справочном аппарате Полного собрания сочинений Ленина, вышедшем при втором, брежневском «коллективном руководстве». Там сказано: «Сталин. С 1922 по 1952 год — генеральный секретарь ЦК партии, затем секретарь ЦК» (Ленин, ПСС, т. 44, стр. 651).

Никакой случайной обмолвки тут нет. Эти документы не оставляют сомнения, что Сталин после октябрьского пленума ЦК 1952 года перестал быть генеральным секретарем, а был лишь одним из десяти его секретарей.

Кто же занял его место? Об этом нет никаких указаний ни в мемуарах современников, ни в официальных документах партии, однако секрета никакого не было — место Сталина в Секретариате ЦК занял, конечно, Маленков. Только теперь он назывался не «генеральный секретарь», а «первый секретарь» ЦК. Власть Сталина перешла к его ученикам теперь и юридически.

Конечно, Сталин остался лидером партии, при перечислении членов Президиума и Секретариата ЦК его имя названо первым, вне алфавита. Но теперь он такой первый, который всецело зависит от вторых. Сталин не был бы самим собою, если смирился бы с этим. Следующий кризис он спровоцирует, стараясь вернуть себе прежнюю неограниченную власть.

Глава X

РАЗГРОМ «ВНУТРЕННЕГО КАБИНЕТА»

Анализ последующих событий показывает, что новый министр госбезопасности С.Д.Игнатьев играл двойную роль: прилежно выполнял приказания Сталина и аккуратно сообщал их тем, против кого они были направлены, — Маленкову, Берия, Хрущеву. Это было не предательством, а своего рода самострахованием Игнатьева. Он знал, что никто из министров госбезопасности, уничтожавших людей по приказу Сталина, своей смертью не умер. После выполнения ими задания Сталин их также ликвидировал. Так погибли шефы советской тайной полиции, заслуженные чекисты Менжинский, Ягода, Ежов. Так сидит теперь Абакумов, на очереди стоит Берия, а после Берия Сталин ликвидирует и его, Игнатьева*.

* Таким образом Сталин не только скрывал собственные преступления, но еще и зарабатывал в глазах народа «моральный капитал». Вот, например, что он говорил о Ежове авиаконструктору А. Яковлеву:

«Однажды за ужином Сталин заговорил:

— Ежов — мерзавец! Погубил наши лучшие кадры. Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. По-сылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяным. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли» (А. Яковлев. Цель жизни. Москва, 1970, стр. 509).

О двойной игре Игнатъева, например, в «деле врачей» сообщил XX съезду Хрущев: «На этом съезде, — сказал Хрущев, — присутствует в качестве делегата бывший министр государственной безопасности товарищ Игнатьев. Сталин ему резко заявил: «Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 44).

Зная, что Сталин при всех условиях «укоротит его на голову», Игнатьев и стал вести двойную политику. Иначе его не было бы на съезде, которым руководило старое Политбюро во главе с Хрущевым, Булганиным, Маленковым. Он, собственно, оказался и единственным уцелевшим руководящим чекистом из сталинского окружения: его заместителя Рюмина расстреляли, расстреляли его предшественника министра госбезопасности Абакумова и всех его помощников, расстреляли предшественника Абакумова министра госбезопасности Меркулова и всех его помощников, расстреляли Берия и всех его помощников, ликвидировали министров внутренних дел и госбезопасности Круглова и Серова и всех их помощников, а вот Игнатьев остался жив (в 1974 году к своему 70-летию он даже получил орден).

Когда после смерти Сталина Берия объединил министерства госбезопасности и внутренних дел в одно МВД СССР и сам возглавил его, то Игнатьев получил лишь повышение — его сделали секретарем ЦК КПСС по госбезопасности!

Столь удивительной способностью самосохра-

нения, умением приспособляться к обстановке и обходить подводные рифы, да еще играть с таким огнем, как Сталин, мог обладать лишь исключительно талантливый партаппаратчик. Им и оказался Игнатъев. Более четверти века он работал внутри партаппарата на всех уровнях: в области (Башкирия), в республиках (Узбекистан и Белоруссия), в центре (ЦК КПСС). Он был более предан аппарату, чем лицам, даже таким, как Сталин. Он был не оппортунистом, а фанатиком аппарата. В этом, вероятно, и секрет его спасения.

Естественно, что и в Министерстве госбезопасности он ощущал себя не профессиональным чекистом, а резидентом партаппарата, его посланником и исполнителем его воли. Если интересы тайной полиции приходили в столкновение с интересами партаппарата, то люди типа Игнатъева становились на сторону партии, а партию олицетворял собою партаппарат. Однако личная диктатура Сталина требовала, чтобы не партия контролировала полицию, а, наоборот, полиция контролировала партию. И теперь, когда Сталин задумал новую чистку и против партии, и против полиции, он невольно спровоцировал единение старых полицейских кадров со старыми партаппаратчиками, в результате чего ему и подсунули министром безопасности Игнатъева. Сталин принял нового главу полиции в уверенности, что он его перекует по своему «образу и подобию». И ошибся. Игнатъев оказался истинным сталинцем: двурушником. В силу этого Игна-

твев был идеальным орудием на идеальном месте для организации заговора против Сталина.

Теперь наше изложение вступает в область, где наряду с официальными данными, важную роль играют и доказательства косвенные.

По Хрущеву (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 305), «врачи-заговорщики» были под арестом еще со времени XIX съезда (октябрь 1952 г.); «сценарий» по делу Гомулки тоже уже был известен. В ноябре того же года судили ставленников Берия в Чехословакии (процесс Сланского); интенсивно шли допросы бериевцев в Тбилиси.

Первые же сообщения Игнатьева о ходе допросов врачей показали, что замыслы Сталина направлены не только против Берия и его чекистов, но и против всего Политбюро.

Комментатор хрущевских воспоминаний Эдвард Кренкшоу совершенно правильно пишет, что «последняя чистка Сталина была направлена против его ближайших коллег, в первую очередь против Берия (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 301).

Всё это и привело к решению Берия предложить Сталину, чтобы он подал в отставку со всех своих постов.

На путях к предъявлению, а тем более к осуществлению такого решения, однако, были очень серьезные препятствия, без преодоления которых Сталин был неуязвим. Это его «Внутренний кабинет» во главе с генералом Поскребышевым, его личная охрана во главе с генералом Вла-

сиком, комендатура Кремля во главе с генералом Косынкиным.

Берия отлично понимал, что Сталина можно превратить в политический труп только через физические трупы этих преданных ему служаков.

Были еще две проблемы: во-первых, где предложить Сталину отставку — в Кремле, на его даче под Москвой или на его даче на Черноморском побережье (как это потом сделали с Хрущевым); во-вторых, кого из членов Президиума ЦК можно включить в «делегацию» к Сталину.

Известно было, кто не пойдет к Сталину с таким требованием: Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, — не пойдут из-за своих былых личных связей или из-за трусости. Новые члены Президиума вообще отпадают — велика была опасность, что кто-нибудь из них выдаст весь план. Остаются те, кого Хрущев называет правительствующим «внутренним кругом» нового Бюро, куда, кроме Сталина, входили только члены негласной «четверки»: Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, плюс ставленник этой «четверки» — Игнатъев. По иронии судьбы, только их Сталин и пускал к себе.

Данные Хрущева подтверждаются и воспоминаниями Аллилуевой: «В самое последнее время обычными лицами (у Сталина — на даче. — А. А.) были: Берия, Маленков, Булганин, Микоян. Появлялся и Хрущев. С 1949 года, после ареста его жены, Молотов был фактически не у дел, и даже в дни болезни отца его не позвали» (Двадцать писем к другу, стр. 192).

Местом, наиболее безопасным для предъявления Сталину требования об отставке, конечно, было далекое от Москвы черноморское побережье Грузии. Однако после создания «Мингрельского дела» Сталин побаивался своих земляков и перестал ездить туда на отдых. Аллилуева сообщает: «Последнее время он жил особенно уединенно; поездка на юг осенью 1951 года была последней» (там же, стр. 190). Так отпал юг. Оставались Кремль и дача под Москвой. Кремль импонировал с легальной стороны — как резиденция государства и партии. Все легальные акты должны исходить отсюда. Но если Сталин отказался бы принять требование об отставке, то одним нажатием кнопки он поднял бы тревогу не только в Кремле, но и в Москве, да и по всей стране: коммуникация здесь была идеальная. Поэтому отпадал и Кремль. Оставалось Кунцево, дача Сталина под Москвой.

Кунцево тоже было опасно, но только до тех пор, пока безотказно действовал «Внутренний кабинет» Сталина. Лишите Сталина этого «кабинета» и тогда он в ваших руках, — таков и был план Берия. Надо было убрать от Сталина его личного врача, начальника его личной охраны, начальника его личного кабинета, его представителя в Кремле — коменданта Кремля. Их можно было убрать только руками самого Сталина. Здесь Берия был в своей стихии.

У нас нет никаких прямых свидетельств, но нет и сомнений, что именно Берия организовал пропажу секретных документов Сталина из бюро

Поскребышева, о которой рассказывает Хрущев (Khrushchev Remembers, vol. I, pp. 292-293). Вероятно, Берия сумел утащить у Поскребышева что-то более секретное, чем экономические рукописи Сталина, о которых говорит Хрущев. Иначе не было бы понятно заявление Сталина:

«Я уличил Поскребышева в утере секретного материала. Никто другой не мог это сделать. Утечка *секретных документов* шла через Поскребышева. Он выдал секреты» (там же, стр. 292). Сталин немедленно снял Поскребышева, но расстрелять не успел.

Куда легче было направить гнев Сталина против генерала Власика. Как профессиональный чекист, он был целиком в руках Берия, благодаря которому и удержался у Сталина столько лет. Но его, вероятно, никак нельзя было использовать против Сталина, зато оказалось возможным спровоцировать Сталина на его арест, что Берия и сделал. Аллилуева пишет:

«Надо сказать, что в это самое последнее время даже давнишние приближенные отца были в опале: неизменный Власик сел в тюрьму зимой 1952 года и тогда же был отстранен его личный секретарь Поскребышев, служивший ему около 20 лет» (Двадцать писем к другу, стр. 192).

«Зимой 1952 года» — это значит в декабре 1952 года, так как в октябре 1952 года Поскребышев выступал на XIX съезде партии и там был избран членом ЦК. Добавим тут же: освобожденные Поскребышевым, Власиком и их помо-

щниками места заняли люди, выдвинутые туда через Игнатьева «внутренним кругом» — «четверкой».

Есть серьезные основания предполагать, что личный врач Сталина Виноградов и начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Егоров тоже были арестованы по плану Берия. По тому же плану, вероятно, был снят и министр здравоохранения СССР Смирнов, имевший доступ к Сталину (на его место назначили никому не известного в партии, но хорошо известного Берия врача Третьякова).

Один из деятелей Коминтерна, Франц Боркенау, по свежим следам ареста кремлевских врачей высказал догадку: арест личных врачей Сталина означает заговор против него его соратников во главе с Маленковым — они хотят приставить к Сталину своих врачей, чтобы решить его судьбу (см. «Rheinischer Merkur», 23 января 1953 г.).

Сегодня уже определенно можно утверждать, что врачи из группы академика Виноградова (лейб-врача Сталина) были арестованы по доносу сексотки Берия врача Тимашук, но Сталин обратил эти аресты против самого Берия, объявив врачей «давнишними английскими шпионами» (как и Берия!) по доносу маршала Конева (Khushchev Remembers, vol. II, p. 305).

О реакции Сталина на арест врачей рассказывала его экономка Валентина Васильевна. Так, сразу же после ареста личных врачей Сталина о них заговорили у Сталина за обеденным столом

в присутствии Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина. Аллилуева пишет:

«Дело врачей» происходило в последнюю зиму его жизни. Валентина Васильевна рассказывала мне позже, что отец был очень огорчен оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом, во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Отец говорил, что не верит в их «нечестность», что этого не может быть, — ведь «доказательством» служили доносы доктора Тимашук, — все присутствующие, как обычно в таких случаях, молчали...» (Двадцать писем к другу, стр. 192).

Аллилуева думает, что Валентина Васильевна пристрастна и защищает ее отца, но добавляет: «И все-таки надо слушать, что она рассказывает и извлекать из этих рассказов какие-то здравые крупички, так как она была в доме отца последние 18 лет, а я у него бывала редко» (там же).

Допускал ли сам Сталин заговор против себя со стороны Берия?

Не только допускал, но и очень опасался его как раз после войны. Вот рассказ Хрущева: «После войны Берия стал членом Политбюро и Сталин начал тревожиться о его растущем влиянии. Более того. Сталин начал бояться его. Я тогда не знал, какие причины для этого, но позднее, когда была раскрыта вся машина Берия по уничтожению людей, все стало ясно. Практические средства по достижению целей Сталина находились в руках Берия. Сталин осознал, что если Берия способен уничтожить любого человека, на

которого он укажет ему пальцем, то он, Берия, может уничтожить и любого другого по собственному выбору. Сталин боялся, что он окажется таким первым лицом, которого выберет сам Берия» (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 335).

Все известные нам из истории тираны были мнительны, трусливы, вечно воображали себя в опасности, сами разрабатывали сложнейшие правила обеспечения своей личной безопасности, выкидывали разные трюки, чтобы проверить преданность окружающих. То, что люди называют «манией преследования», на самом деле было их вернейшим превентивным оружием против возможных заговорщиков. Сталин превзошел и в этом отношении всех своих предшественников.

Прежде всего он лишил потенциальных заговорщиков их излюбленного времени расправы с тиранами — ночи. Сталин был единственный в истории тиран, который ночью не спал, а работал или веселился в компании соратников у себя на даче. Ложился спать в 4-5 часов утра, а вставал в 11-12 часов дня. Вся гигантская партийная и государственная машина страны тоже приспособилась к этому режиму работы.

Сталин был и единственным правителем, не жившим в отведенной ему официальной резиденции — в Кремле. Вся страна думала, что Сталин живет в той трехкомнатной квартире в здании бывшего Сената в Кремле, которую описал Анри Барбюс, а на самом деле он жил в изолированной от внешнего мира, запрятанной в лесу, обнесенной высоким забором крепости под Мос-

квой, которая называлась «Ближней дачей» при Кунцеве.

Да, ни один тиран в истории так надежно не охранялся, как Сталин при Поскребышеве и Вла-сике, и ни одна свита не была так предана своему владыке, как сталинская (поэтому-то у него ма-лограмотные повара делались генералами, а лич-ные охранники в конце концов становились мини-страми — Абакумов, Меркулов, Круглов).

Порядок посещения Сталина не только мини-страми, но и членами Политбюро был просто оскорбительным — каждый, кто шел к Сталину, независимо от чина и ранга, должен был подвер-гаться обыску в его личной охране.

Начальник штаба войск Варшавского пакта С.М.Штеменко вспоминает: «В Кремль въезжа-ли всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квар-тира и рабочий кабинет И.В.Сталина. Через ка-бинет Поскребышева входили в небольшое поме-щение личной охраны (Сталина) и, наконец, по-падали к нему самому» (С. М. Штеменко. Ген-штаб в годы войны. Москва, Военное издатель-ство, 1968, стр. 117).

Насколько строгой была личная охрана Стали-на, показывает, например, случай, бывший с Молотовым. Однажды, возвращаясь из важной поездки в Лондон, Молотов прямо с аэродрома направился с докладом к Сталину в Кремль. Охрана нашла в кармане Молотова пистолет и не очень вежливо вытащила его оттуда. Моло-

тов пожаловался Сталину, но Сталин поддержал свою охрану (Victor Alexandrov. Kremlin. London, 1963, p. 322).

Таким же строгим был порядок охраны и дачи-крепости Сталина. Один советский писатель описал посещение дачи Сталина самим Хрущевым (Хрущев у него выведен под фамилией Заградин):

«На северо-запад от Москвы... за окраиной, по левой стороне раскинулся густой массив молодого леса. Он поднимается на вершины невысоких взгорий, спускается в ложбины, волнистыми грядами тянется до самого Кунцева. С дороги в зеленую поросль уходит ровное асфальтированное шоссе. Оно было почти всегда пустынно. Непреклонные желто-красные дорожные знаки запрещали въезжать сюда кому бы то ни было. Это Волынское. Здесь, среди леса, за глухим высоким забором прятался двухэтажный зеленый дом — дача Сталина. В один из поздних февральских вечеров мчалась черная машина, в которой ехал Заградин. Полчаса назад ему позвонили в гостиницу и сказали, чтобы он никуда не отлучался. Затем в номер явились двое молодых людей. Заградин и прежде встречал их, хотя ни имен, ни фамилий их не знал.

— Готовы, товарищ секретарь? — спросил один из пришедших и оглядел Заградина быстрым, цепким взглядом... Скоро машина остановилась возле массивных ворот с маленьким смотровым окошком. Из калитки вышли двое офицеров. Карманным фонарем они осветили каби-

ну, лицо Заградина, долго читали его удостоверение. «Зим» двинулся в ворота, миновал еще один столь же высокий забор и облитый лунным светом узкий лесной коридор и резко повернул влево, взметнув за собою снежный вихрь. Пассажиров качнуло, один из сопровождающих сердито буркнул:

— Никак не привыкну к этому чертову повороту. И кому пришла мысль устроить здесь вираж?

Второй усмехнулся:

— Знал бы ты, чье это указание... — И тихо, доверительным тоном добавил: — Дача от самого въезда просматривалась. Куда это годится? Потому и поворот.

Машина остановилась у подъезда. Света в окнах не было видно, но это не смутило сопровождающих Заградина. Они знали, что сквозь тяжелые шторы свету не пробиться. У входа машину поджидали два офицера. Они тоже долго и тщательно проверяли документы и, наконец, открыли дверь вестибюля...

— Товарищ Сталин ждет вас в столовой. Следуйте за мною! — Приземистый краснолицый генерал указал на дверь рукой и ушел вперед... Прошли небольшой коридор, устланный дорожкой, и остановились возле высокой двухстворчатой двери. Заградин мягко ступал по ворсу ковра, ощущая незыблемую глухую тишину, наполнявшую этот дом. Ничто: ни звук постороннего голоса, ни порыв ветра, ни взрыв смеха

— не проникало сюда» (Н. Сизов. Трудные годы. «Октябрь», № 4, 1964, стр. 101-102).

Хрущев сообщает, что Берия участвовал в подборе «обслуги» и охраны Сталина. Было время, когда Берия окружил Сталина только грузинами. Сталин обратил на это внимание и обвинил Берия, что он верит только грузинам, тогда как русские ему, Сталину, не менее преданы. Берия пришлось заменить охрану. Однако влияние Берия и на новую охрану Сталина было велико. Хрущев замечает: «Берия и после изгнания грузин продолжал контролировать и дальше свиту Сталина. Берия так долго работа в Чека, что знал всех чекистов. Они все искали расположения Берия и *Берия было легко их использовать для своих целей*. Поэтому Сталин не мог верить даже своей русской свите, включая и лейб-охрану» (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 336).

Однако пока Поскребышев стоял во главе «Внутреннего кабинета», а Власик во главе охраны, Берия не так уж легко было бы использовать охрану Сталина «для своих целей». Но, поддавшись провокации, Сталин разгромил весь свой «Внутренний кабинет». Это был с его стороны самоубийственный акт.

Легко представить, какое важное значение придавала «четверка» тому, чтобы место Поскребышева занял человек, способный изолировать Сталина от внешнего мира и информации и сам не знающий, почему это надо делать (у заговорщиков было много таких невольных исполнителей). Временно должность Поскребышева занял

старший после него в «кабинете» — Владимир Наумович Чернуха, сибиряк, член партии с 1918 года, активный участник гражданской войны, вместе с которым Поскребышев и начал свою большевистскую карьеру в Уфе и которого он притащил в «Секретариат т. Сталина» в 1925 году. Чернуха был хотя и лояльным, но ограниченным аппаратчиком из породы «канцелярских крыс». Он явно не подходил к роли нового Поскребышева, а других около Сталина не было. Вероятно, поэтому Сталин решил искать себе нового помощника вне аппарата ЦК. От нового шефа «кабинета» Сталина требовались, кроме волевых качеств и преданности, всесторонние знания функционирования партийно-чекистской машины, военного порядка и основательная теоретическая подготовка. И такой человек очень скоро нашелся: первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Владимир Никифорович Малин. Это был кандидат с самыми высокими связями — его по прежней работе знали, по крайней мере, следующие члены Президиума ЦК КПСС: Андрианов, Пономаренко, Игнатъев, Маленков и Берия.

Малин был из числа тех маленковцев, которые пришли в аппарат партии в результате «Великой чистки». К началу войны Маленков его сделал секретарем ЦК Белоруссии, во время войны он был назначен сначала членом Военного Совета армии в ранге генерала, потом заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандо-

вания (начальником штаба был Пономаренко). Весьма вероятно, что в этой должности Малин соприкасался и со Сталиным во время очередных докладов о партизанских делах, но зато несомненно, что по роду своей службы Малин имел тесный контакт с Берия. После войны он вновь был назначен вместе с Пономаренко и будущим министром госбезопасности Игнатьевым одним из секретарей ЦК Белоруссии. Когда в 1948 году Пономаренко был назначен секретарем ЦК КПСС, Малин попросился на учебу в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК. Он окончил её в 1949 году досрочно, получив ученую степень кандидата наук. В том же году, когда начался разгром ждановцев, Маленков отправил в Ленинград своих самых проверенных людей: Андрианова — первым секретарем Ленинградского обкома, и Малина — первым секретарем Ленинградского горкома. Вот с этого поста в конце 1952 года Малин перебрался в кресло Поскребышева, разумеется, без его репутации грозного временщика, но достаточно властный, чтобы сыграть предназначенную ему роль — аккуратно докладывать Маленкову каждое распоряжение и движение Сталина, и достаточно умный, чтобы не претендовать на самостоятельность в данных условиях.

Как только Сталин опубликовал знаменитую статью от 13 января 1953 года об аресте кремлевских врачей, всякие гадания о замыслах диктатора кончились. Теперь все ждали — от членов

Политбюро и до рядовых советских граждан — «худшего варианта»: чистки «бурной, всесокрушающей, беспощадной», которая, как и в 1937 году, должна унести в тюрьмы, лагеря и на тот свет миллионы людей, чтобы Сталин чувствовал себя еще более безопасным на своей даче-крепости. Таково именно было впечатление Заградина-Хрущева после посещения дачи-крепости Сталина в Кунцеве.

Если этого не произошло, если сотни тысяч людей остались в живых, если миллионы были спасены от отправки в концлагеря, то это заслуга самого ненавистного после Сталина человека в СССР — Берия.

Глава XI

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА

В роковой для себя день — 13 января 1953 года — Сталин опубликовал «Хронику ТАСС» о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Эта публикация как раз и сократила жизнь самому Сталину.

Чтобы понять, как и почему это случилось, мы должны спросить себя: зачем Сталину нужно было «дело врачей»? На это с предельной ясностью и несвойственной ему оплошностью ответил сам Сталин в опубликованной того же 13-го числа статье «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Статья не подписана, но по специфическим особенностям языка и стиля, по манере аргументации, ясно, что автор ее — сам Сталин.

В «Хронике» говорится, что «врачи-вредители» работали по заданию двух иностранных разведок: американской (профессора-врачи Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Г.Я., Майоров Г.И.) и английской (академик Виноградов В.Н., профессора-врачи Коган М.Б., Егоров П.И.). Все аресто-

ванные, кроме Виноградова и Егорова, — евреи. Все они врачи Кремлевской поликлиники и, как таковые, лейб-врачи членов Политбюро, правительства и высших военных чинов. Все евреи первой группы были «завербованы» в американскую разведку через «Международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию «Джойнт», выдающую себя за благотворительную организацию, а члены группы Виноградова «оказались давнишними агентами английской разведки».

«Хроника» сообщила о признании врачей, что они умертвили «путем вредительского лечения» секретарей ЦК Жданова и Щербакова, хотели убить маршалов Василевского, Говорова и Конева, генерала Штеменко, адмирала Левченко. Проф. Вовси якобы заявил следствию, что получил директиву от сионистов из «Джойнта» «об истреблении руководящих кадров СССР» (заметим, что важнейших маршалов — Жукова и Булганина, а также важнейших деятелей партии — Маленкова, Берия, Хрущева — нет в числе намеченных жертв).

Если бы Сталин ограничился этой «Хроникой», то можно было бы подумать, что это лишь очередной взрыв антисемитизма и «дело врачей» — просто вариант «дела сионистов». Но передовой статьей «Правды» (от того же 13 января) Сталин преждевременно (а потому и неосторожно) раскрыл карты: дело лейб-врачей членов Политбюро выглядело как дело самого Политбюро.

Всегда богатая криминальная фантазия Ста-

лина в «деле врачей» оказалась удивительно кучой: он просто вытащил из архива дело Бухарина, Рыкова, Ягоды и судившейся вместе с ними группы кремлевских «врачей-вредителей» (проф. Плетнева, докторов медицины Левина, Максимова и Казакова), вместо старых имен поставил новые, модернизировал обвинение и подсунул его Политбюро.

Более того. Сталин снова пустил в ход свою политическую философию того времени о классах и классовой борьбе при социализме, о «правых оппортунистах», о «врагах народа», которые тем больше размножаются, чем больше «социализм» имеет успехов. Вытащил и впервые тогда примененный прием признания врачей в убийстве (Плетнев, Левин, Максимов и Казаков тоже сознались, что по заданию агентов иностранных разведок, бывших членов Политбюро Рыкова, Бухарина, шефа НКВД Ягоды они убили, путем вредительского лечения, члена Политбюро Куйбышева, члена ЦК Менжинского и «пролетарского» писателя Максима Горького).

Сталин настолько ослеп в своей злобе против Политбюро или настолько одряхлел умственно, что уже не видел, как шьет новое черное дело старыми белыми нитками:

«Некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, шпионажа... Но так думать и рассуждать могут только *правые оппортунисты*, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения *затухания классовой борьбы*. Они не понимают, что наши успехи

ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем усиленнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет *борьба врагов народа*» («Правда», 13 января 1953 г.).

Кто же эти анонимные «правые оппортунисты»?

Конечно, не колхозники и даже не «врачи-вредители», а члены советского правительства и руководители органов госбезопасности, которые, как и «правые оппортунисты» Бухарин, Рыков и Ягода, легко могут быть подведены под чекистские пули.

Впрочем, сам Сталин прямо указывает адрес искомых «врагов народа»: 1) «Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством»; 2) «Органы госбезопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей».

Сталин не думает, что бесталанно повторяет прошлый трюк, сажая на скамью подсудимых врачей Кремля. Он считает их «вредительство» почти закономерностью:

«История уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы, вроде врачей Левина, Плетнева, которые по заданию врагов СССР умертвили великого русского писателя Максима Горького, выдающихся деятелей советского государства Куйбышева и Менжинского».

Левин был тогда личным врачом Сталина, как теперь Виноградов. Оба хотели убить Сталина по заданию «правых оппортунистов» и «врагов

народа», находящихся на службе иностранных разведок. Сталин остался жив лишь благодаря собственной бдительности, а органы НКВД ни тогда (Ягода), ни сейчас (Берия) не вскрыли вовремя «вредительской террористической организации среди врачей».

Почему?

Ягода — потому, что сам оказался и «правым оппортунистом» и «врагом народа», а почему не вскрыл Берия, — Сталин хочет выяснить теперь.

Сталин заканчивает статью грозным предупреждением:

«Советский народ с гневом возмущения клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит как омерзительную гадину. Что же касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово» («Правда», там же).

Это — язык времен ежовщины, когда Сталин «нашел дорогу» к «вдохновителям» Левина и Плетнева, когда расстрелял половину Политбюро и 70% всех членов ЦК.

Берия и Маленков, Хрущев и Булганин, не говоря уже о Молотове и Ворошилове, о Микояне, Кагановиче и Андрееве, отлично знали и этот язык и свою обреченность, если Сталин останется у власти еще несколько месяцев. Об этом говорилось и на XX съезде КПСС.

«Вспомним «Дело врачей-вредителей». На самом деле не было никакого «дела», кроме заявления женщины-врача Тимашук, на которую, по всей вероятности, кто-то повлиял или же просто приказал (кстати, она была неофициальным сотрудником органов государственной безопасности) написать Сталину письмо... Вскоре после ареста врачей мы — члены Политбюро — получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине... Дело было поставлено таким образом, что никто не мог проверить тех фактов, на которых основано следствие... Когда мы пересмотрели это «дело» после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было сфабриковано от начала до конца. Это позорное «дело» было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако, довести его до конца (так, как он себе представлял этот конец)» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 44).

Каким же представлял себе этот конец Сталин?

На этот вопрос дан ясный и категорический ответ: «*Сталин, очевидно, намеревался, покончить со всеми старыми членами Политбюро*»... было намерение «*в будущем ликвидировать старых членов Политбюро*» (там же, стр. 58).

С опозданием на 30 лет Политбюро вытащило из секретного архива «Завещание» Ленина, где предлагалось снять Сталина с поста генсека, так как он способен злоупотреблять властью.

«Эта отрицательная черта Сталина... в последние годы его жизни приобрела *абсолютно не*

терпимый характер», — констатирует Политбюро (там же, стр. 8).

Вот когда члены Политбюро пришли к убеждению, что Сталин хочет их ликвидировать и что характер его стал «абсолютно нетерпимым», они решили предъявить Сталину ультиматум не только об освобождении врачей, но и об уходе со всех постов. Сделать это могли лишь те, кто имел еще реальную власть — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, опираясь на армию (Жуков, Захаров, Москаленко, Соколовский, Еременко) и полицию (Игнатьев). Спровоцированный ими же разгром «Внутреннего кабинета» дал возможность предъявления этого ультиматума. Главой заговорщиков, несомненно, был Берия.

Вернемся ненадолго ко взаимоотношениям Сталина и Берия. Мы уже приводили рассказ Хрущева, как Сталин боялся Берия и даже опасался заговора с его стороны. Мы видели также, что «Мингрельское дело» было направлено против Берия. Далее мы видели антибериевскую подоплеку дел Сланского в Чехословакии и Гомулки в Польше. Наконец, и «дело врачей» было прежде всего «делом Берия». В этих условиях кажется странным, почему Сталин не сделал с ним того же, что со старыми членами Политбюро — Молотовым, Ворошиловым и другими, которым он просто запретил посещать его дом. Ведь Берия бывал у Сталина в любое время дня и ночи, когда хотел. Берия бывал в семье Сталина еще при его покойной жене — Надежде Алли-

луевой. Именно она первая предупредила мужа, что Берия — негодяй. Светлана Аллилуева пишет:

«Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких. Мама еще давно (году в 29-ом), как говорил мне сам отец, «устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было у нас в доме». Отец говорил мне это позже, когда я была уже взрослой, и пояснял: «Я спрашивал ее — в чем дело? Приведи факты! Ты меня не убеждаешь, я не вижу фактов. А она только кричала: я не знаю, какие тебе факты, я же вижу, что он негодяй. Я не сяду с ним за один стол. Ну, — говорил я ей тогда, — убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист, он помог нам в Грузии предусмотреть восстание мингрельцев, я ему верю. Факты, факты мне надо» (Двадцать писем к другу, стр. 18).

Вот эти факты и заставили Сталина изменить свое мнение о Берия. Аллилуева запомнила, «как была поражена словами отца», когда она однажды осталась ночевать у жены Берия, а «наутро вдруг позвонил разъяренный отец и, обругав меня нецензурными словами, прокричал: «Сейчас же езжай домой! *Я Берия не доверяю*» (Только один год, стр. 327).

Всё это Берия уже видел и чувствовал: «Берия отлично понимал, что его судьба в постоянной опасности» (там же, стр. 325).

Однако и изменив свое мнение о Берия, сразу избавиться от него Сталин не мог, а потому внешне ничем себя не выдавал. Сталин был не

только прекрасным конспиратором, но и виртуозным артистом. Сначала войти в доверие избранной жертвы, а потом нанести ей внезапный ошеломляющий удар — таково было первое правило его криминального искусства как во внутренней, так и во внешней политике.

Сталин старается придумать что-нибудь оригинальное, чтобы замаскировать задуманный удар, но это ему явно не удастся. Может быть, некоторой компенсацией его выдохшейся изобретательности служит «братанье» на участвовавших попойках в Кунцеве, где он подчеркнуто представляет Берия роль тамады. Ведь, по кавказским обычаям, пока Берия — тамада, он может командовать и Сталиным, даже в его доме.

Один из таких пиров описала Аллилуева: «Застолья последних лет в Сочи и в Кунцеве были многолюдными и пьяными. Я видела это несколько раз и всегда быстро уходила. Отец пил немного; но ему доставляло удовольствие, чтобы другие много пили и ели, и по обычной русской привычке, гости скоро «выходили из строя». Однажды отец всё-таки много выпил и пел народные песни вместе с министром здравоохранения Смирновым, который уже совсем едва держался на ногах, но был вне себя от счастья. Министра еле-еле уняли, усадили в машину и отправили домой. Обычно в конце обеда вешивалась охрана, каждый «прикрепленный» увлакивал своего упившегося «охраняемого». Разгулявшиеся вожди забавлялись грубыми шутками, жертвами которых чаще всего были Поскрёбы-

шев и Микоян, а Берия только подзадоривал отца и всех. На стул неожиданно подкладывали помидор, и громко ржали, когда человек садился на него. Сыпали ложкой соль в бокал с вином, смешивали вино с водкой. Отец обычно сидел, посасывая трубку и поглядывая, но сам ничего не делал. По-видимому, Микоян и Поскрёбышев, которого отец называл не иначе, как «Главный», были самыми безропотными. «Главного» чаще всего увозили домой в беспробудном состоянии, после того, как он уже валялся где-нибудь в ванной комнате и его рвало. В таком же состоянии часто отправлялся домой Берия, хотя ему никто не смел подложить помидор. Его отец называл «Прокурором» (Только один год, стр. 333-334).

«Отец пил немного, но ему доставляло удовольствие, чтобы другие много пили» — особенно Поскрёбышев и Берия — как бы для того, чтобы убедиться, верна ли старая русская поговорка: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке!» Может быть, у Сталина был и коварный расчёт: пьяный может наболтать любую ересь, которой при желании легко воспользоваться. Однако каким бы Берия пьяным ни был, «ему никто не смел подложить помидор», только «иногда отец подтрунивал и над Берия. Он повторял один и тот же старый анекдот, адресуясь к «Прокурору», который ни от кого другого не стерпел бы насмешки... Анекдот был мрачноват, и обычно никто не смеялся» (там же, стр. 334).

Действительно надо бояться больше Берия, чем Сталина, чтобы в этом случае не смеяться.

Эта пьяная оргия «на высшем уровне», во время которой решались вопросы жизни и смерти миллионов, говорит не только о моральном облике «вождей», но и о том, какими методами Сталин правил ими. Опаивание их, которое выдавалось за духовную близость с ними Сталина, на самом деле было его постоянной личной разведкой против них. Он хитрил, обманывал, но «не предполагал, что может сам обмануться, и до конца своих дней следил, как бы кто другой не вздумал его коварно обмануть. Это стало его манией» (там же, стр. 340).

Да, Сталин не предполагал ни того, что сам может обмануться, ни того, что это случится во время очередного и последнего его пира.

Сталин любил каждое свое преступление обосновывать *идеологически*: ссылкой на Ленина, если есть подходящая цитата, сочинением новой догмы, если такой цитаты нет. В основе этого идеологического обоснования должна была лежать концепция о классах и классовой борьбе. Но Ленин, как и Маркс, объясняли исторический процесс и поведение людей интересами классов и классовой борьбы только в обществе классовом, а социализм считался обществом бесклассовым (таковым в 1936 году объявил его и сам Сталин), и поэтому никакие общественно-политические явления в нем нельзя было обосновывать ссылками на классовую борьбу. Но тогда как же объяснить, что СССР кишмя кишит вре-

дителями, диверсантами, убийцами, около десяти миллионов которых ежегодно сидит в концлагерях. В уже упомянутой статье от 13 января Сталин дал обезоруживающий своей простотой ответ: «В СССР ликвидированы эксплуататорские классы... но сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — *живые люди* (выделено в оригинале. — А. А.), скрытые враги нашего народа». Вот они, эти «живые люди», объединившись в класс в бесклассовом обществе, ведут со Сталиным смертельную борьбу.

Эти тезисы Сталина лежат в основе идеологической кампании «Правды» весь январь и февраль.

18 января «Правда», дополнительно приводя сделанные Сталиным еще в ежовские времена высказывания о классах и «врагах народа», призывает в русских областях страны разоблачать этих «врагов народа», а в национальных республиках — «буржуазных националистов».

В разгаре кампании, 21 января, публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-вредителей, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина». Это уже открытый призыв к местным сексотам-тимашукам — давайте, пишите побольше доносов и тоже получите орден!

22 января «Правда» публикует доклад секретаря ЦК Михайлова к 29-й годовщине смерти Ленина. Сталин знал, кому поручать доклад: Ми-

хайлов не только почти буквально повторил его статью от 13 января, но и добавил несколько острых высказываний Сталина времен ежовщины.

24 января «Правда» в связи с выборами в местные советы настойчиво призывает народ к бдительности и сплоченности вокруг Сталина.

25 января «Правда» подчеркнуто отмечает годовщину отравления Куйбышева «врачами-вредителями».

31 января «Правда» печатает передовую статью «Воспитывать трудящихся в духе высокой политической бдительности». Статья, ссылаясь на «прошедшие за последние годы судебные процессы над бандами шпионов и вредителей в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польше и в других народно-демократических странах, разоблачение в СССР шайки подлых шпионов и убийц», призывает страну к решительному разоблачению «скрытых врагов народа». Газета приводит примеры разоблачения «чуждых элементов» в руководящих органах министерств Украины и «космополитов», литовских и еврейских «буржуазных националистов» — в Литве.

6 февраля «Правда» публикует большую статью об арестах органами госбезопасности шпионов в разных районах СССР. Статья изобилует примерами кражи секретных документов (Поскребышев!), почему-то непременно попадающих в руки «врагов» и «изменников».

11 февраля Л. Тимашук письмом в редакцию «Правды» благодарит за «многочисленные пись-

ма и телеграммы с поздравлениями» в связи с разоблачением ею «врагов советского народа».

20 февраля «Правда» рисует «психологический» портрет Л. Тимашук. Получается нечто вроде французской Жанны д'Арк. Портрет носит невинное название: «Почта Лидии Тимашук». «Правда» хочет ответить на вопрос: как простой врач может судить о квалификации и методах лечения академиков и профессоров с мировыми именами? «У постели больного встретились два человека в белых халатах. Один ученый с большим именем и степенями, другая без ученых степеней, но с большим опытом за 20 лет работы врачом. У обоих в руках — одни и те же анализы и у обоих перед глазами одинаковые симптомы болезни, но женщина видит, что человек с учеными степенями ставит неправильный диагноз. Неправильный диагноз — неправильное лечение и, значит, смерть. Почему это он делает? Медицинская ошибка? Но у человека со степенями слишком большие знания и опыт, чтобы он мог так грубо ошибиться. К тому же он отмечает всякую попытку исправить его. Ошибки нет, значит, кто же перед тобою? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны не час и не два, нужны многие часы напряженной работы мысли, нужны глубокие знания и полнейшая уверенность в своей правоте и, главное, *надо быть патриотом своей Родины*. И тогда всё поймешь. Да, перед ней был враг, и не один, а шайка врагов Советского Союза, злобных, хитрых и хорошо замаскированных. Началась борьба, очень трудная борьба.

Ведь те, со степенями, занимали высокое положение, они расставили вокруг «своих людей». Но женщина боролась так, как борются с врагами Родины — не на жизнь, а на смерть».

На основании доноса этой «патриотки своей Родины» Сталин и создал «дело врачей». Но Тимашук донесла лишь на одного врача — академика Виноградова. Как мы уже упомянули, этот донос Берия мог организовать для того, чтобы лишить Сталина добросовестного и лояльного личного врача. В планах о будущей болезни Сталина академик Виноградов был лишним, действительно «вредным» для Берия человеком, именно из-за своей добросовестности и лояльности. Берия собирался приставить к Сталину своего врача, но это не удалось — Сталин не допускал к себе никаких врачей и перешел на медицинское «самообслуживание» из своей маленькой домашней аптечки. Берия, конечно, замышлял не это, но всё же его устраивало и то, что Сталин оказался вне медицинского контроля.

В разгаре бешеной кампании «Правды» против «убийц» происходят еще два убийства, выданные тогда за естественную смерть. Но теперь уже ясно, что одна смерть нужна была Сталину, а другая — Берия.

17 февраля газета «Известия» сообщила, что «безвременно» умер генерал Косынкин, руководитель комендатуры Кремля, ответственный за безопасность Сталина. Генерал был назначен на этот пост прямо из личной охраны Сталина. Человек относительно молодой, вполне здоро-

вый, фанатично преданный Сталину и чувствовавший себя независимым от Берия, он недооценил возможностей Берия, а потому и умер «безвременно». Но убийство, нужное Сталину, было организовано весьма естественно, даже торжественно, чтобы все подумали — «человек умер на боевом посту». Речь идет о Льве Мехлисе.

В историческом становлении Сталина-тирана по части идеологии Мехлис был тем же, что Ежов и Берия по части полиции. Мехлис был единственным членом ЦК, который мог бы сказать: «Я проложил Сталину идеологическую дорогу к власти через все трупы старой гвардии Ленина, я же его сделал и великим вождем партии и гениальным корифеем всех наук». Достаточно взять комплекты «Правды» двадцатых и тридцатых годов, чтобы увидеть, как ее редактор Мехлис преуспевал в достижении этой цели. Благодарный Сталин ответил взаимностью: бывшего слушателя Института красной профессуры Мехлиса сначала сделали заместителем главного редактора, потом и главным редактором «Правды», а после «Великой чистки» Сталин ввел его в состав ЦК и его Оргбюро (коллегия, распределявшая высшие кадры партии и государства). Во время войны Сталин назначил его своим заместителем по Министерству обороны и начальником Главного политического управления Красной армии в чине генерал-полковника (Хрущев, член Политбюро, был только генерал-лейтенантом). После войны Сталин его сделал министром Государственного контроля и вновь членом ЦК

(на XIX съезде). Сейчас, после «дела сионистов» и нового «дела врачей-вредителей», Сталин вспомнил известный «дефект» Мехлиса — он был евреем. Плоская логика антисемита ему и подсказала: если еврей, то сионист, а если сионист, то мог дать задание сионистским врачам (не только пациентом, но и покровителем которых он был) убить своего давнишнего соперника и преемника на посту начальника Главного политического управления Красной армии, бывшего однокашника по ИКП — А. Щербакова. И вот, пока «врачи-вредители» ожидали суда, Сталин послал Мехлиса в «важную командировку» в Саратов. Там без шума и без свидетелей его арестовали. Переведенный в больницу Лефортовской тюрьмы в Москве, он дал нужные Сталину показания и 13 февраля 1953 года умер (Victor Alexandrov. The Kremlin. London, 1963, p. 325).

Мехлиса торжественно похоронили на Красной площади в присутствии многих членов Политбюро, маршалов, министров, но без Сталина. Вероятно, Сталин решил, что лицемерие тоже должно иметь меру. По крайней мере, он отсутствовал не по болезни, так как 17 февраля принял посла Индии К. Менона и долго беседовал с ним. По словам К. Менона, Сталин, несмотря на свои 73 года, выглядел совершенно здоровым человеком. Во время беседы Сталин рисовал на листках блокнота волков и высказал мысль, не только не относившуюся к дипломатическому разговору, но даже и не «дипломатическую». Как бы комментируя собственные рисунки, он заметил, что

крестьяне поступают мудро, уничтожая бешеных волков! Сталин, конечно, думал не о своем визави и не о его, ненавистном Сталину, шефе Неру, а о «бешеных волках» из Политбюро (К. Menon. *The Flying Troika*. London, 1963, p. 29).

Тем временем «Правда» продолжает кампанию по накаливанию политической и психологической атмосферы в стране. Статьи и корреспонденции «Правды» 8, 9, 11, 12, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27 февраля посвящены «убийцам», «шпионам», «вредителям», «врагам народа» и «буржуазным националистам». Ни одна политическая передовая «Правды» не выходит без ссылки на «бдительность» и «врагов народа». По точным рецептам периода ежовщины «Правда» целеустремленно и систематически культивирует всеобщую шпиономанию.

Поздно вечером 28 февраля выходит «Правда» на 1 марта, в которой напечатано постановление ЦК о женском празднике — дне 8 марта, — но и там тоже меньше всего говорится о празднике, а больше всего о «шпионах», «убийцах», скрытых «врагах народа», «буржуазных националистах».

А со следующего дня происходит нечто странное и необъяснимое: «Правда» вдруг прекращает печатать всякие материалы о «врагах народа». Более того — «враги народа» совершенно не упоминаются даже в политических статьях и комментариях. В важных передовых статьях «Правды» от 2 марта («Расцвет социалистических наций») и от 3 марта («Важнейшие условия

подъема пропаганды») нет ни слова о «буржуазных националистах», «врагах народа», «шпионах» и «убийцах»!

Кампания против «врагов народа» была отменена. Отменена, конечно, не в редакции «Правды», а там, наверху. Кто же ее отменил? Сталин? Нет, конечно, не Сталин. Ее отменили те, кто, начиная с 1 марта 1953 года, караулили смерть Сталина. Эти «караульщики» в лице «четверки» — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин — совершили в ночь 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина, «временно» отошедшего от власти. «Четверка» немедленно распределила между собою власть, в обход Президиума ЦК КПСС. Всем же остальным наследникам Сталина из Политбюро — старым, законным, но не участвовавшим в перевороте, — достались вторые роли. «Четверка» выпустила «Правительственное сообщение», которое заканчивалось так: «ЦК и Совет министров СССР сознают все значение того факта, что тяжелая болезнь т. Сталина повлечет за собою более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности. ЦК и Совет министров в руководстве партией и страной со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные с временным уходом т. Сталина от руководящей государственной и партийной работы» («Правда», 4 марта 1953 г.).

Сталин тем временем умирал, умирал медленно, но верно, по всем правилам «вредительского лечения», которое он сам на себя накликал...

Кстати, в первом «Правительственном сообщении» оказалась и другая ложь. В нем говорилось, что удар у Сталина — кровоизлияние в мозг — произошел в ночь на 2 марта, *когда он находился в Москве на своей квартире*, а на самом деле, как выяснилось позже, это случилось не в Москве, а в Кунцеве. Если всё происходит естественно и совесть у учеников Сталина чиста, то зачем они скрывают действительное место его смерти? Зачем нужно от имени ЦК и Совета министров грубо обманывать собственную партию и народ, если не для того, чтобы создать себе алиби?

Первым, узнавшим от Хрущева, что Сталин умер не в Москве, был бывший губернатор Нью-Йорка, посол США в Москве во время войны Аверелл Гарриман. Ему же Хрущев рассказал, как «четверка» охраняла смерть Сталина.

Вот что говорит об этом Гарриман:

«Так называемый «заговор врачей», по которому несколько врачей обвинялись в заговоре с целью убийства некоторых руководящих коммунистов, был, очевидно, состряпан Сталиным, чтобы начать новую чистку. Некоторые иностранные наблюдатели России намекали, что люди из окружения Сталина, боясь потерять свою собственную жизнь в связи с новым массовым террором, сами убили старика. Я всё время искал ответа на это. В моей недавней продолжительной беседе с Хрущевым Хрущев рассказал свою версию о смерти Сталина. Позднее, по моей просьбе, он разрешил мне опубликовать это.

Сталин, говорил мне Хрущев, стал в последние годы очень подозрительным, деспотичным и безжалостным. «Он никому не верил и никто из нас ему тоже не верил. Он не давал нам делать работу, на которую сам давно не был способен. Нам было очень трудно. Однажды в субботу, ночью, он пригласил нас на обед к себе на дачу за городом. Сталин был в хорошем настроении. Это был веселый вечер, и мы хорошо провели время. Потом мы поехали домой. По воскресеньям он обычно звонил нам, чтобы обсуждать дела, но в то воскресенье он не звонил, что нас поразило. В понедельник он также не вернулся в город. В понедельник вечером звонит начальник его личной охраны и говорит, что Сталин болен. Все мы — Берия, Маленков, Булганин и я — немедленно отправились на дачу, чтобы увидеть его. Он уже потерял сознание. Одна рука и одна нога были парализованы, отнялся язык. Мы находились с ним три дня, но сознание к нему не возвращалось. Потом на некоторое время к нему вернулось сознание, и тогда мы вошли в его комнату. Сиделка поила его чаем из ложки. Он пожал нам руки и старался шутить с нами, силясь смеяться, показал здоровой рукой на картинку, висевшую над его постелью. На ней был нарисован козленок, которого маленькая девочка кормила ложкой. Вот теперь, как бы говорил он жестом, он такой же беспомощный, как и этот козленок.

Через некоторое время он умер. Я плакал.

Прежде всего мы были его ученики и обязаны ему всем».

Я спросил Хрущева, выбрал ли Сталин себе наследника? Хрущев резко ответил: «Он никого не выбрал. Он думал, что будет жить всегда» (Averell Harriman. Peace with Russia. New York, 1959, pp. 102-103).

Из этого рассказа мы узнаем важные вещи:

1) Сталин умер не в Москве, а на своей даче (позже, от Аллилуевой, мы узнаем, что это была кунцевская дача);

2) последними посетителями Сталина были Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, и они провели всю ночь субботы 28 февраля 1953 года у Сталина за выпивкой;

3) только в понедельник 2 марта охрана Сталина сообщает этой «четверке», что Сталин заболел, они едут к нему и три дня караулят у его постели, спокойно ожидая его смерти;

4) о врачах вообще не упоминается.

Эту версию Хрущев потом много раз повторял разным лицам. В воспоминаниях Хрущева она немного расширена. Дата болезни Сталина перенесена на 28 февраля, но суть остается прежней. Только, очевидно, кто-то надоумил Хрущева, что нужно упомянуть о врачах, хотя бы на второй день болезни. Окончательная редакция рассказа выглядит так:

«Сталин заболел в феврале 1953 года (т. е. 28 февраля. — А. А.). Маленков, Берия, Булганин и я были у него на даче Ближняя в субботу ночью... Как обычно, обед продолжался до 5-6 часов ут-

ра. Сталин был после обеда изрядно пьяный и в очень приподнятом настроении. Не было никаких признаков какого-нибудь физического недомогания... Мы разошлись по домам, счастливые, что обед кончился так хорошо... Я был уверен, что на следующий день, в воскресенье, Сталин вызовет нас для встречи, но от него не было звонка. Вдруг раздался телефонный звонок. Это был Маленков, он сказал: «Слушай, только что звонила охрана с дачи Сталина. Они думают, что со Сталиным что-то случилось. Будет лучше, если мы поедем туда. Я уже сообщил Берия и Булганину. Будет хорошо, если ты немедленно выедешь»... Я быстро оделся и поехал на дачу Сталина... Через 15 минут я был там. Когда мы все собрались, мы посетили дежурных офицеров, прежде чем идти в комнату Сталина. Офицеры объяснили нам, почему они подняли тревогу: «Товарищ Сталин обычно почти всегда вызывает кого-нибудь и просит чай или что-нибудь поесть к 11 часам. Сегодня он этого не сделал». Поэтому они послали Матрену Петровну узнать, в чем дело. Это была старая дева, которая с давних пор работала у Сталина. Она не отличалась блестящими способностями, но была честной и преданной Сталину. Вернувшись, она сообщила охране, что Сталин лежит на полу большой комнаты, в которой он обычно спит. Очевидно, Сталин упал с кровати. Охранники его подняли с пола и положили на диван в маленькой комнате. Когда нам все это рассказали, мы решили, что неудобно явиться к Сталину, когда он в таком

непрезентабельном состоянии. Мы разъехались по домам» (Khrushchev Remembers, vol. I, pp. 340-342).

Значит:

1) 28 февраля со Сталиным пиновала «четверка»;

2) они ушли от Сталина утром 1 марта;

3) вечером того же дня Сталин тяжело заболел (упал с кровати и подняться сам не мог, не требовал пищи, не разговаривал с «обслуживающей»); очевидно, лишился дара речи);

4) «четверка» была вызвана вечером 1 марта к больному Сталину, но они не стали вызывать врачей, отказались видаться с больным и разъехались по домам.

Хрущев продолжает: «Поздно ночью Маленков позвонил второй раз: «Охрана Сталина звонила опять. Они говорят, что со Сталиным что-то определенно не в порядке»...

Когда мы вновь послали Матрену Петровну проверить состояние Сталина, то она сказала, что он спит глубоким сном, но сном не обыкновенным. Мы решили, что лучше уехать. Мы поручили Маленкову вызвать Кагановича и Ворошилова, которых с нами не было накануне, а также врачей» (стр. 342).

Наконец, всё-таки вызвали и врачей!

Врачи раздели Сталина и перенесли обратно в большую комнату, где было больше света. Врачи «сказали нам, что болезнь такого рода продолжается недолго и ее исход бывает смертельным», — рассказывает Хрущев.

Кто же эти врачи? Они никому не известны. Как мы увидим дальше, никого из них не знает и Светлана Аллилуева. Нет не только личного врача Сталина Виноградова, но и тех, кто в нормальных условиях немедленно должен был бы прибыть к больному Сталину: начальник Лечебно-санитарного управления Егоров посажен вместе с Виноградовым; а министр здравоохранения СССР Смирнов, собутыльник Сталина (см. выше), исчез как раз накануне болезни Сталина, замененный Третьяковым, которого тоже никто не знает.

Как издевательство над Сталиным звучат слова Хрущева: «Мы сделали все, чтобы поставить Сталина на ноги», после его же рассказа, как, осведомившись у «Матрены Петровны» о состоянии Сталина, они даже не зашли к нему, не вызвали врачей, а разъехались по домам. Врачей вызвали (если вообще это были врачи) только тогда, когда Сталин оказался в безнадежном состоянии, и только тогда его и раздели!

Дальше Хрущев рассказывает, что единственным человеком, желавшим смерти Сталина, был Берия. Берия открыто издевался над умирающим Сталиным (стр. 343).

Однако важно другое признание Хрущева: «Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими... Я спросил его: «Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берия?»

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности.

Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допустить этого.

Булганин сказал, что он согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне должны делать. Я сказал, что я поговорю обо всем этом с Маленковым. Я думаю, что он согласится с нами» (стр. 344).

Если Хрущев иногда бывает искренним, то в данном случае он искренен вдвойне: борьба за раздел политического наследства Сталина началась еще у постели умирающего и первой жертвой был намечен Берия. Но пост министра госбезопасности ему все-таки достался: он просто взял его, прихватив заодно и пост министра внутренних дел.

Вернемся к названным выше датам начала болезни Сталина.

Итак, когда же, собственно, у Сталина был удар — в субботу 28 февраля, когда его посетила «четверка»; в воскресенье 1 марта, когда она его уже покинула (обе эти даты начала болезни названы Хрущевым); в ночь на 2 марта, как утверждает «Правительственное сообщение» (оно солгало о месте нахождения Сталина, могло солгать и о дате), или вечером того же 2 марта, как рассказывал Хрущев Гарриману?

Названы четыре даты, поэтому трудно с уверенностью сказать, какая из них истинная. Я склоняюсь к дате *28 февраля*, ибо, как указывалось выше, уже 1 марта фактически власть была в руках «четверки» (объективное доказательство

этого — внезапное прекращение 1-2 марта кампании в «Правде» против «врагов народа»). Но заговорщикам очень важно скрыть (не только от народа, но и особенно — от партии и армии) то, что происходит со Сталиным, чтобы выиграть время для беспрепятственного и успешного завершения переворота. Поскольку заговорщики заинтересованы в создании безупречного алиби, то они приглашают детей Сталина и двух избранных членов Политбюро (Ворошилова и Кагановича) к постели умирающего на второй или третий день болезни, а народу о ней сообщают на четвертый или пятый день, когда смерть Сталина уже неизбежна.

Теперь обратимся к воспоминаниям Светланы Аллилуевой. Она подтверждает, что Сталин умер не в Москве, а на кунцевской даче; ее и Василия Сталина вызвали к умирающему только 2 марта, когда Сталин окончательно потерял сознание. Дальше она пишет: «...*Незнакомые врачи*, впервые увидевшие больного, ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на шею и затылок, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра непрерывно делала какие-то уколы, один из врачей непрерывно записывал в журнал ход болезни... Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти...» (Двадцать писем к другу, стр. 6-7). Из всех этих врачей С. Аллилуевой показалась знакомой одна женщина-врач: «Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я ее видела?

Мы кивнули друг другу, но не разговаривали» (стр. 7). (Эту женщину-врача важно запомнить.)

Наблюдения Аллилуевой о поведении Сталина, когда он приходил в себя, совсем не такие, как у Хрущева. Хрущев говорит, что когда к Сталину на некоторое время вернулось сознание, «то тогда он начал пожимать каждому из нас руки»... (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 343).

У Аллилуевой сказано: «Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах... В какой-то момент... он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный... Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх (Хрущев дважды повторяет, что Сталин указал на рисунок с козленком и девочкой. — А. А.), не то *погрозил* всем нам. Жест был непонятен, но *угрожающ*, и неизвестно к кому и к чему он относился» (Двадцать писем к другу, стр. 9-10). Так что того почти идиллического прощания Сталина со своими соратниками, какое рисует Хрущев, не было. Прощание было «гневным», «угрожающим».

Но наблюдения Хрущева и Аллилуевой о поведении Берия, в основном, совпадают.

Аллилуева пишет: «Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности... лицо его то и дело искажалось от распиравших его страстей. А

страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить, и как бы не недохитрить... Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза... Но это было без сознания... Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза... А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывающий *торжества*: «Хрусталеv! Машину!» Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще-то трудно было обмануть... Во многом Лаврентий сумел хитро провести отца... Его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти, чем у этого ужасного человека» (там же, стр. 7-8).

Стало быть, после Сталина власть фактически была в руках Берия, но так как Сталин теперь лежал без сознания, то власть и над Сталиным — жить или умереть ему — тоже была в его руках. И Хрущев и Аллилуева единоклюсны в своих наблюдениях: Берия желал смерти Сталина, а когда она наступила, — он торжествовал. Теперь мы подошли к самому загадочному вопросу — не ухаживали ли за больным Сталиным по методу, который Сталин приписывал арестованным вра-

чам Кремля, — ставя неправильный диагноз и давая противопоказанные лекарства.

У нас есть один исключительно важный свидетель, присутствовавший при смерти Сталина и категорически и во всеуслышание утверждавший: Сталина отравили, Сталина убили! Это сын Сталина — генерал-лейтенант Василий Сталин.

Как видно из ее книг, дочь Сталина довольно рано начала проявлять критическое отношение к учению отца и окружающей ее советской действительности, но она не пишет, что ее серьезно занимали политические вопросы или что она вела с отцом какие-либо разговоры на политические темы. Как бы оставаясь верным патриархальным традициям Кавказа, где почти неприлично было говорить с женщиной о политике, Сталин, видимо, не говорил с дочерью о политике. К тому же, дочь бывала у отца в последние два-три года его жизни очень редко.

Совершенно по-другому обстояло дело с сыном. Василий Сталин к началу войны кончил военно-авиационную школу. Всю войну провел на фронтах, летал на истребителях, командовал дивизией, корпусом, авиационным соединением в Германии после войны. Потом он был назначен командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Всеми традиционными воздушными парадами под Москвой, а во время праздников и над Красной площадью командовал лично Василий Сталин. Конечно, в возрасте 25-26 лет офицеры генералами не делаются, исключением был разве только Наполеон (на то он

и был Наполеоном), но Василия тоже надо считать своего рода исключением — он был сыном Сталина. Сталинские маршалы, чтобы угодить самому «Верховному», раболепствовали перед его сыном и осыпали его чинами и орденами. Однако сколько бы ни рассказывали, что Василий любил выпить, никто не оспаривал его отвагу и мужество во время войны, да трусы и не лезут в летчики реактивной истребительной авиации. Сталин-отец, в молодости сам тоже отважный и мужественный, заметил однажды о сыне, что тот за него пойдет в огонь и в воду. Вот из-за этой его преданности генерал-лейтенанта Василия Сталина и убрали с поста командующего военно-воздушными силами Московского военного округа, убрали руками самого Сталина так же, как впоследствии уберут генералов Поскребышева и Власика.

Аллилуева видит причину его снятия в другом: «С Московского округа его снял еще отец, летом 1952 года. 1 мая 1952 года командование запретило пролет авиации через Красную площадь, так как было пасмурно и ветрено, — но Василий распорядился сам, и авиация прошла, — плохо, вразброс, чуть ли не задевая шпили Исторического музея... А на посадке несколько самолетов разбилось... Это было неслыханное нарушение приказа командования... Отец сам подписал приказ о снятии Василия...» (Двадцать писем к другу, стр. 197-198).

Возможно, Аллилуевой тут изменяет память. По крайней мере, по описанию «Правды», в

Москве 1 мая 1952 года была прекрасная погода и воздушный парад был образцовым, что доказывает фотография четкого и стройного полета авиации через Красную площадь. «Правда» пишет: «С первыми лучами весеннего солнца проснулась Москва в это майское *золотое утро*... Органически вливаясь в торжественный строй парада, как бы олицетворяя четкое взаимодействие всех родов оружия, над Красной площадью появляется боевая советская авиация. Сверкая в лучах солнца, эскортируемый реактивными истребителями, плывет многомоторный флагманский корабль командующего воздушным парадом гвардии генерал-лейтенанта В. И. Сталина» («Правда», 2 мая 1952 г.).

Если даже при посадке разбилось несколько самолетов, то выходит, что это случилось не из-за погоды и не из-за Василия, ибо его собственная машина, очевидно, села нормально. Не вяжется и другое: парад был 1 мая, а Василия Сталина сняли только летом, так что парад тут явно ни при чем. Василий, не в пример отцу, был, как видно, человеком широкой натуры плебейского пошиба, любил общество, лучше чувствовал себя «на дне», чем на верхах; в отличие от отца, он был грузином — темпераментным, гостеприимным, добродушным, открытым, доступным, веселым, пьющим, ухаживающим за женщинами и преданным друзьям; поэтому организовать против него какое-нибудь «бытовое дело» было для Берия легче легкого. А убрать Василия с его поста для заговорщиков было весьма важно:

ведь узнав о заговоре против отца, он мог бы использовать против них военно-воздушные силы. Кроме того, Василий всё-таки был не младший лейтенант, а генерал-лейтенант и при встречах Сталин, видимо, говорил с ним не только о самолетах, но и о политике, о своих проблемах и трудностях, о своих подозрениях, о своих неблагодарных соратниках — наподобие: «Смотри, сын, в оба, видишь, с кем ты имеешь дело». Если Сталин когда-нибудь и кому-нибудь открывал хоть частицу того сокровенного, что он думал о своих сподвижниках из Политбюро, то, скорее всего, только беззаветно ему преданному сыну. Отношения между отцом и сыном остались нормальными и после снятия Василия с его должности: это видно хотя бы из того, что по совету отца он поступил в Академию Генерального штаба. Василия Сталина, как и его сестру, об «ударе», случившемся с отцом, известили, как уже указывалось, лишь на второй или третий день, когда Сталин уже не владел даром речи. В таком состоянии умирающие уже не жалуются.

Но велики тайны Провидения. Какая-то неведомая сила, может быть просто внутреннее чувство дочери, заставила Аллилуеву позвонить умерщвляемому Сталину именно в то воскресенье 1 марта 1953 года:

«Я хотела приехать (к отцу. — А. А.) еще раз в воскресенье 1 марта, но не могла дозвониться» (Двадцать писем к другу, стр. 195).

Конечно, не могла «дозвониться»! Все телефоны Сталина были в руках Берия, им блокирова-

ны, но это свидетельство Аллилуевой имеет историческое значение. Аллилуева продолжает:

«А на утро 2 марта меня вызвали с занятий в Академии и велели ехать в Кунцево. Моего брата Василия тоже вызвали 2 марта 1953 года. Он тоже сидел *несколько часов* в этом большом зале... В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что «*отца убили*», «*убивают*»... (там же, стр. 195-196).

Аллилуева, вероятно, склонна думать, что брат бушует под действием алкоголя. Однако в дни похорон, очевидно, совершенно трезвый, неся гроб отца рядом с Молотовым, он вновь повторяет, что «отца убили». Аллилуева продолжает: «Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе. Он был уверен, что отца «отравили», «убили»; он видел, что рушится мир, без которого он существовать не может... В дни похорон он был в ужасном состоянии и вел себя соответственно, — на всех бросался с упреками, обвинял правительство, врачей, всех, кого возможно, — что не так лечили... Он ощущал себя наследным принцем» (там же, стр. 198).

Уверенность Василия, что отца убили, о чем он настойчиво и многократно повторял каждому, кто это хотел слышать (Василий, вероятно, надеялся, что армия заступится за своего «Верховного»), не была и не могла быть бредом пьяного. Он знал слишком много. Он знал, что заговорщики «организовали болезнь» Сталина, он знал также, что его отец думал о готовящемся заговоре. Бесстрашный молодой генерал, знаю-

ший тайну смерти отца, мог сделаться знаменем, даже организатором нового переворота против узурпаторов отцовской власти. Поэтому его дни на воле оказались считанными.

Сначала постарались избавиться от него по-хорошему. Министр обороны Булганин вызвал его к себе и предложил ему поехать в провинцию, в один из военных округов, но он отказался, желая остаться в Москве. Тогда его разжаловали, арестовали и посадили в знаменитую теперь своим зверским режимом Владимирскую тюрьму. Это произошло через неполных два месяца после смерти Сталина — 28 апреля 1953 года. Просидев там семь лет, он умер в ссылке в Казани в марте 1962 года. Сестра его думает, что он умер от алкоголизма, но, увы, есть в мире еще и другая, более безжалостная болезнь — политика. От нее он и умер.

Вернемся вновь к официальным документам.

В «Правительственном сообщении» от имени ЦК КПСС и Совета министров, опубликованном только 4 марта 1953 года, сказано:

«В ночь на 2 марта у т. Сталина, когда он находился в Москве на своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

О тяжелой, смертельной болезни Сталина сообщают только на четвертый день, ибо фактически «удар» у Сталина был вечером 1 марта (смотрите выше рассказ Хрущева). «Правительственное сообщение» о болезни Сталина, видно, составле-

но заговорщиками без консультации с врачами, иначе Сталин не потерял бы сначала сознание, а потом дар речи. Для лечения Сталина создается комиссия из 8-ми врачей — академиков и профессоров. Во главе комиссии — новый министр здравоохранения СССР Третьяков и новый начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Куперин. В сообщении говорится, что «лечение т. Сталина проводится под постоянным наблюдением ЦК КПСС и Совета министров СССР», т.е. «вредительское лечение» исключается.

5 и 6 марта выходит несколько бюллетеней о ходе болезни Сталина. Составленные на этот раз, по всей видимости, с использованием последних и лучших медицинских учебников, бюллетени поражают подробностью и избытком непонятных, сугубо медицинских терминов, частично тут же переведенных на русский язык. За внешней озабоченностью ходом болезни Сталина и «энергичными мерами» его лечения, иногда даже вызывающими частичное улучшение состояния больного, чувствуется, что смерть Сталина — дело решенное.

Так, бюллетень, составленный 5 марта, в день смерти, и опубликованный 6 марта, сообщает:

«В 11 часов 30 минут вторично наступил тяжелый коллапс, который был с трудом ликвидирован соответствующими лечебными мероприятиями», но даже: «в дальнейшем сердечно-сосудистые нарушения несколько улучшились, хотя общее состояние продолжает быть крайне тяжелым», — словом, дело клонится к летальному

исходу, но энергичные лечебные меры не дают еще Сталину умереть.

5 марта 1953 года Сталин умирает. Тогда «наследники» прибегают к неслыханной мере: они создают совершенно новую комиссию академиков и профессоров из семи человек во главе с теми же Третьяковым и Купериным для подтверждения правильности диагноза болезни Сталина и правильности его лечения под руководством ЦК. Комиссия дала авторитетное заключение: «Результаты патолого-анатомического исследования *полностью подтверждают диагноз*, поставленный профессорами-врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патолого-анатомического исследования установили *необратимый* характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые *энергичные меры* лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход» («Известия», 7 марта 1953 г.).

Это не врачи, а Берия и его соучастники заручились свидетельством, чтобы доказать свое алиби. Они знали, что не только Василий Сталин будет утверждать, что «они убили Сталина». Но одно то, что им понадобилось такое свидетельство, выдает их с головой.

Дворцовый переворот в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года против Сталина во многом напоминает дворцовый переворот против Павла I и его убийство в ночь с 11 на 12 марта 1801 года.

Тогда восстала дворянская элита против жестокого царя, сейчас восстала сталинская элита

против «отца и учителя», открыто угрожавшего «детоубийством». В этом последнем заключается и разница: дворянские заговорщики восстали, чтобы спасти Россию от тирана, а сталинцы — чтобы спасти собственные головы.

Большинство заговорщиков против Павла были склонны сохранить жизнь царю, если он подпишет манифест о добровольном отречении от престола (только при этом условии дал свое согласие на переворот сын Павла — Александр); большинство заговорщиков против Сталина, вероятно, тоже сохранило бы ему жизнь, если бы он добровольно ушел со своих постов. Но Берия думал, что в создавшихся условиях лучший Сталин — Сталин мертвый. В свое оправдание он мог бы процитировать и своего предшественника, организатора заговора против Павла, петербургского военного губернатора графа Палена, сказавшего в ночь заговора своим соучастникам: «Вспомните, господа, что нельзя сделать яичницу, не разбив яиц».

Даже объявления о наступлении новой эры после Павла и после Сталина перекликаются между собою. Обычная традиционная формула при естественном наследовании престола в старой России гласила, что сын будет управлять в духе «незабвенного родителя нашего», но в манифесте 12 марта 1801 года Александр I подчеркнул, что будет управлять по законам и «по сердцу» покойной государыни, то есть Екатерины II. Это означало либеральное управление. Заговорщики против Сталина в своем первом постанов-

лении после его смерти отмежевываются от него тем, что умалчивают его имя и обещают управлять страной, руководствуясь «выработанной нашей партией политикой», а не «гениальными указаниями» только что умершего «отца, учителя и вождя». При этом наследники предупреждают против возможного «разброда и паники» (ничего, мол, страшного не произошло!). Вот соответствующее место из «Постановления совместного заседания пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР, Президиума Верховного Совета» от 7 марта 1953 года:

«ЦК, Совет министров и Президиум Верховного Совета в это трудное для нашей партии и страны время считают важнейшей задачей партии и правительства — обеспечение бесперебойного и правильного руководства... что в свою очередь требует ... недопущения какого-либо разброда и паники, с тем, чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь *выработанной нашей партией и правительством политики* как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах».

Таким образом, в этом первом, самом важном юридическом акте о престолонаследии нет ни слова о Сталине, нет обещания управлять по-сталински, а есть обещание управлять так, как когда-то управляла наша «государыня» — партия.

Если аналогия, то до конца: граф Пален думал, что править Россией при молодом царе будет он, но Александр I уволил его в отставку. Свергая

Сталина, Берия думал превратить Россию сталинскую в Россию бериевскую, прикрываясь именем номинального «царька» Маленкова, но его перехитрили и отправили на тот свет, руководствуясь его же «философией»: «лучший враг — мертвый враг».

Для выяснения внутренней правды любых исторических событий важно не то, что говорят их участники, а то, что говорят сами события. Никогда история не бывает так перегружена ложью, как в переломные периоды, и никогда политические деятели так беззастенчиво не лгут, как на путях к власти. И здесь пальма первенства досталась большевикам. Раструбив на весь мир, как они цепко хватались за жизнь Сталина, заговорщики не только тщательно обходят его имя в «Постановлении совместного заседания», но и открыто дают юридическое оформление своему фактическому перевороту: 6 марта 1953 года сталинский президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов был разогнан меньшинством этого Президиума — «четверкой». Было восстановлено то старое Политбюро, которое Сталин ликвидировал фактически в октябре 1952 года и которое он хотел ликвидировать физически в связи с «делом врачей».

Совершить переворот у заговорщиков хватило мужества, но открыто заявить об этом они побоялись, ибо еще думали, что убили бога, а не лжебога, и если сообщить народу о его преступлениях (что было сделано только через три года

— на XX съезде), то армия может возмутиться поруганием своего «Верховного».

«Четверка» реорганизуется и Секретариат ЦК, изгнав оттуда тех, на кого Сталин собирался опереться при уничтожении старого Политбюро — Пономаренко, Брежнева, Игнатова, Аристова и Пегова, — но введя помогшего организовать заговор против Сталина бывшего министра госбезопасности Игнатьева. Немедленно изгоняется узкая военная клика, на которую опирался Сталин: снимается министр обороны маршал Василевский (для вида его оставляют «заместителем», хотя фактическим заместителем был назначен опальный маршал Жуков), смещаются командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев и комендант города Москвы генерал-лейтенант Синилов. Изгоняется и арестовывается весь руководящий аппарат Министерства госбезопасности во главе с заместителем министра Рюминым (он непосредственно руководил делом «врачей-вредителей»).

Разгром происходит в крупнейших центрах страны, где орудовали личные ставленники Сталина: в Ленинграде исчезает первый секретарь Ленинградского обкома и член Президиума ЦК КПСС Андрианов, в Киеве — первый секретарь ЦК Украины и член Президиума ЦК КПСС Мельников, в Минске — первый секретарь ЦК Белоруссии и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Патоличев.

Главные посты в партии и правительстве достаются не тем, кого считали в партии и стране

законными наследниками Сталина (Молотов, Каганович, Ворошилов), а тем, кто произвел переворот: Маленков делается председателем Совета министров СССР, Берия назначается его первым заместителем и министром внутренних дел СССР (Министерство внутренних дел и Министерство госбезопасности объединены теперь в одно Министерство внутренних дел), Булганин назначается министром обороны (Военное министерство объединено с Военно-морским министерством), Хрущев становится исполняющим обязанности первого секретаря ЦК КПСС.

Заговорщикам очень нужны имена старых членов Политбюро, сотрудников Ленина и соратников Сталина для создания видимости законной исторической преемственности. Поэтому они назначают Молотова и Кагановича тоже «первыми заместителями» председателя Совета министров. Но это — фикция. «Первый заместитель» бывает всегда первым и эту должность занимает Берия: при перечислении членов Президиума ЦК его фамилию называют сразу после фамилии Маленкова. Для той же бутафории Ворошилов назначается на действительно бутафорскую должность — «президентом», то есть председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Нужно еще раз засвидетельствовать перед партией и страной, что Сталин умер естественной и оплакиваемой всем Политбюро смертью, а потому ему устраивают сверхимператорские похороны: Хрущев назначается председателем похоронной комиссии, Маленков, Берия и Молотов

произносят траурные речи (первые два — лицемерные, последний — искреннюю). Забальзамированного, как фараона, Сталина кладут рядом с другим фараоном в Мавзолей на Красной площади.

Мне возразят: сама дочь Сталина видела слезы на глазах Хрущева, Маленкова и Булганина в день смерти Сталина. Но плачут не всегда от горя, а иногда и от радости.

Глава XII

КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ?

Если существование антисталинского заговора надо считать фактом неоспоримым (как по условиям сложившейся наверху олигархии, так и по объективным результатам переворота), — то вопрос, как произошел сам переворот, остается всё еще одной из самых глубоких тайн Кремля. Да это и понятно. Как произошло убийство Павла I (1801 г.), Россия узнала только через 100 лет, после революции 1905 года. Это объясняется преемственностью интересов царствующего дома — независимо от личности отдельных царей.

У большевиков же преемственна сама конспиративность системы, и пока не наступит полная ликвидация сталинщины, к архивам «дела Сталина» доступа не будет. Поэтому сейчас мы вынуждены строить догадки о том, как в действительности умирал Сталин, только сопоставляя высказывания советских и западных (получивших сведения из коммунистических кругов) источников.

После XX съезда, после «Закрытого письма ЦК» к партии, после ряда статей в печати в начале 1956 года с разоблачениями Сталина советские и иностранные коммунисты начали бомбардировать ЦК КПСС письмами и запросами:

«Если Сталин был такой негодяй, то что же делали вы, ведь он без вас был ничто?» ЦК решил, что настало время сказать что-то важное. Было издано постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий». В нем ЦК первый и последний раз признал, что антисталинские руководители ЦК («четверка») не сидели сложа руки. В их лице был создан противовес Сталину:

«XX съезд партии и вся политика ЦК после смерти Сталина ярко свидетельствуют о том, что внутри ЦК имелось сложившееся ленинское ядро руководителей» («Правда», 2 июля 1956 г.).

Так как в это «сложившееся ленинское ядро руководителей» не входил сам Сталин, то абсолютно ясно, что оно и сложилось против него. Таким образом, это «ленинское ядро» и есть псевдоним антисталинского заговора. Заговор фактически признается, но о технике его осуществления умалчивается (только через 10 лет после смерти Сталина Хрущев немножко приподнял завесу над этой тайной). Однако сначала разберем версии, появившиеся в западной прессе.

Первая версия принадлежит Илье Эренбургу — подставному лицу, рупору тогдашнего руководства Кремля. Поручая Эренбургу эту миссию, Кремль преследовал те же цели, что и в постановлении ЦК от 30 июня 1956 года о «культе личности»: дать понять, что, когда Сталин создавал дело «врачей-вредителей», руководители ЦК не сидели сложа руки. Свою версию Эренбург рассказал французскому философу и писате-

лю Жан-Полю Сартру. После публикации во французской прессе она обошла и всю мировую печать.

Вкратце рассказ Эренбурга сводится к следующему: 1 марта 1953 года происходило заседание Президиума ЦК КПСС. На этом заседании выступил Л. Каганович, требуя от Сталина: 1) создания особой комиссии по объективному расследованию «дела врачей»; 2) отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР (новая «черта оседлости»).

Кагановича поддержали все члены старого Политбюро, кроме Берия (?!). Это необычное и небывалое единодушие показало Сталину, что он имеет дело с заранее организованным заговором. Потеряв самообладание, Сталин не только разразился площадной руганью, но и начал угрожать бунтовщикам самой жестокой расправой. Однако подобную реакцию на сделанный от имени Политбюро ультиматум Кагановича заговорщики предвидели. Знали они и то, что свободными им из Кремля не выйти, если на то будет власть Сталина. Поэтому они приняли и соответствующие предупредительные меры, о чем Микоян заявил бушующему Сталину: «Если через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль!» После этого заявления Берия тоже отошел от Сталина. Предательство Берия окончательно вывело Сталина из равновесия, а Каганович, вдобавок, тут же, на глазах Сталина, изорвал на мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК КПСС и швыр-

нул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания. Только в шесть часов утра 2 марта к Сталину были допущены врачи («Die Welt», 1 сентября 1956 г.).

«Выстрелом» Эренбурга послесталинский ЦК хотел убить трех зайцев: во-первых, мы не бездействовали, когда Сталин хотел создать новую «черту оседлости» для советских евреев; во-вторых, Сталин умер не без нашей вины; в-третьих, Берия, как всегда, был со Сталиным, но перешел на нашу сторону, когда увидел, что армия с нами. Отметим, что как и в будущих рассказах Хрущева, в версии Эренбурга врачи к Сталину вызываются только на второй день его смертельного удара.

Через год — в 1957 году — Кремль инспирировал выступление за границей бывшего члена Президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС, а потом посла СССР в Голландии Пономаренко. И хотя Пономаренко, по существу, лишь подтвердил рассказ Эренбурга, его версия, поскольку он был официальным лицом и членом ЦК, была подхвачена мировой прессой как величайшая сенсация.

Вот эта версия. Сталин в конце февраля 1953 года созвал заседание Президиума ЦК и сообщил о показаниях «врачей-вредителей» — как они умерщвляли видных деятелей партии и как они собирались делать это и дальше. Одновременно Сталин представил на утверждение Президиума ЦК проект декрета о депортации всех евреев в

Среднюю Азию. Тогда выступили Молотов и Каганович с заявлениями, что такая депортация произведет катастрофическое впечатление на внешний мир. Сталин пришел в раж, начал разносить всех, кто осмеливался не соглашаться с его проектом. Еще раз выступил Каганович, на этот раз резко и непримиримо, демонстративно порвал свой партбилет (членский билет Президиума ЦК? — А. А.) и бросил его на стол перед Сталиным. Каганович кончил речь словами: «Сталин позорит нашу страну!». Кагановича и Молотова поддержали все, и негодующий Сталин вдруг упал без сознания — с ним случился коллапс. Берия пришел в восторг и начал кричать: «Тиран умер, мы — свободны!», — но когда Сталин вдруг открыл глаза, Берия якобы стал на колени и начал просить у Сталина извинения. (Эта банальная сцена с Берия присутствует во многих советских инспирациях.)

Автор, у которого мы взяли версию Пономаренко, спрашивает: «Было ли Сталину разрешено умереть своей смертью или, как упорно утверждают слухи, против него организован заговор его наследников?» (Victor Alexandrov. *The Kremlin*, p. 326).

По словам Эренбурга, сам Сталин был глубоко убежден, что члены Политбюро организовали заговор с целью убить его. Только очень странно и в свете дальнейших событий просто необъяснимо, что Сталин перепутал воображаемых заговорщиков с подлинными. В рассказе, приписываемом Эренбургу, говорится: «После XIX съез-

да стало ясно, что у Сталина мания преследования... Он готовил самую великую кровавую чистку, хотел физически уничтожить ЦК XIX съезда. Он в разговорах высказывал мысль, что Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян хотят убить его» (там же).

Эти высказывания или подозрения Сталина полностью согласуются с его повседневным поведением и с его отношением к своим соратникам. Как мы видели, Сталин их всех открыто обвинял в измене.

После XXII съезда КПСС вновь встал вопрос о смерти Сталина — неужели тиран, совершивший столько преступлений (о них говорил на съезде не только Хрущев, но и все новые члены Президиума ЦК), умер своей смертью?

Разоблачения чудовищных преступлений Сталина (от массовых расстрелов по «спискам», без суда, старых большевиков и даже жен многих из них и до новых подробностей убийства Кирова) так, видно, задела партию, что в ней нарастало возмущение: почему же такого негодяя не убили?

В 1963 году Хрущев, открыто сказав, что люди негодуют, что Сталин не умер на десять лет раньше, заявил: «Они правы».

Как раз через десять лет после смерти Сталина, после двухлетней интенсивной антисталинской пропаганды со времени XXII съезда, Хрущев впервые отважился осветить и некоторые подробности смерти Сталина. Сделал он это перед деятелями польской компартии. Или круг слуша-

телей был слишком широк, или это входило в планы Хрущева, но кое-какие рассказанные им новые детали попали на страницы французского журнала «Paris Match» и были перепечатаны с комментариями в немецком журнале «Der Spiegel» (№32, 1963).

Свой анализ «Шпигель» начинает с утверждения: «Целый ряд улики говорит за то, что Сталин ни в коем случае не умер естественной смертью, как нас в свое время хотели уверить официальные сообщения».

Эта версия Хрущева рисует события так: Сталин умер вовсе не на кремлевской квартире, а в 84 километрах от Москвы в бывшем имении графа Орлова (это и есть кунцевская дача). Здесь, полностью изолированный от внешнего мира, Сталин был «пленником собственного страха». В ночь на 2 марта охраной Сталина сюда были срочно вызваны Хрущев, Маленков, Берия и Молотов (мы уже знаем, что Молотова среди них не было, но был Булганин. — А. А.). Охрана сообщила, что Сталин уже много часов не подает признаков жизни. Охрана не могла узнать, в чем дело, из-за сложности внутренней системы сообщения между тремя отдельными помещениями, в одном из которых находился Сталин. Открыть двери мог только он сам — при помощи специального электрического механизма. Так как никто из охраны не знал, в какой именно комнате находился Сталин, пришлось взламывать все двери подряд: открыли одну, открыли вторую — и здесь нашли Сталина. Он безжизненно лежал

на полу, одетый в форму генералиссимуса. Первым отозвался Берия: «Тиран мертв, мертв, мертв», — торжествующе кричал он. В этот момент Сталин широко открыл глаза. Нет, он жив. Маленков, Хрущев, Молотов вышли из комнаты. Берия, постоянно носивший с собою ампулы с ядом, остался наедине со своим мстительным владыкой. Только через пять часов (якобы из-за большой гололедицы на дорогах) вызвали врачей.

Такова версия Хрущева, поляков, французского журнала. Очень важно заметить, что немного ранее (8 марта 1963 г.) Хрущев на приеме представителей советской интеллигенции совершенно недвусмысленно намекнул, что Берия не только не скрывал своего торжества по поводу смерти Сталина, но он был и заинтересован в его преждевременной смерти («Шпигель», там же). Если в смерти Сталина заинтересован только один Берия, так зачем же его оставлять наедине, да еще с ядом, с беспомощным, тяжело больным Сталиным?

Мы разобрали в этих двух главах пять версий последних дней Сталина: 1) Эренбурга — 1956 г., 2) Пономаренко — 1957 г., 3) Гарримана — 1959 г., 4) журнала «Paris Match» — 1963 г., 5) «Khrushchev Remembers» — 1970 г. Существует еще одна, шестая версия, исходящая из кругов реабилитированных старых большевиков. Эта версия получена при исключительных обстоятельствах, о которых еще рано писать. Излагая ее, я за нее так же мало ручаюсь, как и за предыдущие.

Многие из реабилитированных еще при жизни старых большевиков принимали видное участие в комиссиях по расследованию преступлений Сталина (некоторых из них автор этих строк хорошо знал по Москве и по Кавказу). Их-то в первую очередь интересовало: при каких всё-таки обстоятельствах умер Сталин?

Версия «старых большевиков», конечно, тоже могла родиться под влиянием Хрущева, который очень хотел морально реабилитировать себя перед ними: здесь инициатором устранения Сталина выступает Хрущев, а Берия поручается лишь «грязная работа».

Однако, анализируя обстоятельства смерти Сталина, я этой версией не воспользовался, за исключением того, что относится к «делу врачей» (эта часть поддается объективной проверке, см. следующую главу). Почему? По двум причинам: во-первых, установить ее подлинное происхождение отсюда, из-за границы, невозможно; во-вторых, на некоторых местах рассказа «старых большевиков» лежит налет пропаганды хрущевских кагебистов. Тем не менее в этом рассказе попадают вполне правдоподобные сцены*.

* Рассказ дошел до меня в 1970 году, но он относится к периоду между XXII съездом и свержением Хрущева. Правдоподобность его увеличивает и тот факт, что когда (в 1972 году) я рассказал эту версию человеку, хорошо информированному о внутренних делах КПСС, — председателю Исполнительного Бюро НТС Е. Р. Романову, — то он сообщил мне о таком же, по сути, рассказе, полученном им и только в деталях расходящемся с моим. Мы эти рассказы получили из разных источников и в разное время.

Согласно этой версии, события 28 февраля—1 марта развиваются так, как рассказано у Хрущева: «четверка» посетила Сталина, они вместе мирно и весело ужинали, но встреча состоялась вовсе не по инициативе Сталина. Ее предложил Маленков под предлогом, что нужны указания Сталина по вопросам, которые будут обсуждаться на заседании Совета министров в понедельник 2 марта. За неделю до этого Сталин сообщил Бюро Президиума ЦК, что процесс над «врачами-вредителями» назначен на середину марта, и вручил им копии «Обвинительного заключения», подписанного генеральным прокурором СССР. Этот документ, как и комментарии генерального прокурора, ставленника Берия — Сафонова, о беседе со Сталиным окончательно рассеяли всякие сомнения в истинных намерениях Сталина. Выходило, что американцы во время войны сумели создать свои агентурные точки не только в кремлевском медико-санитарном управлении, но даже в ЦК (Лозовский) и МГБ (Абакумов). Англичане то же самое сделали еще до войны, а во время войны расширили свою сеть, завербовав туда членов ЦК Кузнецова, Попкова, Родионова. Об армии ничего не говорилось, кроме того, что ее второстепенные лидеры были предназначены к отравлению (Василевский, Говоров, Штеменко, Конев). Но и здесь между строк было видно, что только такие обиженные маршалы, как Жуков, Воронов, Юмашев, Богданов могли быть заинтересованы в этом. Вопрос о том, кто был заинтересован в умерщвлении Жданова

и Щербакова, оставался открытым. Однако, все знали, что Берия и Маленков никогда не были в хороших отношениях с ними, и если, например, Сталин действительно убил Жданова, то он его убил руками Берия, как Кирова — руками Ягоды.

Словом, стало ясно, что процессом врачей дело не кончится, а — как в 1937 году — полетят головы и у многих членов Политбюро. Когда Берия, Маленков, Хрущев и Булганин проштудировали этот документ, то, по предложению Хрущева, они решили коллективно обсудить положение. Встреча состоялась в подмосковном лесу, под видом охоты (в четырех стенах на данную тему никогда не говорилось). Было решено — из-за состояния здоровья Сталина, не позволяющего ему участвовать в оперативной работе партии и правительства, предложить ему подать в отставку со всех постов. Но ведь Сталин, чтобы выиграть время, мог подписать любой документ, а потом уничтожить его инициаторов. Как быть? Хрущев якобы обратился к Берия:

— Лаврентий Павлович! Ты — специалист в таких делах, а мы в этом ни черта не понимаем, скажи, как сделать так, чтобы Сталин и дальше жил, но не вмешиваясь в дела партии и государства?

Берия понял намек и без всяких экивоков ответил, что Сталин за решеткой был бы еще более опасен, чем на воле; он и после смерти еще долго будет вмешиваться в дела, если от него не отмежеваться. Однако ничего конкретного Берия не предложил.

Тогда Маленков предложил заставить Сталина прочесть заявление об отставке по радио и телевидению, а потом изолировать его от всего мира на Соловецком острове. Берия это решительно отверг:

— Оттуда его освободят китайцы — из сочувствия, или американцы — из любопытства, как во время войны немцы освободили Муссолини.

Но, ободренный предложением Маленкова, Берия заявил, что он и чекисты могут ручаться только за мертвого Сталина. Это было то, что думал и Хрущев, но он хотел это услышать от Берия.

Искренность Берия была несомненна: ведь и его собственная голова находилась в опасности. Маленков, не без колебания, присоединился к Берия и Хрущеву. После этого Берия поручили разработать план «отставки Сталина». Плану дали даже кодовое наименование «Моцарт» — из пушкинского «Моцарта и Сальери»* (тем самым как бы предreshалось, что в ход будет пущен яд).

Через несколько дней Берия пригласил к себе на дачу Маленкова, Хрущева и Булганина послушать только что полученные из-за границы пластинки классической музыки, в том числе и «Моцарта». Во время новой лесной прогулки Берия и «сыграл» им две пластинки «Моцарта» — пред-

* Интересное совпадение: Хрущев, который никогда не ссылался на классиков, в одной из своих антисталинских речей цитировал как раз это произведение Пушкина, говоря, что «злодей не может быть гением».

ложил два детально разработанных плана: «малый» и «оптимальный».

«Малый план» предусматривал «отставку Сталина» без участия посторонних сил. У Сталина на очередном ужине с «четверкой» в Кунцеве должен случиться смертельный удар — такой, чтобы он сразу не умер, но и не смог бы выжить. Умирать Сталин должен был при свидетелях, в том числе таких, как его дети и врачи.

«Оптимальный план» предусматривал взрыв дачи Сталина, когда он спит (значит — днем). Под видом продуктов нужно было доставить динамит для взрыва не только помещения Сталина, но и прилегающих зданий, чтобы заодно ликвидировать и лишних свидетелей.

За успех «малого плана» должны отвечать все четверо, ответственность за успех «оптимального плана» Берия брал на себя лично. В каждом из этих планов предусматривались и превентивные меры: из Москвы надо было удалить, под разными предлогами, явных сторонников Сталина, — особенно тех, кто ведал средствами коммуникации и информации (Министерство связи, радио и телевидения, ТАСС, редакции «Правды» и «Известий»), а также некоторых видных руководителей из Министерства обороны, МГБ, МВД и комендатуры Кремля. В то же время наиболее надежных сторонников «четверки» (маршал Жуков и др.) следовало вызвать в Москву. Все средства связи дачи Сталина, его кремлевской квартиры и служебных кабинетов, начиная с определенного X-часа выключались из всех общих и специальных прави-

тельственных проводов. Все машины дачи, Сталина, охраны и obsługi «конфисковывались» с начала X-часа. Все дороги к даче и от нее — как по земле, так и по воздуху — закрывались для всех, в том числе для всех членов Президиума ЦК, кроме «четверки».

Функции членов «четверки» были четко разграничены: Берия отвечал за «оперативную часть» плана, Маленков — за мобилизацию партийно-государственного аппарата, Хрущев — за столицу и коммуникацию, Булганин — за наблюдение за военными. С самого начала X-часа «четверка» объявляла о «тяжелой болезни» Сталина и брала в руки власть «до его полного выздоровления». Так легализовывались все действия заговорщиков.

Самым оригинальным в этом рассказе надо считать, пожалуй, то, что заговорщики утвердили оба плана сразу! Начать решили с «малого плана», но в случае его провала, тут же пускался в ход запасной, «оптимальный план». Если заговор, так с абсолютно гарантированным успехом, — этому учил ведь и сам Сталин («бить врага надо наверняка!»).

После такой подготовки и состоялась встреча «четверки» со Сталиным на его даче в Кунцеве вечером 28 февраля 1953 года. Поговорив по деловым вопросам и изрядно выпив, Маленков, Хрущев и Булганин уезжают довольно рано — но не домой, а в Кремль. Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одно-

му варианту — мужчина, адъютант Берия, а по другому — женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно.

Таков рассказ «старых большевиков». При этом невольно вспоминается то место из книги Аллилуевой, где сказано несколько слов о какой-то таинственной женщине-враче у постели умирающего Сталина: «Молодые врачи ошалело озирались вокруг... Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали» (Двадцать писем к другу, стр. 7).

Я думаю, что выяснение роли данной женщины-врача при Берия было бы очень важно. Интересно, где же Аллилуева видела эту женщину до смерти Сталина и видела ли она ее после его смерти?

В связи с разбираемыми версиями интересно и следующее замечание А. Солженицына: «Есть признаки, что перед смертью Сталина Берия был в угрожаемом положении — и может через него-то

Сталин и был убран» (Архипелаг ГУЛаг, т. I, стр. 166).

Во всех версиях, рассказанных двумя членами Президиума сталинского ЦК и одним советским писателем, поразительно неизменны три утверждения:

1) смерть Сталина сторожат из Политбюро только четыре человека — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин;

2) к Сталину врачей вызывают только на вторые сутки;

3) в смерти Сталина заинтересован лично Берия.

Отсюда два логических вывода:

1) несмотря на исключительную тяжесть болезни Сталина (потеря сознания), к нему намеренно не вызывали врачей, пока «четверка» не убедилась, что смертельный исход неизбежен;

2) поскольку вызовом врачей распоряжался (даже по долгу службы) один Берия, то он, очевидно, вызывал тех, кто будет исполнять его волю — поможет Сталину умереть.

Эти врачи, видимо, не имели никакого отношения к Лечебно-санитарному управлению Кремля. По крайней мере, Аллилуева никого из них не знала, а Хрущев говорит, что он знал только проф. Лукомского. Не все вызванные врачи и осмотрели Сталина. Они сидели в соседних комнатах и, как рассказывает Аллилуева, «заседали» — как лечить Сталина. Данные о ходе болезни и ее симптомах сообщал другой врач, — тоже никому, кроме Берия, не известный.

Предположение о причине болезни Сталина также может быть двояким:

1) Сталин получил удар, когда ему предъявили ультиматум о «врачах-вредителях» с угрозой пустить в ход вооруженные силы;

2) Берия отравил Сталина ядом замедленного действия.

Короче: удар от Политбюро или яд от Берия?

В двух версиях (Эренбурга и Пономаренко) до XXII съезда (1961 г.) говорится, что причиной смерти Сталина был удар от волнения, и нет даже намек на насильственную смерть; только после XXII съезда появляются новые версии причины смерти — применение яда (см. выше) или других видов насилия (см. дальше).

Относительно возможного покушения на его жизнь у Сталина был определенный комплекс всех восточноазиатских деспотов — он боялся именно отравления. Сталин считал потенциальным отравителем любого из членов Политбюро. Хрущев рассказывает просто анекдотические случаи, когда, садясь со своими соратниками за стол, Сталин сначала заставлял каждого из них, под различными, хотя и весьма прозрачными предложениями, пробовать всё, что подано, и лишь после этого сам начинал пить и есть. Лишь Берия не должен был пробовать пищу: он ел только зелень и привозил ее с собою (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 321). Это не очень правдоподобное исключение для Берия (от которого, по предыдущему рассказу Хрущева, Сталин ожидал любой подлости). Хрущев делает, видимо, чтобы

показать, как Берия мог перехитрить самого Сталина.

Что Сталин больше всего боялся отравления, показывает и та тщательность, с которой он оградил свою крепость-дачу от проникновения яда не только в пищу, но и в воздухе: «К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставляли с юга самолетом. Он не знал, сколько требовалось транспортировок за государственный счет, чтобы регулярно доставлять все это к столу... «база» существовала главным образом для того, чтобы специальные врачи подвергали химическому анализу на яды все съедобное, поставлявшееся ему на кухню. К каждому свертку с хлебом, мясом или фруктами прилагался специальный «акт», скрепленный печатями и подписью ответственного «ядолога»: — «Отравляющих веществ не обнаружено». Иногда доктор Дьяков появлялся у нас на квартире в Кремле со своими пробирками и «брал пробу воздуха» из всех комнат» (С. Аллилуева. Только один год, стр. 335-336).

Разумеется, когда сам Берия захочет отравить Сталина, все эти предосторожности не будут играть никакой роли, тем более, что «Внутренний кабинет» Поскрёбышева исчез, как и генерал Власик, как и все врачи Сталина. После этого Сталин жил только милостью Берия.

«Проблема Сталина» для Берия в принципе тогда уже была решена, важнее для него было

другое — заполучить дружелюбный нейтралитет молотовцев и активную поддержку членов «четверки». Хрущев не отрицает, что Берия умел ловко подбирать людей, обиженных Сталиным: «Берия имел привычку завербовывать в свою сеть людей, у которых возникали трудности со Сталиным. Он ими тогда пользовался для собственной интриги» (Khrushchev Remembers, vol. I, p. 95).

Ход и исход антисталинского переворота показывают блестящий успех этого метода «вербовки обиженных». В решающие минуты около Сталина не оказалось никого: ни «старой гвардии» Сталина — молотовцев, ни «вернейшего оруженосца» Поскрёбышева, ни пожизненного лейбохранника Власика, ни преданного сына Василия, ни даже личного врача Виноградова. Смерть Сталина караулит и регулирует Берия при неизменном присутствии трех его соучастников: Маленкова, Хрущева, Булганина, изменивших и Сталину, и Берия, и самим себе.

Почему и как они изменили Сталину — об этом говорят два исключительно важных официальных свидетельства. Об одном из них (исходящем от Микояна) говорит Энвер Ходжа.

Первый секретарь ЦК албанской компартии Энвер Ходжа был в наилучших отношениях с Москвой почти до XXII съезда КПСС. Судя по всему, единственным его недостатком было то, что он оставался убежденным сталинцем, когда в Москве таковых уже давно не было. Непрерывающаяся критика Сталина в эпоху Хрущева

заставила его задуматься: не свидетельствует ли эта критика о нечистой совести наследников Сталина, не совершили ли они злодеяние, которое хотят оправдать задним числом? Самые интенсивные поиски правды в коммунистических кругах СССР и Восточной Европы привели Энвера Ходжу к катастрофическому для него выводу: «Советские лидеры — заговорщики, которые имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Так заявил Энвер Ходжа в речи от 24 мая 1964 года (R. Conquest. The Great Terror. London, 1971, p. 172).

Поскольку было ясно, что устами Энвера Ходжи Москву обвиняет сам Мао Цзэ-дун, Москва не могла не ответить на это выступление, не сказать, почему же сталинцы убрали Сталина. Ответ дал лично Хрущев на митинге 19 июля 1964 года в честь венгерской партийно-правительственной делегации во главе с Яношем Кадаром. (И время, и делегация были избраны не случайно: Кадар, арестованный по приказу Сталина, подвергался на допросах нечеловеческим пыткам и остался жив лишь благодаря смерти Сталина.) В этой речи, передававшейся через прямую трансляцию по всему СССР и через «Intervision» по всей Восточной Европе, Хрущев во всеуслышание признался в насильственной смерти советского диктатора:

«Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем... Напрасны потуги тех, которые хотят руко-

водство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... И никто не обелит (его. — А. А.) ... Черного кобеля не отмоешь добела (*аплодисменты*)... *В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором»* (Радио Москва I, 19 июля 1964 г., 11.55 средневропейского времени, мониторинговая радиозапись станции «Свобода»). Выделенные слова о тиранах газеты «Правда» и «Известия» при напечатании речи Хрущева вычеркнули, но их слышали многие миллионы людей в СССР и Европе. Слова о тиранах, правивших при помощи топора и от топора погибших, были сказаны прямо по адресу Сталина в присутствии руководителей ЦК, правительства, армии, полиции, страны, всего мира.

Не в том загадка смерти Сталина, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло. Поставленные перед альтернативой: кому умереть — Сталину или всему составу Политбюро, — члены Политбюро выбрали смерть Сталина. И, по-человечески, никто не может ставить им в вину такой выбор.

Это был единственный случай в истории советского государства, когда интересы членов правительства совпали с интересами народа.

Глава XIII

КОНЕЦ БЕРИЯ

Замести следы преступления и создать себе безупречное алиби — инстинктивная реакция всякого убийцы. Чем интеллигентнее убийца, тем искуснее он это делает. Но только убийцы, имеющие абсолютную власть, могут создать себе абсолютное алиби. Чтобы замести следы, они совершают серию новых убийств: свидетели, исполнители, близкие люди убитого исчезают навсегда. Однако только у Сталина и его учеников организация политических убийств лиц, групп, классов и даже целых народов впервые сделалась особой отраслью криминального искусства с заранее созданными алиби.

Сталин был единственным тираном в истории, который убивал не только врагов, но и своих лучших друзей, если этого требовали его личные интересы. При этом алиби создавалось всем известной преданностью ему убиваемых — Менжинского, Куйбышева, Горького, Орджоникидзе, Кирова. Но Сталин заметал следы и в этих случаях. Брат Куйбышева (герой гражданской войны) и брат Орджоникидзе (старый грузинский революционер) были расстреляны. Расстреляны были некоторые из сотрудников и близких людей Горького, в том числе его личный секретарь.

Было уничтожено всё окружение С. М. Кирова: его самый близкий друг еще до революции, второй секретарь Ленинградского обкома, член ЦК М. С. Чудов и его жена Шапошникова были расстреляны, расстреляны были все члены бюро Ленинградского обкома во главе с бывшими членами ЦК Угаровым, Смородиным, виднейшим идеологом партии Позерном, расстреляны были даже технические сотрудники Кирова.

Как рассказывал Хрущев на XX и XXII съездах партии, начальника личной охраны Кирова, его адъютанта еще с гражданской войны — Борисова — убили в «автомобильной катастрофе» 2 декабря 1934 года, когда его везли на допрос к Сталину, Молотову, Ворошилову и шефу НКВД Ягоде, потом расстреляли тех двух чекистов, которым было поручено убийство Борисова. Расстреляли и того, кто, по поручению Сталина и Ягоды, непосредственно руководил операцией убийства Кирова — заместителя начальника Ленинградского НКВД Запорожца, расстреляли также непричастного к убийству Кирова, но дружившего с ним начальника НКВД Медведя, расстреляли, наконец, Ягоду и всех его помощников.

Сталин уничтожил как всех свидетелей убийства Кирова, так и всех исполнителей. Хрущев заявил на XX съезде: «Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 19). На XXII съезде Хрущев повторил:

«Они были уничтожены, чтобы замести всякие следы» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. II, 1961, стр. 583-584).

Хрущев говорил от имени ЦК и на основании документов секретных архивов НКВД, ЦК КПСС и показаний чудом оставшихся в живых свидетелей. Скажут, что тогда уничтожали всех без разбора. Нет, это делали весьма разборчиво. Существовал неписанный закон: чем ближе к Сталину стоял тайно убитый им человек, тем основательнее уничтожалось его окружение. Это относилось даже и к семье самого Сталина: он расстрелял шурина, старого большевика Сванидзе, он расстрелял свояка, старого чекистского комиссара Реденса, он после войны сослал жену своего сына Якова, отняв у нее ребенка, он арестовал сестер своей жены — дочерей друга Ленина Аллилуева. Почему? Когда его дочь, недоумевая, спросила, в чем же вина ее теток, то Сталин ответил с несвойственной ему искренностью: «Знали слишком много» (Двадцать писем к другу, стр. 182).

Вот за тех, кто «знал слишком много», и взялся Берия сразу после смерти Сталина. К ним, кроме соучастников Берия, относились: 1) две комиссии врачей — одна «лечившая» Сталина и другая — засвидетельствовавшая, что Сталина лечили «правильно»; 2) охрана и прислуга Сталина на даче в Кунцево.

Большинство врачей из этих двух комиссий исчезли сразу после смерти Сталина. Один из врачей, участвовавших во вскрытии тела Стали-

на, — профессор Русаков, — «внезапно» умер. Лечебно-санитарное управление Кремля, ответственное за лечение Сталина, немедленно упраздняется, а его начальник И. И. Куперин арестовывается. Министра здравоохранения СССР А.Ф. Третьякова, стоявшего по чину во главе обеих комиссий, снимают с должности, арестовывают и вместе с Купериным и еще с двумя врачами, членами комиссии, отправляют на Воркуту. Там он получает должность главврача лагерной больницы (Th. Wittlin. Commissar. The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria. New York, 1972, p. 387).

Реабилитация их происходит только спустя несколько лет, а это доказывает, что заметал следы не один Берия, а вся «четверка».

Не менее круто поступил Берия с кунцевской охраной и «обслужбой» Сталина: ведь эти люди не только были свидетелями того, что происходило вокруг Сталина, но, очевидно, и рассказали Василию Сталину, как бериевские «врачи» лечили его отца.

Если бы Сталин умер естественной смертью «под постоянным наблюдением ЦК и правительства», как гласило «Правительственное сообщение» от 4 марта 1953 года, то не происходили бы те «странные события» в Кунцеве, о которых пишет, впрочем, не вдаваясь в причины происходящего, дочь Сталина:

«Дом в Кунцеве пережил, после смерти отца, *странные события*. На второй день после смерти его хозяина, — еще не было похорон, — по

распоряжению Берия созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживавших дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение. Спорить с Берия было никому невозможно. Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами всё на грузовики, — всё куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда. Многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали — в чем их вина? Почему на них так ополчились?» (Двадцать писем к другу, стр. 21-22).

Берия мог бы ответить на это так же, как и Сталин: они «знали слишком много». Поэтому их разослали по дальним городам, чтобы там без суда и без шума ликвидировать. Люди, понимавшие это, не дожидаясь расправы, кончали с собою.

Наконец, была еще одна группа свидетелей — соучастники Берия: Маленков, Хрущев и Булганин. Сами по себе личности не выдающиеся, они всё-таки представляли важнейшие институции: Маленков — государственную бюрократию, Хрущев — партийный аппарат, Булганин — армию. С ними Берия думал поступить так, как поступает всякий уважающий себя бандит: честно поделить добычу — власть. Будучи на вторых ро-

лях во время «лечения» Сталина, они после его смерти получили от Берия всю юридическую партийно-государственную власть с одной негласной оговоркой, запечатленной в новом кремлевском протоколе иерархии вождей: Берия согласился быть вторым лицом в государстве, чтобы управлять первым.

В момент переворота (Москва была тогда окружена и оккупирована полицейскими войсками Берия) Берия легко мог занять один из постов Сталина — главы правительства или главы ЦК, или даже оба вместе. Хрущев говорит, что Берия дважды, сначала в сороковых, а потом в пятидесятых годах (после смерти Сталина) «делал маневры» стать во главе партии и государства (Khrushchev Remembers, vol. II, p. 95). Если он от этого намерения отказался, то тут роль, вероятно, сыграли соображения чисто психологического порядка: после двадцатилетней тирании в СССР грузина Сталина другому грузину, чтобы занять его пост, надо было бы быть дважды Сталиным, а перед такой перспективой должен был спастись даже Берия.

Другая причина была не менее веской: профессиональный чекист Берия в глазах народа был не слугой Сталина, а суверенным соучастником, порою даже вдохновителем сталинских преступлений. Если бы Берия мог открыто заявить: «Я его родил, но я его и убил», — то еще неизвестно, как пошла бы дальнейшая история. Есть очень серьезные основания думать, что он это и

собирался сделать — и не на словах, как потом Хрущев, а на деле.

Берия был не только полицейским: как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что Сталиным кончалась целая эпоха, что отныне стать великим и успешно править может только Анти-Сталин. Действительно, выяснилось, что штыками можно завоевать и собственную страну, но управлять ею, вечно сидя на этих штыках, более чем неудобно. «Спуск на тормозах», — такой представляется мне политическая программа Берия.

Конечно, располагая только антибериевской информацией советской официальной истории и зная самого Берия как верховного инквизитора страны на протяжении почти 20 лет, трудно представить себе, что он мог превратиться в собственного антипода. В политике, однако, возможны всякие метаморфозы. Еще Ленин пророчески предсказал перерождение своих учеников: «История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. 1961, стр. 27-28). Так оно и оказалось, когда, по словам Муссолини, «большевизм переродился в славянский фашизм».

После смерти Ленина партия выдвинула лозунг: «Без Ленина, но по ленинскому пути» — и попала в точку. Ленин отменил «военный коммунизм», дал нэп, сохранил Советы, ограничил

ГПУ, разрешил творческие объединения в искусстве без «соцреализма», но с частными издательствами, боролся с «пролеткультами», заигрывал со «сменовеховцами», обещал восстановить все свободы и права (Программа партии) — и умер. Страна была согласна идти по этому пути. Можно ли теперь сказать народу: «Без Сталина, но по сталинскому пути»? Из бесконечного потока сводок сексотов Берия первым из членов Политбюро знал ответ народа на этот вопрос: великий вздох облегчения, всеобщие надежды на перемены. Берия отлично понимал, что, только используя эти надежды, можно добиться успеха.

Не из любви к народу, не из ненависти к Сталину и не из раскаяния в содеянных преступлениях, а исходя из политических расчетов и личных интересов в новых условиях, Берия решил возглавить движение за реформы. Убивая Робеспьера, термидорианцы совсем не собирались сдать в музей гильотину, но когда они увидели, с каким ликованием народ встретил гибель вершителя террора, то решили воспользоваться этим недоумением и возглавить движение за гуманность. Впиваясь глазами в умирающего учителя, Берия, быть может, тоже не собирался управлять иначе, чем Сталин, однако молчаливая, но грозная радость народа по поводу смерти тирана надоумила его: надо воспользоваться редким в истории случаем, когда сам палач может возглавить движение народа против наследства величайшей из тираний. То, что Хрущев сделал со Сталиным через три года на XX съезде (1956 г.),

Берия хотел начать сейчас же. Он и начал это, освободив 4 апреля 1953 года «врачей-вредителей» и сам же обвинив сталинско-бериевскую полицейскую систему в фальсификации, фабрикации дел и инквизиции.

Начало десталинизации и даже возникновение самого выражения «культ личности» ошибочно связывается с Хрущевым и XX съездом: впервые это выражение было употреблено через три месяца после смерти Сталина, когда Берия был фактически правителем страны. В статье без подписи «Коммунистическая партия — направляющая и руководящая сила советского народа» (безусловно, напечатанной по решению Президиума ЦК) «Правда» от 10 июня 1953 года писала: «Пережитки давно осужденных партией антимарксистских взглядов на роль масс, классов, партии, элементы *культа личности до самого последнего времени* имели место в пропагандистской работе, проникли на страницы отдельных книг, журналов и газет». Статья констатировала: «сила нашего партийного и государственного руководства в его *коллективности*», а «существо политики нашей партии изложено в выступлениях Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и В. М. Молотова».

Эту скрытую антисталинскую программу Берия, несомненно, разделял и Маленков, но Хрущев был против нее, ибо она вела к популярности Берия и Маленкова, что не входило в его честолюбивые планы. Никакой собственной программы при этом у Хрущева не было, его только

не устраивало создание новой «тройки» — Маленков, Берия, Молотов.

Уже цитированный нами советский писатель Николай Сизов писал: «Не всё еще улеглось после смерти Сталина. Во главе страны встал Маленков, рядом с ним были Молотов и Берия. По-разному относились в стране и партии к этим людям. Молотова знали как старого деятеля партии, но его сухость, скептицизм и какая-то тягучая, чиновничья манера мыслить настораживали. Про Маленкова некоторые говорили, что он хороший организатор, но Заградин (прототип Хрущева в романе. — А. А.) сказал:

— Чепуха. Кроме бумаг и почета ничего не видел и не знает.

Берия не любил все, или, во всяком случае, абсолютное большинство. Его желтоватое, квадратное лицо, прищуренный взгляд холодных, мутных глаз со стеклами пенсне, вызывали невольное чувство беспокойства. Но об этом боялись говорить даже шёпотом. У людей подспудно, где-то в глубине души нет-нет да и мелькала мысль: а так ли надо? Те ли руки взяли руль партии и государства?» («Октябрь», №4, 1964, стр. 109).

Как и всякому выученику Сталина, Хрущеву была важна не программа, сталинская или анти-сталинская, а власть, важно было взять этот самый «руль партии и государства» из «тех рук» в свои собственные руки. Мы уже знаем, что Хрущев этого потом добился, но добился из-за

того, что никто из его коллег и не помышлял, что ему по плечу такая задача.

Тут история той же партии как бы вновь повторилась: Сталина единодушно выдвинули на пост «генсека» при Ленине, ибо его считали «тихоней» и бездарью и собирались использовать его в своих целях. Выдвигая Хрущева исполняющим обязанности первого секретаря ЦК после смерти Сталина, думали примерно то же: мужик, недотёпа, партийный винтик, его так же можно использовать в своих целях, как на протяжении двадцати лет это делал Сталин. Но «недотёпа» оказался величайшим сфинксом. Он осуществил то, что Сталин хотел, но не сумел: ликвидировал Берия и бериевцев руками Маленкова и маленковцев, Маленкова и маленковцев — руками Молотова и молотовцев, Молотова и молотовцев — руками «выдвиженцев» — брежневых. И таким образом десять лет правил великим государством с репутацией «Иванушки-дурачка», но с головой гениального мужика...

Но вернемся к Берия и «культу личности». Лучшее доказательство того, что первым инициатором курса «десталинизации» был лично Берия, мы находим в идеологической жизни партии. Как только покончили с траурной тарабарщиной в марте, имя Сталина стало постепенно исчезать со страниц газет и журналов. «Сочинения» Сталина прекращают издавать — последним оказался т. 13. Издание уже подписанных к печати следующих томов его «Сочинений» (14 и 15) приостанавливают, а потом вообще набор

рассыпают. Если в апреле и мае в передовых статьях «Правды» все еще встречается имя Сталина, то за целый месяц (с конца мая до 29 июня) на Сталина ссылаются лишь один раз! Зато после ареста Берия имя Сталина названо только за одну неделю 12 раз со всеми прилагательными в превосходной степени. Один добросовестный исследователь в неподписанной статье («Новые сведения о деле Берия», 27 января 1972 г., Бюллетень радио «Свобода»), отмечая этот факт, пишет:

«Берия, вероятно, понимал яснее и дальновиднее, чем его сотрудники в Президиуме ЦК, что вся эта (сталинская. — А. А.) система так или иначе обречена, и что лучше всего взять инициативу в свои руки и опрокинуть эту систему. Но даже в таком случае можно сказать с уверенностью, что Берия не мог сам начать в 1953 году процесс десталинизации... По многим причинам можно предположить, что Маленков стоял на более умеренном, либеральном крыле партии, тогда как Хрущев в то время еще противился десталинизации».

На это указывают общеизвестные факты: 1) положение Хрущева усилилось после падения Берия (в сентябре Хрущев стал первым секретарем ЦК), тогда как положение Маленкова ослабло; 2) в «Правде» определилась новая линия «культы Сталина»: главный редактор «Правды» Д. Шепилов стал союзником Хрущева как против курса Берия на десталинизацию, так и против либерального курса Маленкова в экономике с

приоритетом развития легкой промышленности. (Программа Маленкова о «крутом подъеме» потребительской индустрии, оглашенная им на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года, сделала его весьма популярным в стране, что очень напугало Хрущева.)

В том же плане десталинизации Берия начал пересмотр пресловутой «сталинской национальной политики».

Внимание внешнего мира было приковано только к «делу врачей», поэтому прошли незамеченными десятки «национальных дел» в союзных и автономных республиках. Все эти дела тоже создавались по стандарту тридцатых годов: во всех национальных республиках СССР орудуют озверелые банды «буржуазных националистов», которые подготавливают выход их республик из «братской семьи». После систематического глумления (в 20-х годах) над всем русским, теперь «старший брат» призывался поднять свою имперскую дубину против малых народов. Триединую формулу министра Николая I графа Уварова Сталин только слегка модернизировал: большевистское самодержавие, марксистское богословие и официальная народность. Поэтому вся история нерусских народов переписывалась под Иловайского, а за евреями не признавали даже и прав «младшего брата», для них Сталин задумал новую «черту оседлости» где-то в глубине Сибири. Шовинисты зашли в своей великодержавной надменности так далеко, что бранные останки Победоносцева и Пуришкевича прия-

мо-таки напрашивались в мавзолей Ленина и Сталина!

Берия, в котором советский имперский жандарм легко уживался рядом с грузинским шовинистом (после депортации чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев по приказу Берия горная Чечня и гора Эльбрус были аннексированы Грузинской ССР), великолепно понимал, что слабое место советской империи — не мифическое капиталистическое окружение, а двойное окружение покоренных ею народов на окраинах России и в странах-сателлитах Восточной Европы. Берия хотел вернуть «национальную политику» хотя бы к ее ленинским истокам: коренизация партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства на родном языке. Этой цели служило решение Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, принятое по докладу Берия. В нем было сказано: «Президиум ЦК КПСС принял решение:

1) обязать все партийные и государственные органы коренным образом исправить положение в национальных республиках — покончить с извращениями советской национальной политики;

2) организовать подготовку выращивания и широкое выдвижение на руководящую работу людей местной национальности; отменить практику выдвижения кадров не из местной национальности; освобождающихся номенклатурных работников, не знающих местный язык, отозвать в распоряжение ЦК КПСС;

3) делопроизводство в национальных республи-

ках вести на родном, местном языке» (Архив Самиздата. Радиостанция «Свобода». АС №1042, стр. 3).

Дело не ограничилось этим постановлением. В национальных республиках приступили к ликвидации «института вторых секретарей». Его создал Сталин. Он сводился и сводится к следующему: первый секретарь ЦК партии союзной республики назначается из «националов», а второй секретарь ЦК — русский, прямо из Москвы. Ни языка, ни истории, ни культуры местного народа он не знает и знать ему не надо. Он — глаза и уши Москвы против потенциального «сепаратизма». Лишь безнадежные дон-кихоты из местных первых секретарей могли всерьез воображать себя первыми (такими были, например, Бабаев в Туркмении, Мустафаев в Азербайджане, Даниялов в Дагестане, Мжаванадзе в Грузии, которых ЦК поэтому снял). На самом деле, первый — это «второй», а номинальный «первый секретарь» — всего лишь «национальная бутафория» при нем. Это все знают и к этому все привыкли. В национальных республиках были и есть должности, которые вообще могут быть заняты только русскими или обрусевшими националами. Таковы должности командующих военными округами, начальников гарнизонов, начальников пограничных отрядов, председателей КГБ республик, министров внутренних дел, управляющих железными дорогами и воздушными линиями, министров связи республик, директоров предприятий союз-

ного значения, заведующих главными отделами ЦК.

Первые заместители председателей Совета министров союзных республик и первые заместители всех министров (где русский не министр) тоже обязательно русские. В местностях, завоеванных царской Россией (Кавказ, Туркестан, Прибалтика), были восстановлены (снесенные в 20-х годах) памятники царским генералам-завоевателям, а исторические национальные герои этих народов были объявлены «реакционерами» и иностранными «шпионами» (например, великий имам Чечни и Дагестана Шамиль, в течение 25 лет непрерывно воевавший с великой Россией за свободу своей маленькой страны).

Берия понял и, вероятно, убедил других, что в интересах самой партии отказаться от этой уродливой великодержавной практики и взять курс на коренизацию партийного и государственного аппарата. Начали с Украины и Белоруссии. Там даже первыми секретарями ЦК были русские: на Украине Л. Мельникова заменили украинцем Кириченко, в Белоруссии Патоличева заменили белорусом Зимяниным. В Латвии второго секретаря ЦК В. Ершова заменил латыш В. Круминьш.

До других союзных республик очередь так и не дошла: 26 июня Берия арестовали. В числе прочего его обвинили в ставке на «буржуазных националистов», как примеры приводились Украина, Белоруссия и Латвия!

Сталинская национальная политика на окраи-

нах осталась прежней. Сегодня она даже стала еще хуже. При Сталине в двух союзных республиках — в Армении и Грузии — вторыми секретарями ЦК не были русские. Теперь они и там. Русские цари и их генерал-губернаторы на окраинах России честно и открыто признавали себя великодержавниками, но не вели политики ассимиляции неславянских народов. Члены Политбюро объявляют себя «интернационалистами», а ведут политику систематического этнического геноцида — политику уничтожения национальной самобытности народов СССР.

В распространяемом Самиздатом материале, известном под названием «Письмо 17 латышских коммунистов», рассказывается, как выглядит на деле провозглашенное Лениным «право народов на самоопределение»:

«Ленинизм у нас используется как ширма великорусскому шовинизму... Мы убедились, что великорусский шовинизм есть продуманный курс руководства КПСС, что насильственная ассимиляция малых народов в СССР поставлена как одна из ближайших и важнейших внутригосударственных задач... После второй мировой войны латышей, литовцев, эстонцев, как и другие малые народы СССР, начали насильственно ассимилировать, несмотря на то, что это явно противоречит принципам марксизма-ленинизма... Из общего числа работающих в ЦК КП Латвии — только 42% латышей, среди секретарей городских и районных комитетов партии — только 47% латышей. В аппарате Рижского горкома

партии среди заведующих отделами нет ни одного латыша; среди 31 инструктора только два латыша... Среди секретарей первичных парторганизаций только 17% латышей... В 1953 году (единственный раз после смерти Ленина) было официально признано (см. выше постановление Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. — А. А.), что в нашей стране грубо искажалась марксистско-ленинская национальная политика... Хотя упомянутое решение отменено не было, — все намеченные меры были приостановлены... Более того — в национальных республиках начали еще более настойчиво и последовательно проводить программу насильственной ассимиляции малых народов» (там же, стр. 4).

Авторы письма говорят о том, каким образом проводится эта программа:

«Первая основная задача — переместить из России, Украины и Белоруссии в прибалтийские республики как можно больше русских, украинцев и белорусов... ЦК КПСС не доверял центральным комитетам национальных республик... Эти посты (второй секретарь ЦК и заведующий кадрами ЦК. — А. А.) сохраняются за присланными русскими... Для обеспечения массового заезда русских, украинцев и белорусов начали рассаживать разные союзные органы и строить большие предприятия, что не диктовалось экономической целесообразностью... В результате в Латвии латышей в 1970 году — 57%, а в (столице) Риге — 40%... В Министерстве внутренних дел работает около 1 500 человек, а латышей

среди них около 300 человек... Более половины (51%) работников торговли не знают латышского языка, а среди руководящего состава только 29% латышей... 65% врачей не знают латышского языка и по этой причине часто допускают грубые ошибки при установлении диагноза» (там же, стр. 4-6).

А вот как проводится русификация:

«Около 2/3 республиканских радио- и телевизионных передач ведутся на русском языке... Половина периодических изданий — на русском языке... *Делопроизводство во всех республиканских, городских, районных и в большинстве местных организаций и на всех предприятиях ведется на русском языке...* Собрания проводятся на русском языке. Есть много коллективов, где абсолютное большинство латышей, но если в коллективе имеется хотя бы один русский и он требует, чтобы собрание велось на русском языке, то его требование удовлетворяется; если этого не делают, то коллектив обвиняется в национализме... За исключением сельской местности Курземе, Земгале и Видземе, в Латвии осталось совсем мало латышских детских учреждений и школ. Во всех высших учебных заведениях имеются потоки с русским языком обучения... Широко пропагандируются случаи, когда латышские девушки выходят замуж за русских или латышские парни женятся на русских девушках... В столовых, кафе и ресторанах национальные блюда являются редкостью... Существуют два подхода к литературному наследству... Издаются и пере-

издаются труды русских писателей (классиков), но из латышских писателей (только) немногих... В Риге имеется шесть административных районов, но ни один из них не носит местного названия... В Риге имеются улицы Ленина, Кирова, Свердлова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Горького, есть даже улица царского генерал-губернатора, но были переименованы даже такие улицы, как бульвар Аспазияс (виднейшая латышская поэтесса) и улица Вальдемара (латышский просветитель)... В Риге имеется мемориальный дом не только Ленина, но даже русского царя, завоевателя прибалтийских стран Петра I... Не утверждается репертуар ни одного латышского театра, ансамбля, оркестра или хора, если в нем нет русских пьес или песен...».

Латышские коммунисты отмечают и роль своих отцов и братьев в установлении власти Ленина:

«Известно, что во время Октябрьской революции латышские стрелки сыграли выдающуюся роль, и Ленин им поручил охранять Кремль и его лично в самые критические дни. Во время второй мировой войны в составе Красной армии героически сражались две латышские дивизии и специальный авиаполк, а сейчас латышские воинские формирования расформированы, и латышских юношей нарочно не оставляют служить даже в тех русских воинских частях, которые дислоцируются на территории Латвии, а рассылают по всему Советскому Союзу и подальше от Латвии» (там же, стр. 7-8).

То, что латыши рассказывают о своей стране, характерно для всех национальных республик. Эта грубая, неприкрытая воинствующая политика великодержавного шовинизма под фарисейским знаменем «дружбы народов» начинает выводить из терпения даже самих национальных коммунистов. Когда они открыто выступают против такой практики, то их выступления, — заканчивают авторы свое письмо, — «расцениваются, как выступления против партии, ленинизма, и такие смельчаки не только снимаются со всех постов, но лишаются свободы, попадают в лагеря и тюрьмы, а иногда пропадают и без вести навсегда» (там же, стр. 11).

Вот эти два вопроса — десталинизация политической жизни вообще и национальной политики, в особенности, — были теми двумя китами, на которых Берия собирался строить свою новую программу.

Однако партия и народ еще ничего не знали о программе Берия, а Хрущев уже начал интриговать против нее:

«Президиум начал обсуждать меморандум Берия о национальном составе правительственных органов на Украине. Идея Берия сводилась к тому, что местные (нерусские) кадры должны руководить своими собственными республиками... Потом меморандум касался прибалтийских республик и Белоруссии. В обоих случаях подчеркивался принцип выдвижения к руководству республиками местных людей. Мы приняли решение, что пост первого секретаря каждой респуб-

лики должен быть занят местным человеком, а не русским. Так случилось потому, что в этом вопросе позиция Берия была правильная, но он преследовал свою антипартийную цель. Он призывал отменить практику преобладания русских в руководствах нерусских республик. Каждый знал, что это находится в согласии с линией партии, но сперва люди не разобрались в том, что Берия выдвигает эту идею с целью увеличения национального напряжения между русскими и нерусскими, между центральным руководством в Москве и руководствами в республиках. В связи с этим я отвел Маленкова в сторону и сказал ему: «Слушай, т.Маленков, разве ты не видишь, куда это ведет? Мы идем к катастрофе. Берия точит свой нож». — «Да, но что делать?» — «Пришло время сопротивляться. Мы не должны допустить то, что он делает» (Khrushchev Remembers, vol. I, pp. 356-357).

Впрочем, вспомним, что интриговать против Берия Хрущев начал еще при умирающем Сталине (гл. XI, стр.205,206). Мы видели, как Хрущев обвинял Берия, что тот не скрывал своей радости по поводу смерти Сталина, но и сам, видно, скрывал ее с трудом. Правда, его радость была неполной: он боялся Сталина, но еще больше боится теперь Берия.

Как переселить Берия к Сталину (а этим заодно лишить и Маленкова его первого и последнего союзника) — такова была проблема, которой Хрущев посвятил отныне всю свою кипучую энергию и недюжинный талант природного хит-

реца. Положение, создавшееся после смерти Сталина, он рисует в весьма мрачных тонах:

«Когда Сталин умер, он оставил нам в наследство беспокойство и страх. Берия, больше чем кто-либо, позаботился, чтобы этот страх и беспокойство оставались среди нас живучими и постоянными. Я давно не верил Берия. Много раз я убеждал Маленкова и Булганина, что я рассматриваю Берия как авантюриста во внешней политике. Я знал, что он занят укреплением своей позиции и расставляет своих людей на важнейших постах» (Khrushchev Remembers, vol. II, p. 193).

У нас нет никакого основания не верить Хрущеву, что именно он, соучастник Берия в заговоре против Сталина, тут же, у постели умирающего Сталина, плёл интриги против Берия. Характерно, что антибериевский заговор он сначала организовывал только с членами «четверки», а потом только начал завербовывать против Берия и остальных членов Политбюро, что было очень легко. Советские граждане были приятно ошарашены, когда прочли 10 июля 1953 года в «Правде»:

«На днях состоялся пленум ЦК КПСС. Пленум, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК — тов. Маленкова Г.М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П.Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над

правительством и КПСС, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов КПСС как врага коммунистической партии и советского народа».

Берия на этом пленуме ЦК не был, как не было его и на судебном процессе в декабре. Судебный процесс над ним был обычным советским спектаклем, который сам Берия много раз устраивал над другими, с той лишь разницей, что главным героем был теперь не человек, а его труп.

Хрущев повторно рассказывал своим иностранным собеседникам, особенно коммунистическим функционерам, как Берия был арестован и убит. Непосредственными физическими убийцами Берия у Хрущева в разных вариантах рассказа выступают разные лица, но сюжет рассказа остается один и тот же.

Согласно одному из рассказов, конец Берия был такой. Хрущев убедил сначала Маленкова и Булганина, а потом остальных членов Президиума ЦК, что если Берия не ликвидировать сейчас же, то он ликвидирует всех членов Президиума. Так, вероятно, думали все, хотя каждый боялся сказать об этом другому. Хрущев не побоялся. Трудна была лишь техника проведения операции против Берия. Нормальная процедура — свободное обсуждение обвинения против него в Президиуме ЦК или на его пленуме — совершенно отпадала. Опасались, что, как только Берия узнает об обвинениях против него, то немедленно произведет государственный переворот и

перестреляет всех своих соперников. Оставалось только классическое оружие всех подлецов: обман, засада, ловушка. А поскольку по этой части сам Берия был великим мастером, надо было ловкость обмана перемножить на искусственность ловушки. Поэтому операцию против Берия приурочили к началу летних маневров Советской армии. В маневрах Московского военного округа должны были участвовать и несколько сибирских дивизий (на всякий случай, если в московских дивизиях окажутся сторонники Берия). На заседании Совета министров министр обороны, его заместители и начальник Генерального штаба должны были докладывать о ходе маневров, а поэтому было приглашено много военных. Повестка дня этого заседания, как обычно, была заранее разослана членам Совета министров со всякими проектами решений и с указанием имен всех приглашенных докладчиков и экспертов. Словом, рутина рутин. Явились все. Члены правительства собрались в зале заседания Совета министров, а приглашенные, в том числе и военные, расположились, опять-таки как обычно, в комнате ожидания, откуда приглашенных вызывают в зал только во время обсуждения их вопроса. Первым поставили на обсуждение вопрос о ходе маневров Советской армии. В зал вошла группа военных во главе с маршалом Жуковым и командующим военно-воздушными силами Московского округа генералом Москаленко. Маленков объявил объединенное заседание Президиума

ЦК и Совета министров открытым. И тут же обратился к Жукову:

— Товарищ маршал Советского Союза, предлагаю вам от имени советского правительства взять под стражу врага народа Лаврентия Павловича Берия.

Военные берут Берия под стражу и уводят в соседнюю комнату. Президиум ЦК начинает обсуждать вопрос о его дальнейшей судьбе.

Теперь, рассказывал Хрущев, мы стали перед сложной, одинаково неприятной дилеммой: держать Берия в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить смертный приговор в судебном порядке. Принять первое решение было опасно, ибо за Берия стоял весь аппарат чекистов и чекистские войска, и его легко могли освободить. Принять второе решение и немедленно расстрелять Берия у нас не было юридических оснований. После всестороннего обсуждения минусов и плюсов обоих вариантов мы пришли к выводу: Берия надо немедленно расстрелять, поскольку из-за мертвого Берия бунтовать никто не станет. Исполнителем этого приговора (в той же соседней комнате) в рассказах Хрущева выступает один раз генерал Москаленко, другой раз Микоян, а в третий раз даже сам Хрущев. Хрущев подчеркнуто добавлял: наше дальнейшее расследование дела Берия полностью подтвердило, что мы правильно расстреляли его.

Т. Витлин в своей монографии о Берия пишет: «Трудно сказать определенно, был ли он рас-

стрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом тоже говорилось. Также трудно сказать, был ли он арестован на пути в Большой театр 27 июня (где все члены Президиума, кроме него, присутствовали на опере «Декабристы». — А. А.), или он был арестован после приема в польском посольстве, или он был арестован на заседании Президиума ЦК... Поскольку Хрущев пустил в ход несколько версий о смерти Берия и каждая последующая разнится от предыдущей, трудно верить любой из них» (Th. Wittlin. Commissar, p. 395).

Было принято считать, что Берия арестован 27 июня. В доказательство ссылались на отсутствие Берия на вышеназванной опере. Но в том же номере газеты «Известия», где приведен список членов правительства, присутствовавших в театре без Берия, напечатана большая политическая статья «Нерушимое единство партии и народа», где о Берия говорится как об одном из руководителей партии и государства. Однако вся статья направлена против десталинизации и национальной программы Берия. Снова повторяются фразы о «ленинско-сталинской науке о коммунизме», о необходимости борьбы «против буржуазной идеологии национализма и космополитизма» и о том, что «партия всегда предостерегала и предостерегает советских людей от беспечности и ротозейства, воспитывает коммунистов и всех трудящихся в высокой политической

бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами». Это язык сталинской статьи («Правда», 13 января 1953 г.) против Берия!

Зачем о Берия упомянули как об одном из руководителей, неизвестно. Редакция «Известий» не могла не знать, что Берия действительно был арестован за день до этой статьи, то есть 26 июня 1953 года, как об этом официально сообщила Прокуратура СССР («Правда», 17 декабря 1953 года).

Суд над Берия и его шестью помощниками, такими же старыми чекистами, был инсценирован 18-23 декабря 1953 года. В приговоре сказано, что Берия был с 1919 года и по день ареста иностранным шпионом (мусаватистским в Азербайджане, меньшевистским в Грузии, английским в СССР). Далее сказано, что Берия хотел поставить Министерство внутренних дел СССР над партией и правительством для захвата власти, чтобы потом провести «реставрацию капитализма и восстановление господства буржуазии»; Берия был против «повышения благосостояния народа» и «с целью создания продовольственных затруднений саботировал важнейшие мероприятия партии», «подсудимый Берия и его соучастники совершали террористические расправы над людьми», «Берия и его соучастники предприняли ряд мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках», «судом установлено, что подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобу-

лов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский, используя свое служебное положение в органах НКВД-МГБ-МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу партии и советской власти кадров».

Во всех этих преступлениях подсудимые признали себя виновными. 23 декабря их всех приговорили к смерти. В тот же день они были и расстреляны.

Непредубежденный наблюдатель легко может заметить, что в этом обвинительном приговоре сущая правда соседствует с большой ложью. Что Берия и его чекистские коллеги (как их предшественники, так и их наследники) — враги народа, — это правда, но что они хотели поставить свою политическую полицию над партией и правительством, — это ложь. Незачем было им это делать: она уже 20 лет стояла над партией и правительством. Что данный суд в декабре происходил над группой чекистов — это верно, но что там присутствовал и Берия — это мистификация. Хорошо осведомленная и близко задетая бериевским террором С. Аллилуева ничего не пишет о суде над Берия. Более того, из ее слов следует, что Берия был убит сразу после ареста: «После того, как Берия был арестован в июне 1953 года и *немедленно* же расстрелян, — спустя некоторое время правительство распространило длинный секретный документ о его «преступлениях». Читка его на партийных собраниях занимала больше трех часов подряд. Кроме того, что Берия был обвинен в «международном шпиона-

же в пользу империализма», больше половины секретного письма ЦК было посвящено его «аморальному облику». Партийные следователи с упоением рылись в грязном белье уже не опасного противника, и еще ни одно партийное собрание не бывало столь увлекательным: описание любовных походов поверженного «вождя» было сделано со всеми подробностями. Неизвестно только, в чем ЦК хотел убедить партийную массу: к политике это не имело никакого отношения. К внутривнутрипартийной борьбе — тоже. Документ ничего не объяснял и ни в чем не убеждал, — разве лишь в том, что ханжи из ЦК обнаружили собственную грязную натуру. После 1953 года жена и сын Берия были высланы из Москвы на Урал» (Только один год, стр. 357-358).

Что Берия не было в живых во время суда над ним, свидетельствует и весьма солидный коммунистический источник: согласно «Большой универсальной польской энциклопедии», Берия был расстрелян в июле 1953 г. (Th. Wittlin. Commissar, p. 395).

Сталин как-то заметил: «Беспечность — идиотская болезнь наших людей». И сам же стал жертвой этой болезни, недооценив подлость Берия. От той же болезни погиб и Берия, переоценив собственную подлость.

Эпилог

СТАЛИН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ПОДЛИННЫЙ

Сталин был самым ненавистным и самым любимым, глубоко уважаемым и люто презираемым государственным деятелем во всей истории. В его государстве не было людей, равнодушных к нему, — были только энтузиасты и враги. Ни один современник не нарисовал и едва ли нарисует его точный политико-психологический портрет, ибо у него нет беспристрастных современников — даже после его смерти. Чтобы понять его психологию и правильно оценить его деяния, а значит и его место в истории России и мира, нужны хотя бы лет 100-200 исторической дистанции.

Что Сталин — организатор многомиллионной инквизиции и уникальной тирании, спорить не приходится. Что он не оратор, не теоретик и даже не интеллигент, — совершенно очевидно. Что он хотел не человечество осчастливить, а себя вознести, — тоже доказано. Но на путях к этому возвышению он побеждает своего учителя — Ленина, его соратника в Октябре — Троцкого, его «старую гвардию» — Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, ЦК, партию — и все это в легальных рамках устава партии и без единого выстрела, хотя бы даже из-за угла. Ко влас-

ти он, как и Гитлер, пришел совершенно легально и только потом приступил к инквизиции. Его трубадур и его же первая жертва в годы ежовщины Максим Горький провозгласил лозунг: «Если враг не сдается, то его уничтожают!» Сталин же поступал как раз наоборот: если враг сдавался, то он его уничтожал, если врага вообще не было, то он его выдумывал.

Да что говорить о внутренних врагах, когда он обвел вокруг пальца и тех, кого считали национальными гениями своих стран — Рузвельта и Черчилля, — спас при их помощи свой режим да еще открыл их же руками шлюзы коммунизма для создания теперь уже тринадцати новых коммунистических государств на трех континентах с населением (вместе с СССР) более одной трети всего человечества.

В чем же секрет этих побед, каким магическим оружием этот малокультурный человек так метко и безошибочно бьет врагов? Почему ему удалось так прочно оседлать двухсотмиллионный народ, терзать его душу и тело, да еще заставить его превозносить зло как добро, ложь как правду, тиранию как блаженство, а самого себя — как добрейшего из всех богов, каких только знали мифология и религия всех народов?

Маркс говорил, что Петр I при помощи варварских методов ликвидировал русское варварство. Сталин, наоборот, ликвидировал русскую духовную культуру, а насаждал новое варварство. Образцом политического лидера для Сталина был Ленин, что правильно заметил биограф Ста-

лина профессор Роберт Таккер. Интересная пре-
емственность: Троцкий пишет, что кумиром Ле-
нина был Маркс, хотя его самого часто сравни-
вали с Петром I.

Когда в одном из интервью еще в начале 30-х
годов Сталина попросили определить свое место
в истории России в схеме: Петр I — Ленин —
Сталин, — Сталин отвел подобное сравнение.
Он сказал, что Петр — капля в море, Ленин —
целый океан, а он всего только ученик Ленина.
Из этого ответа вытекало, что Сталин считал
себя несомненно больше «капли», но меньше
«океана». Путем военно-полицейской индустриа-
лизации России он хотел превзойти этот «океан».
Но так как ему уже перевалило за 50 лет, то
надо было спешить. То, что Запад проделал в
индустрии за 100-150 лет, Россия должна пробе-
жать в 10-15 лет, — говорил он. Приблизительно
в этот же срок, к 60-65 годам, он хотел стать
тем, за кого его открыто начали выдавать: «Ста-
лин — Ленин сегодня». Но достигнуть обычны-
ми методами ни того, ни другого не было ника-
кой возможности. Поэтому пришлось прибег-
нуть к таким варварским методам, до которых
не додумался не только Петр I, но и сами вар-
вары.

Применение варварских методов во всех сферах
управления страной стало его системой. После
бесплодных споров со всякого рода внутрипар-
тийными оппозициями он понял, что в отве-
денное ему историей время не сможет достичь
цели, если будет лишь орудием партии и ее ЦК.

Лучше превратить их в свое орудие. При этом он действовал в точном согласии с ленинизмом. Вот что Ленин говорил об этом за два года до назначения Сталина «генсеком»: «Советский социалистический централизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит... *волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим*» (Ленин, т. XXV, 3-е изд., стр. 119).

Став таким диктатором, Сталин приступил к превращению великой аграрной страны в страну индустриальную, многомиллионных единоличных крестьянских хозяйств — в одно коллективное хозяйство государственных крестьян, неграмотных мужиков — в грамотный индустриальный пролетариат, малограмотных рабочих — в техников и инженеров, к превращению народной советской власти — в полицейскую партократию, а всего государства — в закрытую страну с «границами на замке» (даже фильм был такой до войны). Отсюда — форсированная индустриализация, насильственная коллективизация, «пятилетки», чистки, инквизиция.

Вся старая и новая знать России — от статских советников до коллежских регистраторов, от дворян до столыпинских и ленинских «нэповских» мужиков, от царских офицеров до белогвардейцев, от земских деятелей до сельских священников, от монархистов до кадетов, от эсеров до меньшевиков, от троцкистов и бухаринцев до старых большевиков, от «буржуазных националистов» до национал-коммунистов, от команди-

ров Красной армии до красных партизан, — были физически ликвидированы в течение первых двух пятилеток (1928-1938 гг.). По данным Сталина, зажиточных крестьян было ликвидировано в 1930-1933 гг. 10 млн. чел., по оценке специалистов, от искусственного голода погибло в 1932 г. на Украине 6 млн. чел., а «врагов народа» было арестовано в 1937-38 гг. до 8-9 млн. чел. После этого Сталин заявил: в СССР ликвидированы классы и построено «бесклассовое социалистическое общество», но народ, не терявший юмора даже в эту жуткую эпоху, острил: «Сталин ошибается, в СССР всё еще остались три класса: те, которые сидели; те, которые сидят; те, которые будут сидеть».

Лидер партии, провозгласившей своей исторической миссией ликвидацию всякой государственной власти («отмирание государства»), Сталин признавал только одного бога — государство. Для увеличения мощи русского государства он сделал больше, чем вся династия Романовых, но и власть у него была тоже бóльшая, чем у всех этих царей, вместе взятых. Если сегодня Россия одна из двух термоядерных сверхдержав, — то это тоже плоды его деятельности. И у такого человека не было никакой личной жизни и потребности к личному уюту. Из мемуаров Светланы Аллилуевой, этого уникального исторического источника величайшей важности, видно, как мало нужно было лично самому Сталину. Вероятно, Сталин был единственным в истории большевиком (не исключая Ленина и Бухарина, не

говоря уже о Зиновьеве и Троцком), в котором абсолютно не было мещанства, но как ловко он культивировал это мещанство в своих последователях и учениках для осуществления собственных политических целей! Его спартанский образ жизни, лишенной какой-либо роскоши, его холодное равнодушие к женщинам (хотя он был вдовцом) и к алкоголю (хотя он был сыном алкоголика), его воздержанность в светских увеселениях, его пренебрежение к великим ценностям ума и воображения, его ревность к выдающимся тиранам и презрение к человеческой личности — роднят его с затаенным кумиром его сердца, таким же фанатиком власти, как и он, — Гитлером. Когда погибла «третья империя», американские журналисты бросились к банковским счетам Гитлера, предвкушая разоблачения о его несметных богатствах, но, увы, они нашли только гонорар за «Майн Кампф», — а у Сталина нашли бы лишь очередную получку в конверте.

В своем могучем рабовладельческом государстве Сталин был сам первым рабом, но из всех человеческих страстей в нем бурлили лишь две — разрушительная страсть вандала и созидательная страсть рабовладельца. От мозга до костей дитя азиатской культуры, он рабами тоже правил не как римский патриций, а как египетский фараон. Если бы он не жил в век индустрии, он покрыл бы всю Россию сетью «великих сталинских строек» — пирамид — побольше, пошире, повыше («догнать и перегнать»).

Он, как и все восточные деспоты, разрешил

своим рабам воспевать себя и даже пошел дальше. Он решил занять место официально изгнанного христианского Бога, чтобы вся страна молилась отныне ему одному. В церковь ходят только верующие, но в церковь Сталина ходили все и никто не верил ни в какой коммунизм, в первую очередь — сам глава этой церкви. Именно поэтому «молитвы» паствы были гиперболические по формулам, напыщенные по тону, приторные по вкусу и насквозь фальшивые по существу.

Вспомним, что писали поэты о Сталине и о «Сталинской конституции» в разгар «Великой чистки» в 1937 году.

Особенной выпендренностью в то время отличалось «народное поэтическое творчество» о Сталине, которое преподносилось от имени кавказских и туркестанских поэтов и певцов. Тюркское слово «акын» и кавказское слово «ашуг» (народный певец) впервые вошли в словарь русского языка в те годы именно из-за стихов о Сталине. Ставшие тогда знаменитыми на весь Советский Союз казахский 90-летний акын Джамбул или 85-летний дагестанский ашуг Сулейман Стальский были совершенно неграмотными людьми, а им приписывали не только стихи, но и целые поэмы о Сталине — в полном соответствии с «Кратким курсом истории партии». Ларчик открывался просто: их заставляли пересказывать оды древних восточных певцов об их добрых царях, шахах, халифах и султанах, русские переводчики их переводили на русский язык с неболь-

шой модернизацией, «созвучной эпохе»: в стихах и песнях акынов и ашугов вместо всех этих добрых, великих, солнечных шахов и халифов появлялся только один Сталин.

1937 год — год апогея беспрецедентного в истории всеобщего террора, когда практически в СССР не было семьи, не задетой чисткой. В разгаре этой инквизиции Сталин инсценирует «свободные выборы» по только что принятой «самой демократической в мире сталинской конституции», а акыны и ашуги ее воспевают («Новый мир», № 12, 1937 г.):

Джамбул:

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта,
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

Сулейман Стальский:

Ты нам могучий пламень дал,
Закон мудрейший написал,
И он, как драгоценный лал,
В страны златом уборе.

С ним колосится рожь в полях,

С ним зреют яблоки в садах,
И люди, честные в делах,
С ним побеждают в споре.

Закон — величье наших дней,
С ним вёсны ярче, песнь стройней,
С ним слава родины моей
За мир стоит в дозоре.

На всей земле всей бедноты
Тысячелетние мечты
На деле воплощаешь ты
В побед безбрежном хоре.

Абибулла Софу

(народный поэт крымских татар):

Законы Сталинские дышат
Перед народом, как цветы,
Когда прочтешь их иль услышишь,
Как мёдом, насладишься ты.

(Депортированным по этим «медовым» «сталинским законам» крымским татарам до сих пор не разрешается вернуться на свою исконную родину.)

Ревнивый кобзарь Украины Микола Шашко из села Мала-Свирка решил переплюнуть «Ёлдашей» и, кажется, даже переплюнул:

Царя и министров мы скинули, смыли,
И пекло поповское в прах разгромили.
Законы тиранов погибли с царями,

Мы рай тот прекрасный построили сами.
Тот рай не на небе, а тут, на земле,
В Советском Союзе да в братской семье.

После XX съезда поэт Александр Твардовский напишет о Сталине другое:

О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев.

После победоносного окончания войны началась новая волна «культы». Ее узаконил лично Сталин в трех государственных актах: в «гимне СССР» поэта Михалкова, где Сталин выведен как бог; в сооружении Сталину грандиозного памятника в Сталинграде (как рассказал Хрущев, распоряжение об отпуске денег для этого памятника подписал сам Сталин); в учреждении «Сталинских премий» за произведения искусства, литературы, науки и техники (но Сталин отказался выполнить постановление ЦК и ЦИК СССР 1925 года об учреждении «Ленинских премий»).

Наконец, Сталин умер. В Москву во все издательства и редакции хлынул безбрежный поток стихов, поэм, воспоминаний. На этот раз тон задали русские «акыны». Вот образцы плача по умершему богу:

Константин Симонов:

Нет слов таких, чтоб ими передать
Всю нестерпимость боли и печали,

Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим о Вас, товарищ Сталин!
Скорбит народ, что Вы ушли от нас,
Скорбит сама земля, от горя вся седая...

(«Правда», 7.3.1953)

Николай Грибачев:

Дрогнул мир, узнав об этом горе,
Разрыдались скорбью провода...
Если б нам несчастье переспорить,
В грудь его свои сердца вложить —
Десять тысяч лет он мог бы строить,
При потомках в коммунизме жить...
Трудно нам без Сталина на свете,
Но великий гений не угас —
Сталин вновь из вечного бессмертья
Учит нас и исправляет нас...

(«Правда», 8.3.1953)

Анатолий Софронов: сей поэт даже был готов —

Все б отдать, чтобы смерть была минучей,
Чтобы повернуть ее с пути!..
В сердце боль, как море, глубока...
Сталин с нами, с нами на века!

(«Правда», 8.3.1953)

Я думаю, что первую мгновенную реакцию —
как партии, так и народа — на смерть Сталина
лучше всех других писателей передали нам две
женщины: одна — советская писательница Галина

Николаева, другая — дочь Сталина Светлана Аллилуева.

Дождавшись смерти Сталина, члены «четверки» немедленно направились к выходу. Их и свое собственное состояние в эти минуты Аллилуева описывает так: «Члены правительства устремились к выходу, — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня — *скорбь* и *облегчение* (я не говорю о Берия, который был единственным в своем роде выродком)» (Двадцать писем к другу, стр. 10).

Скорбь партии — что ушел благодетель, облегчение олигархии — что не стало тирана. Чувства народа тоже не были однородными. Они были сложными и противоречивыми. Сталина считали символом порядка, жестокого и беспощадного, но все-таки порядка. Что же будет, если океан страстей зальет страну кровавыми волнами во имя исторического возмездия режиму и злодеяниям его вождя против народа? Многие еще помнили 1917 год: «Зверь вышел из клетки, но, увы, этот зверь был Его Величество русский Народ», — так писал монархист Шульгин о бешеных страстях этого периода. Если выйдет «Его Величество» второй раз из «клетки», то боялись, что в мире не найдется силы, которая могла бы загнать его обратно. (Косыгин одному иностранцу: «Дать русским свободу? Так они же пережуют друг друга!»)

Галина Николаева предпослала своему роману «Битва в пути» главу «Мартовская ночь», посвященную смерти Сталина. Ее центральная мысль — скорбь «нового класса», его тревоги за будущее, а у народа — не скорбь, не траур, а неистребимое любопытство видеть бога, хотя бы и мертвого. Две сцены символизируют это противоречивое состояние.

Вот крупный хозяйственник сталинист Бахирев сидит у радио и ловит разные радиостанции СССР, Китая, Румынии, Венгрии: «Величавые звуки траурного марша... Внезапная, простая, любимая ленинская:

Наш враг над тобой не глумился, (а Берия?)
Кругом тебя были свои, (а «четверка»?)
Мы сами, родимый, закрыли
[Орлиные очи твои...].

Но Бахирев делает «чуть заметный поворот выключателя — и вдруг завывающее ликование джаза...»

Значит жизнь продолжается и без бога, да и не все скорбят... Многие ликуют... Бахирев философствует: «Тля умирает, как тля, но когда умирает гений, то вздрагивает вся Земля».

Автор повествует о шествии народа в Колонный зал Дома Союзов, где стоял гроб Сталина:

«Народная лавина была слишком молчалива и трагична для демонстрации, слишком стремительна и беспорядочна для траурного шествия... Глубина скорби и жадность любопытства... В

двойственном впечатлении было что-то нездоровое, противоестественное».

Что же, в конце концов, движет эту «народную лавину» к Сталину: скорбь, долг прощания или «жадность любопытства»? Сын Бахирева Рыжик, который потерялся в толпе во время этого шествия и которому отец угрожал за это наказанием, выразил мнение народа: «Я же к Сталину бегал. Сами всю жизнь говорили: «Сталин, Сталин!» А как посмотреть? *А теперь вдруг можно посмотреть!.. Все бегут поглядеть*».

Вот именно: живой бог всю жизнь был недосыгаем, а теперь, мертвый, он вдруг очутился на земле, представилась возможность посмотреть, «поглядеть» на него, как этим не воспользоваться?

О своем первом впечатлении о смерти Сталина писал и Илья Эренбург:

«Мы давно забыли, что Сталин — человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога. И вот бог умер от кровоизлияния в мозг. Это казалось невероятным... Траурный митинг писателей состоялся в Театре киноактера... Все были подавлены, растеряны... Ораторов было много. Я тоже говорил, не помню что...» (И. Эренбург. Сочинения, т. 9, стр. 33).

Однако газетный архив сохранил нам это выступление Эренбурга, которое, действительно, не очень удобно помнить автору «Оттепели» и воспоминаний «Люди, годы, жизнь»:

«В эти трудные дни мы видим Сталина во весь его рост, видим, как он идет по дорогам земли, высится над нашим грозным временем...

Как оно понятно, горе человека, где бы он ни жил, когда он узнал о смерти великого защитника мира! Но все люди знают, что *Сталин не может умереть*. Он жив не только в его трудах... он жив в сознании сотен миллионов людей, русских и китайцев, поляков и немцев, французов и вьетнамцев, итальянцев и бразильцев, корейцев и американцев. *Когда сердце Сталина перестало биться, в скорби еще сильнее забились сердца человечества...* Простые люди живы и в них жив Сталин» («Правда», 11.3.1953).

Эренбург добавил:

«В Дании простая женщина, мать пятерых детей, повторяла: «Я за них не боюсь, ведь есть Сталин!»

Но Эренбург забыл упомянуть и другого простого датчанина, может быть, даже мужа этой женщины. Когда датский премьер «от имени всех датчан» выразил Маленкову глубокое соболезнование по поводу смерти Сталина, то на другой же день появилось «Письмо в редакцию»: «Сообщаю, что наш премьер не говорил от моего имени».

После доклада Хрущева на XX съезде Эренбург, конечно, изменил свое мнение о Сталине, но так резко, что стало неловко за самого Эренбурга. Однако, опытный психолог, Эренбург знает, что искренним признанием в собственном лицемерии можно обезоружить критика и подкупить читателя: «Я не любил Сталина... и я его боялся... Поделюсь с читателями своими мыслями и чувствами в марте 1953 года... Обожевствле-

ние Сталина не произошло внезапно, оно не было взрывом народных чувств. Сталин долго и планомерно его организовывал: по его указанию создавалась легендарная история, в которой Сталин играл роль, не соответствующую действительности... Признание Сталина «гениальным и мудрейшим» предшествовало массовым расправам... Почему же я не написал в Париже «Не могу молчать?» ...Молчание для меня было не культом, а проклятием... Да, я знал о многих преступлениях, но пресечь их было не в моих силах...» (И. Эренбург. Сочинения, т. 9, стр. 732-738).

К началу 1923 года ленинское Политбюро состояло из пяти человек (перечисление в порядке важности по тогдашнему партийному протоколу): 1) Ленин, 2) Троцкий, 3) Зиновьев, 4) Каменев, 5) Сталин. Главный редактор «Правды» и второй после Ленина теоретик партии Бухарин был кандидатом. Все они, начиная Лениным и кончая Бухариным, уже в 20-х годах знали, что Сталин не только бывший убийца («эксы» на Кавказе в 1906-1912 годах, массовые расстрелы по личному приказу Сталина в Царицыне в 1918 году), но и потенциальный убийца даже самой ленинской партии с задатками организатора единоличной тирании (избавиться от него они не могли — Сталин принадлежал к этому же узкому кругу лиц, взявших немецкие деньги на большевистскую революцию).

Посмотрим на Сталина сначала глазами членов Политбюро, выслушаем характеристики о

нем съездов его партии, потом послушаем, что сам Сталин думает о себе и, наконец, дадим слово сегодняшним сталинским эпигонам. Для документальности приведем некоторые цитаты.

1. Начнем с «Завещания» Ленина (1922-23 гг.):

«Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб... Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который... более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 345-346).

Из статьи Ленина «К вопросу о национальностях» от 30-31 декабря 1922 года:

«Приняли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинного русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и административное увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма» (термин Сталина против грузинских коммунистов. — А. А.). Озлобление вообще играет в политике обычно самую худшую роль. Я боюсь, что т. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о «преступлениях» этих «социал-националистов», отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда переса-

ливают по части истинно русского настроения). Тот грузин (речь идет о Сталине. — А. А.), который пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), нарушает интересы пролетарской классовой солидарности... Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 357-361)*.

2. Троцкий (1930 г.):

«Сталин одарен практическим смыслом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей. Политически его кругозор крайне узок. Теоретический уровень совершенно примитивен. Его компилятивная книжка «Основы ленинизма» кишит ученическими ошибками. Не-

* Ленин резко поставил вопрос перед XII съездом о снятии с поста Сталина и исключении из партии Дзержинского и Орджоникидзе за «грузинское дело». Сталин считал, что Ленин преследует его из-за интриг своей жены — Крупской — и начал угрожать ей исключением из партии. Тогда Ленин порвал отношения со Сталиным в следующем письме к нему: «Товарищу Сталину. Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее... Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением. Ленин. 5 марта 1923 г.» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 329-330). После этого Ленин жил еще около десяти месяцев, но ответа от Сталина так и не дождался.

знакомство с иностранными языками вынуждает его следить за политической жизнью других стран с чужих слов. По складу ума он упорный эмпирик, лишенный творческого воображения. Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) *он казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей*. И то, что он играет сейчас (1930 г.) первую роль, характеризует не столько его, сколько переходный период политического сползания. Еще Гельвеций сказал: «Каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, то он их выдумывает» (Троцкий. Моя жизнь. 1930, стр. 247).

«По-настоящему Ленин узнал Сталина только после Октября. Он ценил его качества твердости и практического ума, состоящего на три четверти из хитрости. В то же время Ленин на каждом шагу наталкивался на невежество Сталина, на *исключительную моральную грубость и неразборчивость*» (Л. Троцкий. Моя жизнь. Часть II. 1930, стр. 217-218).

3. Зиновьев и Каменев (1925 г.) (со слов Троцкого):

«Возможно ли было в 1924 году предвидеть события 1936-38 годов, когда Сталин развился в тирана со всеми его атрибутами? В 1924 году он еще боролся за власть. Был ли уже тогда Сталин способен на такой заговор? Все данные его биографии заставляют нас отвечать на этот вопрос утвердительно... Когда Зиновьев и Каменев порвали со Сталиным в 1925 году, они оба заложили в надежном месте письма: «Если мы внезапно

исчезнем, то знайте, что это дело рук Сталина». Они мне советовали сделать то же. «Вы думаете, — говорил мне Каменев, — что Сталин озабочен тем, как отвечать на ваши аргументы? Ничуть не бывало. Он рассчитывает, как ликвидировать вас без того, чтобы быть за это наказанным. Как только мы порвали со Сталиным, мы составили нечто вроде «Завещания», в котором мы предупредили, что если мы «случайно» умрем, ответственным за это считать Сталина. Этот документ сохраняется в надежном месте. Я советую вам сделать то же самое. Вы можете ожидать всякого от этого азиата». Зиновьев добавил: «Он бы вас ликвидировал еще в 1924 году, если бы не боялся возмездия — террористических актов со стороны части молодежи. Это причина того, что Сталин решил начать с уничтожения кадров оппозиции и отложил ваше убийство до того времени, пока он себя не почувствует безнаказанным. Он ненавидит нас, особенно Каменева, так как мы слишком много знаем о нем, но он еще не готов убить нас» (L. Trotski. Stalin. London, 1947, p. 417).

4. Бухарин (1928 г.):

«Сталин — беспринципный интриган, который любое дело подчиняет интересам сохранения своей власти. Он меняет свои теории, смотря по тому, от кого хочет избавиться» (A Documentary History of Communism. N.Y., 1960, pp. 308-309).

5. Политбюро ЦК КПСС на XX съезде (1956 г.):

«...необычайный ум (Ленина. — А. А.) выра-

зился также и в том, что он вовремя заметил в Сталине ряд отрицательных качеств, которые позднее привели к весьма печальным последствиям... Ленин указал, что Сталин является чрезвычайно жестоким человеком, что он недостойно относится к своим товарищам, что он капризен и злоупотребляет своей властью... Эта отрицательная черта Сталина все время неуклонно развивалась и в последние годы его жизни приобрела абсолютно нетерпимый характер...»

Партия превратила Сталина «в сверхчеловека, наделенного сверхъестественными качествами, приближающими его к божеству. Предполагается, что такой человек все знает, за всех думает, может делать абсолютно все и является непогрешимым в своих поступках... Такая вера по отношению к Сталину культивировалась среди нас в течение долгих лет... Сталин создал концепцию «врага народа». Этот термин автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок... Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным безразлично по какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия... Концепция «враг народа», сама по себе, практически исключала возможность... выражения собственного мнения по тому или иному вопросу, даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер... Сталин прибегал к

чрезвычайным методам и массовым репрессиям в то время, когда революция уже победила, когда советское государство укрепилось, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы... Сталин проявил свое нетерпимое отношение, свою жестокость, злоупотребление властью... Факты доказывают, что Сталин, постоянно злоупотребляя своей неограниченной властью, действовал при этом от имени ЦК, не спрашивая при этом мнения не только членов ЦК, но даже и членов Политбюро. Нередко он не информировал их о лично им принятых решениях, касающихся чрезвычайно важных партийных и государственных вопросов... Сталин был очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: «Почему ты сегодня не смотришь прямо?» или «Почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?». Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие... Всюду и везде он видел «врагов», «лицемеров» и «шпионов». Обладая неограниченной властью, он допускал большой произвол в деле морального и физического уничтожения людей. Создалось такое положение, что никто не мог выразить свою волю. Если Сталин говорил, что того или иного человека следует арестовать, то необходимо было принимать на веру, что это лицо является «врагом народа»... После войны Сталин стал еще более капризным, раздражительным и жестоким; в особенности возросла его подозри-

тельность. Его мания преследования стала принимать невероятные размеры» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 5, 6, 8, 10, 14, 29, 41).

6. Постановление XXII съезда КПСС (1961 год):

«Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III. Москва, 1962, стр. 362).

7. Сталин о Сталине:

а) Легенда о Сталине как организаторе большевизма в России.

Сталин писал (1938 г.):

«Пражская конференция (январь 1912 г.) выбрала большевистский ЦК. В состав ЦК вошли Ленин, Сталин и др. Товарищи Сталин и Свердлов были избраны заочно... Был создан практический центр для руководства революционной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с тов. Сталиным... Из политической группы большевики оформляются в самостоятельную партию

большевиков» (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 137-139)*.

Неправда. Сталин не был избран на конференции, он был кооптирован Лениным в ЦК после конференции, Сталин не был поставлен во главе Русского бюро ЦК, такой функции вообще не было, а фактически Русское бюро возглавлял Серго Орджоникидзе; по Ленину, партия большевиков существует с 1903 года, но Сталину нужно было, чтобы она существовала только с 1912 года, с тех пор, как он сам впервые стал членом ее ЦК.

б) Легенда о борьбе Сталина за недоверие к Временному правительству.

Сталин писал:

«Сталин, который только вернулся из ссылки вместе с большинством партии, отстаивал политику недоверия Временному правительству» (Краткий курс, стр. 176).

Неправда. Партия, ЦК, редакция «Правды» и лично Сталин выступали за условную поддержку Временного правительства (см. Протоколы ЦК за март-апрель 1917 г., журн. «Вопросы истории КПСС», №3 и №5, 1962 г.).

в) Легенда о том, что Сталин был за «Апрельские тезисы» Ленина.

Сталин писал:

«Вся партия, за исключением нескольких оди-

* «Краткий курс» написан самим Сталиным и должен был составить содержание пятнадцатого тома его «Сочинений» — см. Сталин. Сочинения, т. I. Москва, 1946, стр. VIII.

ночек типа Каменева, Рыкова, Пятакова, приняла (Апрельские. — А. А.) тезисы Ленина» (стр. 179).

Неправда. ЦК, ПК, МК и редакция «Правды» во главе со Сталиным и Каменевым отвергали эти «тезисы» в статье «Правды» от 8 апреля 1917 г., а Сталин еще называл их «голой схемой».

г) Легенда о том, что Сталин выступал на VI съезде партии (июль-август 1917 г.) против явки Ленина и Зиновьева на суд.

Сталин писал:

«На съезде обсуждался вопрос о явке Ленина на суд. Каменев, Рыков, Троцкий еще до съезда считали, что Ленину надо явиться на суд контрреволюционеров. Тов. Сталин решительно высказался против явки Ленина на суд» (Краткий курс, стр. 190).

Неправда. Вот что говорил Сталин на этом съезде: «Если суд будет демократически организован и дана гарантия, что их не растерзают... они явятся» (Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. 1958, стр. 27-28).

д) Легенда о мифическом «Партийном центре» по руководству восстанием во главе со Сталиным.

Сталин писал:

«16 октября (1917 г. — А. А.) состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран *Партийный центр* (выделено в оригинале. — А. А.) по руководству восстанием во главе со Сталиным... Этот Партийный центр руководил практически всем восстанием» (Краткий курс, стр. 197).

Неправда. Такого «Партийного центра» никогда не существовало, он выдуман, чтобы отнять руководство Октябрьской революцией не только у Троцкого, но и у самого Ленина.

е) Легенда, что восстание началось по указаниям «Партийного центра».

Сталин писал:

«По указанию Партийного центра восстания были срочно подтянуты к Смольному отряды революционных солдат и красногвардейцев. Восстание началось» (там же, стр. 198).

Неправда, восстание началось по указаниям пленума ЦК от 24 окт., на котором Сталин не присутствовал (см. Протоколы ЦК РСДРП(б). Москва, 1958, стр. 119), а практически им руководили Петроградский Совет во главе с Троцким и его подсобный орган, возглавлявшийся Подвойским, — Военно-революционный комитет, в котором Сталин был лишь членом.

ж) Легенда о разгроме Деникина по «плану Сталина».

Сталин писал:

«Командование южного фронта совместно с Троцким разработало план, по которому главный удар наносился Деникину от Царицына на Новороссийск... тов. Сталин подверг резкой критике этот план и предложил ЦК свой план разгрома Деникина: направить главный удар через Харьков-Донбасс-Ростов... ЦК принял план тов. Сталина. Во второй половине октября 1919 г. Деникин был разбит Красной Армией... Деникин начал быстро отступать... В начале 1920 г. вся

Украина и Северный Кавказ были освобождены от белых» (Краткий курс, стр. 227-228).

Неправда. Советский историк Н. Ф. Кузьмин, исследовавший этот вопрос на основе архива ЦК, пришел к выводу: «Письмо Сталина Ленину не было основополагающим документом при разработке ЦК осенью 1919 года нового плана борьбы против Деникина. Оно было написано тогда, когда новый план разгрома Деникина осуществлялся и Южный фронт уже достиг серьезных успехов». Любопытная деталь: сталинские историки, сообщает Кузьмин, переправили дату письма Сталина с 15 ноября на 15 октября 1919 года, чтобы доказать существование этого сталинского плана до начавшегося в октябре наступления против Деникина (см. журн. «Вопросы истории», №7, 1956, стр. 32-33).

з) Легенда о Сталине как организаторе Коминтерна.

Сталин писал:

«Сталин по поручению ЦК в январе 1918 года проводит совещание представителей революционного крыла социалистических партий различных стран Европы и Америки, сыгравшее значительную роль в борьбе за создание III Коммунистического интернационала» (И. В. Сталин. Краткая биография. Москва, 1951, стр. 68-69).

Неправда. Как не знающий иностранных языков, Сталин ни в русскую делегацию, ни в Исполком Коминтерна не входил до 1925 года.

и) Легенда о величайшем теоретике Сталине.

Сталин писал:

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин» (Краткий курс, стр. 342).

к) Сталин о Сталине, как о гении (1948 г.).

Сталин писал:

«В этой борьбе с маловеерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринскими и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и *ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин*. Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования... Сталин — достойный продолжатель дела Ленина или, как говорят у нас в партии: Сталин — это Ленин сегодня... Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны *сталинский гений* находил

правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки. Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. *С гениальной проницательностью* разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы оперативного искусства» (Краткая биография, стр. 231-232).

Хрущев комментирует:

«Сталин был далек от понимания развивающихся на фронте действительных событий... следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе (*оживление в зале*). Да, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта... (Но) где и когда бывало, чтобы вождь так сам себя хвалил... Можно привести много примеров таких самопохвал, вписанных в первоначальный текст этой книги («Краткой биографии». — А. А.) рукой Сталина... Таковы факты... следует, пожалуй, сказать — позорные факты... Если автором этой книги («Краткий курс». — А. А.) был Сталин, то почему ему нужно было так восхвалять личность Сталина и превращать весь послеоктябрьский исторический период... в дело одного только «сталинского гения»... (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 49-51).

После свержения Хрущева ЦК КПСС решил пересмотреть характеристику, данную Сталину на XX и XXII съездах партии. Попытка официально реабилитировать Сталина на XXIII съез-

де (1966 г.) сорвалась из-за настойчивых протестов советской интеллигенции, особенно ученых и писателей. Тогда ЦК решил провести молчаливую реабилитацию Сталина как политика и открытую его реабилитацию в войне как полководца. Эта задача была поручена не партаппарату, а советскому генералитету и хозяйственникам. Отсюда и посыпалась серия мемуаров генералов и маршалов и хозяйственников-бюрократов, в которых Сталин реабилитируется как государственный деятель, полководец, рачительный хозяин и обаятельный человек (а чистки перекладываются на Ежова и Берия). Из таких многочисленных характеристик Сталина я приведу две, которые ЦК вложил в уста маршала Жукова и бывшего заместителя министра, авиаконструктора А. Яковлева.

1) Маршал Ж у к о в (1969 г.):

«Близко узнать Сталина мне пришлось после 1940 года, когда я работал в должности начальника генерального штаба и во время войны — заместителем Верховного главнокомандующего... Невысокого роста и непримечательный с виду Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позёрства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы со Сталиным внутренне собраться и быть начеку. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно

ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был ясный, пронизывающий. Он говорил тихо, четко отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя, в руках чаще всего держал трубку, концом которой любил разглаживать усы. Говорил он с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры. Сталин смеялся редко... Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое и читал без очков. Писал, как правило, сам, от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал, позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку. Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он буквально менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким. Немного я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар...

... Сталин хорошо разбирался в больших стра-

тегических вопросах... Эти способности Сталина особенно проявились начиная со Сталинграда...» (Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Москва, 1969, стр. 305-308).

2) Заместитель министра авиационной промышленности А. Яковлев (1970 г.):

У Сталина «...лицо в мелких оспинах. Волосы гладко зачесаны назад, черные с сильной седой. Глаза серо-коричневые. Иногда, когда он хотел, обаятельные, даже без улыбки, а с улыбкой — подкупающе ласковые. Иногда, в гневе, страшно пронзительные. Когда раздражался, на лице, среди оспин, появлялись мелкие красные пятна. Говорил Сталин правильным русским языком с довольно заметным кавказским акцентом. Голос глуховатый, горловой. Жестикуляция, а также движения и походка — умеренные, не порывистые, но выразительные. Выглядел исключительно простым... Слушая собеседника, редко перебивал, давал высказаться. На совещаниях у Сталина в узком кругу не было стенографисток, секретарей, не велось каких-либо протокольных записей... Сталин не терпел верхоглядства и был безжалостен к тем, кто при обсуждении вопроса выступал, не зная дела...» (Цель жизни. Москва, 1970, стр. 497).

Словом, почти как по Гегелю: *тезис* (при Сталине) — «Сталин — бог, Ленин сегодня»; *анти-тезис* (при Хрущеве) — «Сталин — лжебог, Анти-Ленин»; *синтез* (при Брежневe) — «Сталин — апостол истинного бога — Ленина».

Что представлял собой так называемый «культ личности» как политическое кредо и догматический обряд?

«Культ личности» был лишь синонимом культа власти, поэтому был культ не одного Сталина, но и всех его соратников, более того, были еще «культы» всех представителей партийно-государственной иерархии. Величина и масштаб того или иного «культа» были прямо пропорциональны тому месту, которое человек занимал в иерархии власти. Каждый ученик Сталина в сфере своего правления сам был Сталиным.

Хрущев говорил, что партия превращала Сталина в «сверхчеловека, наделенного сверхъестественными качествами, приближающими его к божеству». Некоторыми из этих сверхъестественных качеств Сталин наделял и своих апостолов, предусмотрительно оставляя за собой право объявлять любого из них Иудой, если этого требуют интересы его личной власти.

Статус «божества» давал Сталину исключительные преимущества. Он ставил его не только вне критики (боги не ошибаются), но и был призван оградить его от проклятий народа за жертвы его преступлений. Ведь ни одному верующему не придет в голову мысль проклинать Бога за жертвы наводнений, землетрясений, ураганов, молний, хотя эти стихийные бедствия — тоже результат Божьей воли. Наоборот, как раз в такие моменты люди, даже до сих пор индифферентные в религиозном отношении, наиболее усердно молят Бога о пощаде, об отпущении грехов.

Сталина никто никогда не любил подлинной человеческой любовью, но его боялись, как боялся Бога. Боялись, что разгневанный грехами людей, бог может устроить не только отдельные стихийные бедствия (периодические чистки), но и всеобщий потоп («ежевщину»). Сталин сам думал так, как думал Калигула: «пусть ненавидят, лишь бы боялись». Вместе с Макиавелли Сталин знал, что власть, основанная на любви народа к диктатору, — слабая власть, ибо она зависит от этого же народа, тогда как власть, основанная на страхе народа перед диктатором, — сильная власть, ибо она зависит только от самого диктатора.

«Культ личности» был не только целостной догмой, но и довольно импозантной церемонией. Его внешние атрибуты были так же строго установлены, как и его содержание. Когда называли имя Сталина в члены почетного президиума, все должны были вставать, с энтузиазмом аплодировать, пока председатель собрания не сделает знака, что, кажется, выполнили «норму». При перечислении имен руководителей партии и правительства в печати имя Сталина нельзя было перечислять в общем списке, если даже список начинается со Сталина. Надо было писать, например, «присутствовал товарищ Сталин, а также т. т. Молотов, Микоян и другие».

Нельзя было сокращать, как обычно принято для других, слово «товарищ» на «т.» перед именем Сталина. Надо было писать полностью «товарищ Сталин» (сокращение «т. Сталин» народ

расшифровывал как «тиран Сталин»). Нельзя было при печатании переносить имя Сталина, разбивая его на слоги, это считалось контрреволюционным намеком на то, чтобы символически разрубить Сталина на части. Нельзя было сидеть, разговаривая по телефону со Сталиным. Во время разговора вы должны, так же как и все присутствующие в вашем кабинете или зале, стоять навытяжку*.

Если пишешь статью или даже книгу на тему о политике или о социальных науках, надо излагать только то, что на эту тему писал или говорил Сталин. Мысли Сталина можно излагать в кавычках или без них, но не предлагая никаких собственных тезисов, во избежание обвинения в антипартийной ереси со всеми последствиями этого. Отсюда — эпидемия «раскавыченного Сталина» во всех социальных науках.

Если цитируешь Сталина, то цитату следует начинать так: «товарищ Сталин учит». Эпитеты более или менее стандартные — «великий», «мудрый», «гениальный» (они же — и в превос-

* В известном советском кинофильме сталинского времени — «Сталинградская битва» — есть такая сцена: происходит совещание в главной квартире главнокомандующего сталинградским фронтом, несколько маршалов и генералов сидят за столом: главнокомандующего вызывают к прямому проводу, находящемуся тут же. Он нехотя берет трубку, но, как только услышал, с кем имеет дело, становится «смирно», и, обращаясь к присутствующим, говорит: «У провода товарищ Сталин!» Маршалы и генералы, как по команде, вскакивают со стульев, становятся во фронт и стоят без движения, как статуи, до конца разговора.

ходной степени). Метафоры могли быть довольно разнообразными. Казахский акын Джамбул использовал, например, в стихах, напечатанных в «Правде», такие сравнения: «Сталин выше Гималаев, шире океана, ярче солнца» (куда до него теперь Мао Цзэ-дуну!).

Сталин русскому языку учился уже взрослым юношей в грузинской школе. Поэтому естественно, что он некоторые русские слова невольно произносил на кавказском жаргоне. Если вам приходилось в присутствии Сталина употреблять эти же слова, то разумно их было произносить с теми же ошибками, что и Сталин. Но если вам вздумалось бы подражать его (довольно сильному) грузинскому акценту, вы безумно рисковали головой.

Культ Сталина переносился и на его мать, постепенно принимая мистический характер. Писатель Шолохов объявил прах матери Сталина «святым» на том единственном основании, что она родила Сталина.

Впервые слова «культ вождей» употребили сами сталинцы на XIV съезде (1925 г.), обвиняя Зиновьева и Каменева в том, что они искусственно создают себе культ. На это Каменев ответил: «Мы против культа одного вождя тоже», — это было сказано по адресу Сталина. С тех пор, собственно, партийно-идеологическая машина планомерно и систематически работала над созданием большого «культа Сталина» и маленьких «культов» его учеников.

Официальное узаконение культа Сталина прои-

зошло в декабре 1929 года в связи с его пятидесятилетием. Кульминационного пункта этот культ достигал дважды: в 1939 году (в связи с шестидесятилетием Сталина и его личным триумфом после расстрела внутренних «врагов народа») и в 1949 году (в связи с семидесятилетием и разгромом внешних врагов — Германии и Японии).

Каждый юбилей сопровождался восторженными статьями в «Правде». Написанные с интервалом в десять лет, статьи характеризовались глубокой внутренней связью. Они хорошо иллюстрируют поступательное движение культа Сталина к абсолюту. Они рассказывают не только о Сталине, но и о тех, кто создавал Сталина. Ученники Сталина поняли, с кем они имеют дело, а поняв это, разработали тактику собственного поведения. Они поняли, что Сталин — человек великого честолюбия, основанного на беспредельной жажде власти. Поэтому соратники Сталина учитывали эту черту его характера и, высоко превознося его, всячески унижали самих себя. Тем самым они укрепляли как власть Сталина, так и свои позиции, ибо еще Ницше заметил: «Кто сам себя унижает, хочет быть возвышенным».

Историки много писали, что Сталин сделал, но истинная проблема в другом — *как* он это сделал. Успехи политика говорят о многом, но методы их достижения — обо всем.

Сталин был человеком без мешающего успеху в политике балласта, такого, как понятие о чести, долге, верности... Сталин был политиком с бесподобным иммунитетом против любого проявле-

ния благородных человеческих эмоций. Это значит, что он был человеком органически неспособным любить, жалеть, делать добро, зато в нем были гипертрофически развиты два чувства: жестокость и трусость. Олицетворенная трусость, как выразился бы Энгельс, Сталин уважал лишь того, кто внушал ему страх: до войны — Гитлера, после войны — Берия. Человек, который с ледяным хладнокровием приговаривал миллионы своих рабов к смерти, за собственную жизнь дрожал как никто из тиранов. Его абсолютное безразличие к чужой жизни тоже родилось из страха за себя.

Именно как человек без человеческих чувств Сталин был впервые открыт Лениным и им же возведен в ранг члена ЦК большевиков в 1912 году, после того, как Коба-Сталин успешно руководил кавказской террористической бандой («экссы») с 1906 по 1912 год. Деньги, награбленные путем убийств многих невинных людей, Коба-Сталин аккуратно переводил в заграничную кассу Ленина, а Ленин их направлял назад в Россию, обратив в революционную литературу.

Освобожденный самовоспитанием от морали и убийствами от человечности, наделенный необыкновенной хитростью и практическим умом, эрудит в области истории интриг и подлостей восточных деспотий, Сталин был гораздо более идеальным вождем большевизма, чем его основоположник Ленин. Если он сам себя называл «Лениным сегодня», то это скорее было комплиментом Ленину, а не ему.

Человек без морали, он был, однако, наделен неповторимым талантом эксплуатации чужой морали, чести и совести. Свою партию он намеренно и систематически обезчеловечивал по своему собственному образу и подобию, ибо был убежден, что только партия бесчувственных исполнителей способна безоглядно следовать за своим бесчувственным богом. Поэтому его самовосхваление было вовсе не «самолюбованием», самоцелью, а обдуманной системой самоутверждения верховного бога в интересах большевистского режима. Его личные интересы при создании этого бога были подчинены общим интересам большевизма, претендующего на владение абсолютной истиной во всей истории человечества.

Абсолютная истина — это и значит большевистский бог, персонифицировавшийся в имени «Сталин». Партия подняла своего бога на такую недостижимую высоту, что иной раз сама личность Сталина отрывается от общего объекта поклонения — от «бога-Сталина». Совсем не случайно он часто говорил о себе в третьем лице. Люди, простые смертные, говорят о себе в первом лице — «я», коронованные персоны — «мы», но только «боги» говорят о себе в третьем лице, как Сталин о Сталине: «он, Сталин».

Этому богу добровольно молилась вся партия, принудительно — весь народ; сам Сталин ему тоже молился. Вот почему Сталин занимался не возвеличиванием себя, а возданием положенной церемонной дани своему второму «я» — «богу-Сталину». (См. советские киножурналы: весь зал

стоя аплодирует Сталину и Сталин тоже аплодирует... Сталину. А зрители должны думать, что он аплодирует залу...) В одном из редких случаев, когда Сталину пришлось защищаться от обвинения со стороны оппозиции, что он ставит себя выше партии и от этой роли не намерен отказаться, он ответил: «Я — подневольный человек!»

Недаром Сталин девизом своего поведения сделал знаменитые слова Лютера: «Здесь я стою и не могу иначе. Да поможет мне бог истории» (Сталин. Соч., т.4, стр. 393) — с маленькой поправкой: у Лютера был просто Бог, а у Сталина — «бог истории». «Я не Сталин, но в Сталине и я», — говорили большевики. Понятно, что такое олицетворение всей партии в собственной персоне лишало Сталина свободы маневрирования по какому-нибудь личному капризу. Самое страшное: как каждый бог, Сталин был лишен права ошибаться. Он знал, что его первая ошибка будет и последней — бога низведут. Так ведь и случилось...

Если бы надо было определить ту черту в характере Сталина, которая предрешает его успехи в самых сложных ситуациях, пришлось бы сказать: непревзойденный дар перевоплощения фарисея. Сталин был не двуликим, а многоликим Янусом. Так правдоподобно казаться тем, кем на самом деле не был, — мог только он один. Этот талант делает его величайшим актером в разных, порою резко противоположных, ампула — от крайнего трагика до бесшабашного комедианта

— на сцене истории. «Говори не то, что думаешь, не думай то, что говоришь», — это другой девиз его жизни. Вообще Сталин говорил редко, зато веско. Сталин знал: тем дороже ценится слово, чем реже его произносишь. Поэтому он был непримиримым врагом инфляции слов — болтливости. Даже в обыденной жизни он разговаривал «тезисами», как однажды заметил его сын Яков.

Его способность адаптации к чужим идеям для их использования в собственных целях была изумительной. Так называемый сталинизм в теоретическом аспекте есть синтез идей Ленина, Троцкого и Бухарина, сцементированный в сгусток дьявольской энергии технолога власти. Однако на эту власть он надел мистическое покрывало святости, чтобы, встав во главе нее, оказаться не только безгрешным, но и всезнающим и всевидящим. Он, знакомый с Эпикуром хотя бы по диссертации Маркса, запомнил его завет: «Вместо Бога, видящего наши действия, мы должны избрать образ чтимого человека и жить так, будто он нас постоянно видит».

В самом деле, вот что газета «Правда» (17 февраля 1950 г.) писала о боге-Сталине:

«Если ты, встретив трудности, вдруг усомнишься в своих силах, — подумай о нем, о Сталине, и ты обретешь нужную уверенность. Если ты почувствовал усталость в час, когда ее не должно быть, — подумай о нем, о Сталине, и усталость уйдет от тебя... Если ты замыслил нечто большое, — подумай о нем, о Сталине, —

и работа пойдет споро... Если ты ищешь верное решение — подумай о нем, о Сталине, — и найдешь это решение».

В древности лишь несколько богов вместе обладали такой силой, какой в наше время обладал один Сталин! Но Сталин мог вычитать у Эпикура и другое:

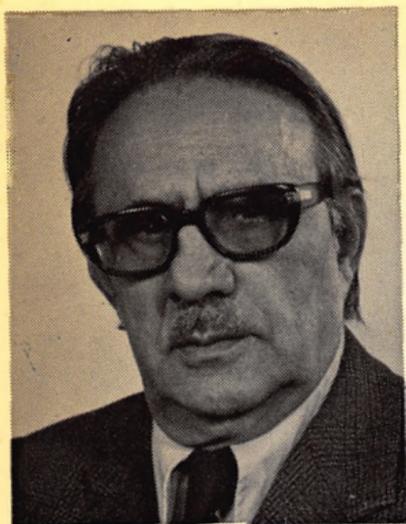
«Власть и почести не дают спокойствия, а, напротив того, рождают тревогу и страх... Почести — суть мнимое благо, бесчестие — мнимое зло».

Поэтому-то вместо обещанного «рая на земле» Сталин соорудил перманентное чистилище, отпущение грехов в котором и до сих пор происходит лишь как «посмертная реабилитация». Когда же он вплотную подвел к воротам чистилища и своих «апостолов», то они швырнули туда его самого.

Тбилисский Дантон всё-таки оказался пророком...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		1
Глава	I.	«Верховный» дезертир 5
Глава	II.	«Внутренний кабинет» Сталина 19
Глава	III.	Берия — маршал жандармерии 39
Глава	IV.	Два временщика — Маленков и Жданов 56
Глава	V.	Борьба за советизацию Восточной Европы 80
Глава	VI.	Подготовка новой «Великой чистки» 96
Глава	VII.	Удар по вотчине Берия 113
Глава	VIII.	Разногласия между Политбюро и Сталиным 126
Глава	IX.	Историческое поражение Сталина 147
Глава	X.	Разгром «Внутреннего кабинета» 164
Глава	XI.	Последние дни Сталина 181
Глава	XII.	Как произошел переворот? 224
Глава	XIII.	Конец Берия 245
Эпилог		Сталин легендарный и подлинный 275

Абдурахман Авторханов родился на Кавказе. По национальности — чеченец. Был номенклатурным работником ЦК ВКП (б). В 1937 году окончил Институт красной профессуры в Москве. Специализировался по русской истории. В 1937 году был арестован как „враг народа”. По распоряжению Верховного суда РСФСР был в 1942 освобожден, а в 1943 эмигрировал на Запад, где защитил докторскую диссертацию и стал профессором

по истории России. В СССР А. Авторханов издал шесть книг, главным образом, по истории Чечни и Кавказа. За границей он выпустил десять книг (некоторые под псевдонимом А. Уралов). В издательстве „Посев” опубликованы четыре книги А. Авторханова: „Происхождение партократии” (в двух томах); переиздание наиболее известной его работы (дополненной автором) „Технология власти”; „Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)” — выходит уже 4-м изданием; „Сила и бессилие Брежнева. Политические этюды”.

„Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)” — девятая, написанная за границей, книга этого прекрасного знатока „кухни” верхушки КПСС и аналитика советской действительности — несколько отличается от всех других. Исследуя официальные и неофициальные советские документы, автор приходит к поразительному выводу: Сталин не умер естественной смертью — его убрали заговорщики! Автор ничего не навязывает читателю: он приводит факты, слухи, расшифровывает недомолвки, а выводы читатель может делать сам. Эта серьезная работа написана исключительно увлекательно и читается как криминальный роман.